

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

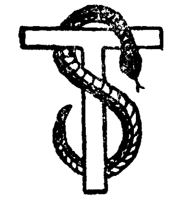
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 января.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкая, А. Ф. Вельцъ, В. Д. Гардеръ, А. С. Гралевской, С. Н. Даль, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ Б. Ф., А. В. Унковской. П. Успенскаго, М. П.* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и августъ) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Три желанія" и „Оккультныя науки" **Е. П. Блаватской;** „Дхарма" и „Проблема зла и страданія" **А. Безантъ;** „Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ" **Т. Паскаля;** „Мистика" **Р. Штейнера;** „Объ общеніи съ міромъ духовъ" *Гартмана;* біографическіе очерки Е. П. Блаватской, Г. Олькотта и Т. Паскаля; автобіографія А. Безантъ, съ портретами, и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1910 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по пятницамъ отъ 4—5 часовъ дня.

Къ читателямъ „Вѣстника Теософіи“.

Послѣ двухлѣтняго опыта мы убѣдились, что низкая подписная цѣна на „Вѣстникъ Теософіи“, которую мы назначали съ цѣлью сдѣлать нашъ журналъ какъ можно доступнѣе для большого круга читателей,—не въ состояніи покрывать всѣхъ дѣлаемыхъ на него затратъ; въ виду этого, необходимость заставляетъ насъ поднять подписную цѣну, и мы просимъ нашихъ читателей помочь намъ распространеніемъ свѣдѣній о нашемъ журналѣ среди тѣхъ, кто задумывается надъ смысломъ жизни и интересуется духовными вопросами.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“ подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція просить гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщить ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

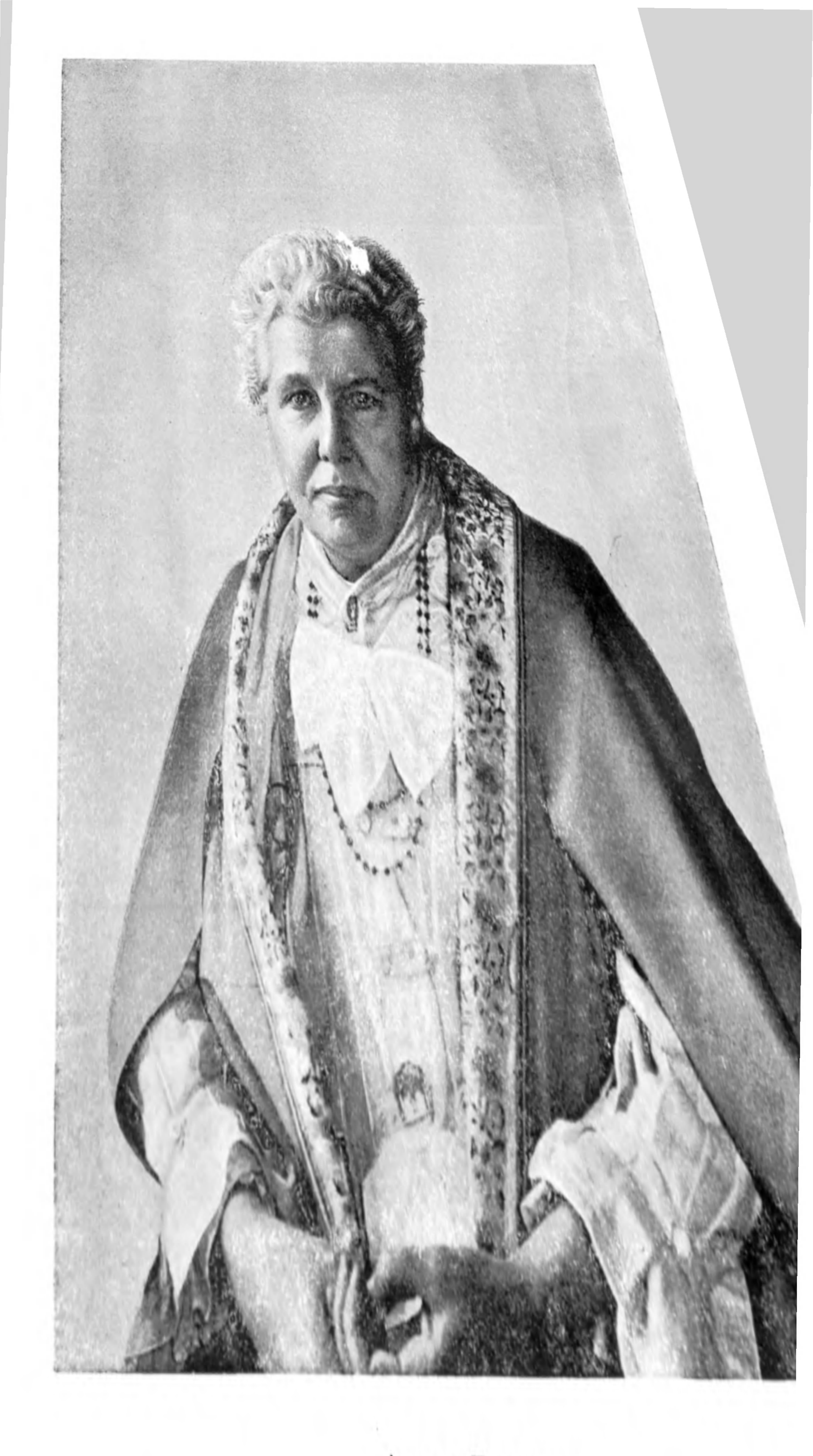
январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Опечатки въ декабрьскомъ номерѣ:

Напечатано:			Слѣдуетъ читать:
На стр.	319	заполняющій	затопляющій
„ „	324	неба	бездны
„ „	328	венуи	вещи

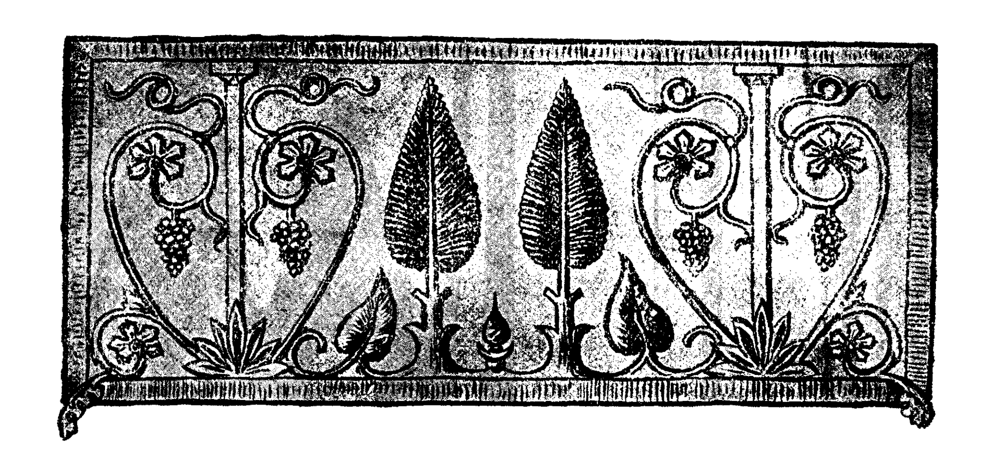

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55. уголъ Вознесенскаго.

Анни Безантъ.

ПРЕЗИДЕНТЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТЕОСОФИЧЕСКАГО ОБЩЕС

Русская идея.

„Благо тѣмъ изъ насъ, кто сознали, что наша задача передъ народомъ помочь ему... въ организаціи его *будущей духовной свободы*“.

(„По звѣздамъ“, В. Ивановъ).

Въ пламенной статьѣ В. Иванова „О русской идеѣ“ (По звѣздамъ), двѣ мысли особенно бросаются въ глаза: сознаніе важности переживаемаго момента и сознаніе потребности въ „безотлагательномъ синтезѣ“.

Авторъ говоритъ: „становясь лицомъ къ лицу, на каждомъ поворотѣ нашихъ историческихъ путей, съ нашими исконными и какъ-бы принципіально русскими вопросами о личности и обществѣ, о культурѣ и стихіи, объ интеллигенціи и народѣ, мы рѣшаемъ послѣдовательно единый вопросъ о нашемъ національномъ самоопредѣленіи, *въ мукахъ рождаемъ окончательную форму нашей всенародной души, „русскую идею“*.

Всѣ эти муки авторъ объясняетъ „усиліями самоопредѣленія“. („Свободы возжаждали мы для самоопредѣленія“).

Мы поняли, что для преодолѣнія хаоса жизни намъ нуженъ „безотлагательный синтезъ“, который долженъ привести къ свободному и цѣльному пріятію Христа, какъ „единаго всеопредѣляющаго начала нашей духовной и внѣшней жизни“...

Авторъ напоминаетъ, что ложнымъ становится всякое утвержденіе національной идеи только тогда, когда она неправильно связывается съ эгоизмомъ народнымъ, или когда понятіе націи

смѣшивается съ понятіемъ государства. Истинная національная идея есть „самоопредѣленіе собирательной народной души въ связи вселенскаго процесса и, *во имя свершенія вселенскаго*, самоопредѣленіе, утверждающее историческія осуществленія и потому двигающее энергіи".

Державный Римъ, св. католическій Римъ и „третій Римъ", Римъ духа слѣдуютъ другъ за другомъ въ исторіи міра. Этотъ третій, еще не рожденный, но готовящійся къ проявленію, говоритъ намъ: „ты, русскій, одно памятуй: *вселенская правда—твоя правда*; и если ты хочешь сохранить душу, не бойся ее потерять".

Безбожная культура есть культура критическая,, люциферіанская, каинова, культура разъединенія. Ей на смѣну должна идти культура религіозная, культура возсоединенія, ибо о „новозавѣтности" тоскуютъ и интеллигенція и народъ: „народъ, чающій воскресенія. и интеллигенція, жаждующая возсоединенія". „Возсоединеніе дается только въ воскресеніи". Намъ надо искать Бога, но не у народа (какъ М. Горькій), потому что самъ народъ хочетъ новой, живой новозавѣтности, а *Бога должно искать въ нашихъ сердцахъ*"...

Во всѣ историческія эпохи общественныя группы, достигшія привеллигированнаго положенія, бережно отстаивали цѣнности и ими гордились; но русская интеллигенція всегда тяготилась быть классомъ господствующимъ и явила исключительный въ исторіи примѣръ воли къ обнищанію, опрощенію, самоупраздненію, нисхожденію... „Мы, народъ самосожигателей, представляемъ въ исторіи то живое, что, по слову Гете, какъ бабочка—Психея, тоскуетъ по огненной смерти".

Авторъ отмѣчаетъ опасность этой страсти, доходящей до обезцѣненія цѣнностей. Протестъ и страхъ передъ всѣмъ, что вызываетъ подозрѣніе въ искусственности, доходитъ до „недовѣрія ко всему, на чемъ напечатлѣлось въ человѣкѣ божественное, во имя ли Бога или во имя ничье—до всѣхъ самоубійственныхъ влеченій охмелѣвшей души, до всѣхъ видовъ теоретическаго и практическаго нигилизма"... Любовь къ нисхожденію—отличительная особенность нашей народной психологіи. Это нисхожденіе авторъ опредѣляетъ такъ: *дѣйствіе любви и жертвенное низведеніе божественнаго свѣта во мракъ низшей сферы, ищущей просвѣтлѣнія*. Это настроеніе исходитъ изъ сознанія долга передъ тѣмъ, кто послужилъ нашему возвышенію. Оно такъ сильно и вызываетъ такую жажду сліянія, что сostраданіе къ падшимъ можетъ дойти до желанія участвовать въ паденіи (Тьма Л. Андре-

ева); чистота представляется какъ-бы измѣной падшимъ братьямъ. Отсюда и мысль Ивана Карамазова объ аристократичности Христова ученія, разсчитаннаго на силу немногихъ.

„Законъ нисхожденія свѣта долженъ осуществляться въ гармоніи съ закономъ сохраненія свѣта". Мы должны укрѣпить прежде всего этотъ свѣтъ въ себѣ, очиститься, просвѣтиться, стать сильными (мистическія стадіи: очищеніе, просвѣтлѣніе, сила) и тогда уже дѣйствовать. Пробужденіе мистической жизни въ личности—первая и необходимая основа религіознаго дѣла, осуществляющагося въ „правомъ нисхожденіи", нисхожденіи свѣта, котораго не обниметъ тьма.

Это проснувшееся новозавѣтное сознаніе съ нетерпѣніемъ любви прислушивается къ апокалиптическому обѣтованію Того, Кто Первый и Послѣдній: „Се гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною. Блаженны, имѣющіе право на Древо Жизни и власть войти вратами во Градъ".

Тонкій и глубокій анализъ русской души со всѣми ея мятежными порывами и страстью беззавѣтнаго служенія напоминаютъ вѣщее слово Достоевскаго о *всечеловѣкѣ*:

„Русскому скитальцу необходимо всемірное счастье, чтобы успокоиться: дешевле онъ не примирится... Одинъ лишь русскій получилъ уже способность становиться наиболѣе русскимъ именно лишь тогда, когда онъ наиболѣе европеецъ; это и есть самое существенное національное различіе наше отъ всѣхъ... Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ-быть и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*".

Можно сказать, что сверхнаціональность русской идеи получила въ этихъ словахъ наивысшее свое выраженіе. Такая сверхличная способность къ синтезу можетъ вылиться только изъ религіознаго сознанія, интуитивно прозрѣвающаго и предчувствующаго основное единство всего живущаго. Русская душа могла формулировать идею вселенскаго человѣка, потому что русскій прежде всего мистикъ и изъ глубинъ своихъ религіозныхъ переживаній рождается его духовная интуиція. Въ этой потребности къ единству и въ этой геніальной способности къ синтезу и кроется та духовная мощь, которая заставляетъ вѣрить въ міровую миссію Россіи. Не можетъ удовлетвориться русскій частичнымъ счастьемъ и частичной правдой: для души его нужны *благо всѣхъ* и *вселенская правда*. В. Ивановъ прекрасно это выразилъ въ своей статьѣ „О русской идеѣ". Онъ понялъ, что русскую душу съ ея любовью къ безбрежному простору и къ безграничной

свободѣ нельзя заковать въ условныя рамки интеллектуальной культуры и условной правды. Ей нуженъ чистый горный воздухъ, въ которомъ свободно дышется, свободно вливается свѣтъ и радостно подготовляется возсоединеніе съ борящимся во тьмѣ человѣчествомъ. То, что В. Ивановъ называетъ „процессомъ нисхожденія" вѣрнѣе назвать „процессомъ возсоединенія", потому что пронзенный свѣтомъ высшаго знанія долженъ не спускаться къ братьямъ, дѣля ихъ тьму и грѣхъ, а поднимать ихъ до себя и съ ними дѣлить обрѣтенный свѣтъ. Мистикѣ всѣхъ временъ родственъ и близокъ этотъ путь; онъ неизбѣжно сливается съ религіозными переживаніями на вершинахъ, и потому не правильно отводить ему такое исключительное мѣсто въ христіанствѣ. Знаменитое „Tat twam asi" *). Веданты—не менѣе пламенное выраженіе того же глубокаго религіознаго сознанія. Можетъ быть ни у кого нѣтъ такой органической духовной связи съ древней Индіей, какъ у русскихъ: русская мистика и религіозная философія Индіи имѣютъ глубокія точки соприкосновенія и кто знаетъ— можетъ быть, отъ этого огненнаго соприкосновенія и родится новая культура будущаго...

Глубина нашихъ религіозныхъ исканій требуетъ безграничной свободы и потому русской душѣ чужды и тѣсны условныя ризы догмы, стремящіяся заковать духъ живой. Догма есть лишь форма, облаченіе и, какъ всякая форма, она должна развиваться и идти впередъ; застоя не можетъ быть нигдѣ. По мѣрѣ того, какъ религія становится менѣе догматичной и болѣе духовной и мистичной—конфликты и борьба прекращаются, потому что на первый планъ выдвигаются *задачи духа*, печать котораго *единство*. Духъ соединяетъ то, что форма разъединяетъ.

Углубленное, мистическое пониманіе христіанства неизбѣжно приводитъ къ Теософіи и потому можно сказать, что каждый мистикъ уже теософъ въ душѣ. Слѣдовательно противополагать теософію—христіанству можно только по недоразумѣнію.

Если Россіи дѣйствительно суждено сказать новое слово человѣчеству, то это только потому, что она способна родить новое религіозное сознаніе, въ ней таится сила родить „Христа", того мистическаго Христа, о которомъ молится апостолъ Павелъ.

Духъ Христа соединяетъ, а не разъединяетъ; онъ миритъ, а не сѣетъ вражду; онъ надѣется и вѣритъ, потому что непрестанно

*) Это—ты, т. е. этотъ преступникъ, этотъ падшій, этотъ глупецъ, этотъ безумный—это ты. Ты и міръ—одно.

ощущаетъ присутствіе благодати всепобѣждающей любви, и потому онъ никогда ни отъ кого не отчуждается, ничему себя не противопоставляетъ и ничего не боится. Онъ не споритъ о формѣ, а творитъ новую жизнь. Ему не важно интеллектуальное выраженіе истины, а *сама истина.* И потому воскресшая Россія не будетъ спорить о Богѣ, а будетъ идти къ Богу; она не будетъ догматически утверждать міровое явленіе Христа, но *она будетъ идти по стопамъ Его.* Проникнутая теософическимъ міропониманіемъ, она не будетъ соперничать ни съ народами, ни съ религіями, и осуществитъ вселенскій синтезъ въ области религіозной, какъ она уже стремится его осуществить въ области общественной. Сбросивъ съ себя всѣ цѣпи догматизма и всѣ оковы разъединенія, она радостно и смиренно пойдетъ къ Тому, Кто сказалъ: „*Истина сдѣлаетъ васъ свободными*". (Ев. отъ Іоанна, VIII, 32).

Alba.

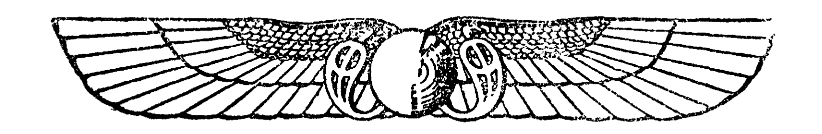
Гдѣ нѣтъ свободной жертвы, тамъ нѣтъ мѣста для Бога.

Любовь ничего не требуетъ кромѣ права давать.

Ничто не можетъ повредить человѣку, исполненному совершенной Любви къ Богу.

Благочестивый—въ единеніи съ Безсмертнымъ Духомъ; любовь—безсмертная жизнь.

(Мысли А. Безантъ).

Дхарма.

А. Безантъ.

Вступленіе.

Когда націи земли одна за другой вызывались къ жизни, каждой было дано Богомъ свое особое „слово", которое она должна была сказать міру; каждой было дано отъ Вѣчнаго свое слово, которое она должна была произнести. Оглядываясь на исторію націй, мы можемъ слышать это слово, звучащее изъ общихъ устъ народа, выражающееся въ его дѣйствіяхъ—доля, внесенная каждымъ народомъ въ дѣло строенія совершеннаго и идеальнаго человѣчества. Для древняго Египта такимъ словомъ была Религія; для Персіи—Непорочность; въ Халдеѣ это слово было — Наука; словомъ Греціи была Красота; Рима—Законъ.

А Индіи—этому первенцу изъ всѣхъ Своихъ дѣтей—Индіи Онъ далъ слово, соединявшее въ себѣ всѣ остальныя, это слово было Дхарма. Дхарма—это слово Индіи міру.

Но мы не можемъ выразить это слово въ его полномъ значеніи, во всей его всеобъемлющей силѣ, не преклонившись сначала передъ Тѣмъ, кто былъ величайшимъ олицетвореніемъ идеи Дхармы, какое только видѣлъ міръ—Бхишма, сынъ Ганга—могучее воплощеніе идеи долга. Послѣдуйте за мною, унесемся за пять тысячъ лѣтъ назадъ, чтобы увидѣть этого героя, простертаго на его усыпанномъ стрѣлами ложѣ, въ равнинѣ Курукшетра, и не сдающагося смерти, пока не пробьетъ должный часъ. Мы переходимъ черезъ груды сраженныхъ воиновъ, черезъ горы мертвыхъ слоновъ и коней, минуемъ многіе погребальные костры и обломки оружія и колесницъ. Мы находимъ героя, лежащаго на его ложѣ изъ стрѣлъ, пронзеннымъ сотнями этихъ стрѣлъ. Его голова покоится на изголовьи, сложенномъ изъ стрѣлъ, потому что онъ отказался отъ мягкаго ложа, которое ему принесли, и согласился лечь лишь

на ложе, сдѣланное Арджуной изъ стрѣлъ. Бхишма въ выполненіи своей Дхармы еще въ юности, ради своего отца, ради своихъ обязанностей передъ отцомъ и ради своей любви къ нему, произнесъ великій обѣтъ отреченія отъ семьи, отреченія отъ короны, дабы воля отца была удовлетворена. И Шантану далъ ему свое благословеніе, чудный даръ—что смерть не постигнетъ его, пока Бхишма самъ ее не призоветъ, пока Бхишма самъ не пожелаетъ умереть.

Когда этотъ великій герой палъ, пронзенный сотнями стрѣлъ, солнце было въ южной своей четверти и въ такое время года нехорошо было умирать тому, кто не вернется болѣе на землю. Но онъ воспользовался властью, дарованной ему отцомъ, и отдалилъ время своей смерти до тѣхъ поръ, пока солнце не откроетъ путь къ вѣчному миру и освобожденію. Такъ лежалъ онъ въ теченіе многихъ томительныхъ дней, прикованный къ одному мѣсту мучительной болью своихъ ранъ, мучимый страданіями своего искалѣченнаго, ненужнаго ему болѣе тѣла, когда вокругъ него собрались многіе Риши *), послѣдніе изъ Арійскихъ царей, и сюда же пришелъ Шри-Кришна, дабы узрѣть своего вѣрнаго. Далѣе, пришли и пять князей, сыновей Панду, побѣдителей въ великой войнѣ, и всѣ они окружили его ложе и со слезами преклонились передъ нимъ, прося дабы онъ училъ ихъ. Среди самыхъ ужасныхъ страданій Бхишма услышалъ обращенныя къ нему слова Того, чьи уста были уста Бога, освободившія его отъ сжигавшей его лихорадки, ниспославшія отдыхъ его измученному тѣлу и прояснившія его разумъ, давшія миръ его внутреннему сознанію. И тогда Онъ повелѣлъ ему повѣстить міру о томъ, что такое Дхарма—ему, который всею своею жизнью училъ этому, который не уклонился съ праваго пути, который всегда шелъ по узкой дорогѣ, какъ сынъ, какъ князь, какъ правитель, какъ воинъ. Окружавшіе Бхишму просили, чтобы онъ училъ ихъ, и Вашудева **) повелѣлъ ему говорить о Дхармѣ, потому что онъ былъ достоенъ учить этому.

Тогда они, сыновья Панду, тѣснѣе сомкнулись вокругъ него, во главѣ со старшимъ братомъ своимъ Юдиштирой—вождемъ войска, бывшаго причиной смерти Бхишмы. Юдиштира боялся приблизиться и задавать вопросы, думая, что стрѣлы, пущенныя по его повелѣнію, дѣйствительно были его стрѣлами; онъ былъ

---

*) „Риши“ по санскритски означаетъ „пророкъ“. Такъ звали древнихъ индусскихъ пророковъ.

**) „Вашудева — эпитетъ Шри-Кришны.

виновенъ въ пролитіи крови старшаго въ своемъ родѣ и не осмѣливался просить, чтобы онъ училъ и его. Видя его колебанія, Бхишма, чей разумъ всегда былъ уравновѣшенъ, который шелъ по трудному пути долга, не колеблясь изъ стороны въ сторону, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Какъ долгъ Брамана въ томъ, дабы совершать дѣла милосердія, предаваться размышленію и покаянію, такъ долгъ Кшатріа жертвовать своимъ тѣломъ въ битвѣ. Кшатріа долженъ убивать и родителей и прародителей, братьевъ и наставниковъ, родныхъ и близкихъ, если они затѣютъ съ нимъ неправую битву. Это его несомнѣнный долгъ! Тотъ Кшатріа, о Кешава *), вѣренъ своему долгу, кто умерщвляетъ въ битвѣ своихъ наставниковъ, если они окажутся преступными и корыстными, не признающими никакихъ запретовъ, не сдерживающими своихъ обѣщаній... Спрашивай меня, о дитя, безъ боязни".

Потомъ, подобно тому, какъ Вашудева, говоря о Бхишмѣ, объяснялъ его право быть учителемъ, такъ и самъ Бхишма, обращаясь къ князьямъ, объяснилъ имъ, какія качества необходимы для людей, задающихся вопросами о проблемѣ Дхармы.

„Пусть тотъ сынъ Панду, одаренный яснымъ разумомъ, умѣющій владѣть собою, Брамачарія **) способный къ милосердію, справедливости, одаренный силой ума, задаетъ мнѣ вопросы! Пусть тотъ сынъ Панду, всегда исполняющій свои обязанности къ роднымъ и гостямъ, къ слугамъ и ко всѣмъ, кто зависитъ отъ него,— задаетъ мнѣ вопросы. Пусть сынъ Панду, обладающій правдивостью, милосердіемъ, героизмомъ, внутреннимъ миромъ, неустрашимостью, мудростью, раскаявшійся—задаетъ мнѣ вопросы".

Таковы отдѣльныя черты человѣка, который можетъ пытаться понять тайну Дхармы. Таковы качества, которыя и вы и я должны тараться развивать въ себѣ, если мы хотимъ понять это ученіе, если мы хотимъ быть достойными задаваться этими вопросами.

Тогда началась эта дивная бесѣда, которой нѣтъ равной среди всѣхъ бесѣдъ, когда-либо слышанныхъ міромъ. Въ ней говорилось объ обязанностяхъ царей и подданныхъ, объ обязанностяхъ четырехъ видовъ, о четырехъ жизненныхъ путяхъ, объ обязанностяхъ всякаго рода людей, объ обязанностяхъ, несходныхъ между собою и зависящихъ каждая отъ своей ступени эволюціи. Всѣ вы должны знать эту великую бесѣду, должны изучать ее и не только за красоту ея формы, но и за ея нравственное величіе. Если бы только

*) Кешава по санскритски „Владыко".

**) Брамачарія" по санскритски ученикъ, получившій первое посвященіе.

мы могли слѣдовать по Пути, указанному Бхишмой, тогда ходъ нашей эволюціи ускорился бы, тогда скорѣй взошла бы для Индіи заря искупленія.

Сущность нравственности тѣсно связана съ идеей о Дхармѣ и нельзя понять, что такое эта нравственность, не зная, что такое Дхарма, эта нравственность, которая для нѣкоторыхъ людей нѣчто весьма простое. И дѣйствительно это такъ, если смотрѣть на этотъ вопросъ съ общей точки зрѣнія. Понятіе о добрѣ и злѣ въ обыкновенной жизни ограничено очень простымъ, яснымъ и опредѣленнымъ образомъ. Для человѣка мало развитого, для человѣка съ узкимъ кругозоромъ, для человѣка малознающаго наконецъ— понятіе о нравственности кажется очень легко опредѣлимымъ. Но для человѣка глубоко ученаго, высокаго развитія, для того, кто поднимается къ высшимъ стадіямъ человѣчества, для желающаго познать тайное, нравственность есть нѣчто весьма трудное. „Нравственность, какъ идея, есть нѣчто чрезвычайно утонченное"— говорилъ князь Юдиштира, призванный разрѣшить съ пятью сыновьями вопросъ о бракѣ Кришны. Нѣкто еще выше стоящій, чѣмъ этотъ князь, тоже говорилъ о трудности рѣшенія этого вопроса. Шри-Кришна, Аватара *), произнося свою рѣчь на полѣ битвы при Курукшетра, тоже говорилъ объ трудностяхъ правильнаго дѣйствія.

Онъ говорилъ:

„Что такое есть дѣйствіе? Что такое бездѣйствіе? Даже сами пророки колеблются въ разрѣшеніи этого вопроса. Надо умѣть различать дѣйствіе, надо различать незаконное дѣйствіе, надо различать бездѣйствіе. Таинственна Іога **) дѣйствія". (Бхагавадъ-Гита, 16—17)

Да, таинствененъ Путь мистическаго дѣйствія! Таинствененъ— потому, что нравственность, какъ это думаютъ простые сердцемъ люди, не одна и та же, неизмѣнная для всѣхъ, разъ она измѣняется сообразно Дхармѣ каждаго человѣка. Что хорошо для одного— дурно для другого, и что дурно для одного—хорошо для другого. Нравственность есть нѣчто чисто индивидуальное; она зависитъ отъ Дхармы дѣйствующаго человѣка, а не отъ того, что часто называютъ, „абсолютнымъ добромъ и зломъ". Ничего нѣтъ безусловнаго въ мірѣ относительнаго! Добро и зло относительны и о нихъ должно судить относительно индивидуума и его долга.

---

*) Аватара по санскритски „воплощеніе Вишну или Гари".

**) „Іога" по санскритски означетъ Мистическій Путь.

Такъ величайшій изъ Учителей сказалъ по поводу Дхармы, и эти слова должны нами руководить по нашему запутанному пути.

„Лучше плохо выполнить свою собственную Дхарму, чѣмъ хорошо исполнить чужую.

„Лучше умереть, выполняя свою собственную Дхарму.

„Дхарма ближнихъ—полна опасностей“ (Бхагавадъ-Гита, 35).

Онъ повторилъ ту же мысль и въ концѣ своей безсмертной рѣчи и сказалъ тогда, но измѣнивъ ее уже такимъ образомъ, дабы освѣтить предметъ съ новой точки зрѣнія:—„Лучше своя, хотя бы и скромная, Дхарма, чѣмъ блестящая Дхарма другого. Тотъ, кто творитъ Карму, вытекающую изъ его собственнной природы, тотъ не подпадаетъ грѣху. (оттуда же 47).

Шри-Кришна еще болѣе развиваетъ здѣсь это ученіе и опредѣляетъ намъ послѣдовательно Дхармы четырехъ великихъ кастъ. Сами термины, которые онъ употребляетъ, даютъ намъ понятіе объ этомъ словѣ, переводимомъ иногда то словомъ Долгъ, то словомъ Законъ, то словомъ Религія, то словомъ Правда. И хотя слово Дхарма означаетъ все это, но въ то же время оно означаетъ и нѣчто гораздо большее, ибо значеніе Дхармы глубже и обширнѣе того, что всѣ эти слова опредѣляютъ. Возьмемъ слова Шри-Кришны относительно Дхармы четырехъ кастъ: „Браминовъ, Кшатріевъ, Ваишіевъ и Шудръ, о Парантара *)! Каждая изъ этихъ кастъ творитъ свою Карму, *сообразно гунамъ* **) *или качествамъ, прирожденнымъ ихъ различнымъ природамъ.* Ясность духа, самообладаніе, строгость къ себѣ, непорочность, готовность прощенія, такъ же какъ и прямота, вѣдѣніе, знаніе, вѣра въ Бога—вотъ въ чемъ Карма Брамана, происходящая изъ самой сути его собственной природы. Доблесть, величіе и твердость духа, физическая ловкость, мужество въ бою, великодушіе, качества повелителя—вотъ въ чемъ Карма Кшатріа, происходящая изъ самой сути его природы; земледѣліе, скотоводство, торговля—составляютъ Карму Ваишіа; прислуживать—Карма Шудры, происходящая изъ сути его природы. Человѣкъ достигаетъ совершенства выполненіемъ своей собственной Кармы!“

Далѣе Учитель говоритъ: „Лучше своя, хотя бы и скромная, Дхарма, чѣмъ блестящая Дхарма другого. Тотъ, кто творитъ Карму, вытекающую изъ его собственной природы, тотъ не подвластенъ грѣху“.

*) „Парантара“ попирающій враговъ, прозвище Арджуны.

**) „Гуна“ по санскритски „атрибутъ сущности“. Происходитъ отъ корня „ганъ“—рожденіе, потому что отъ этихъ атрибутовъ происходитъ Карма каждаго.

Смотрите, какъ оба слова Дхарма и Карма взаимно чередуются! Они даютъ ключъ къ разрѣшенію нашей проблемы. Но раньше позвольте мнѣ дать вамъ частное опредѣленіе идеи Дхармы. Я не могу Вамъ дать сразу полное ея опредѣленіе. Я дамъ сначала лишь опредѣленіе ея первой половины, а второй я займусь тогда, когда мы къ ней подойдемъ. Первая половииа этого понятія выражается такъ: Слово „Дхарма" означаетъ ту внутреннюю природу, которая достигла въ каждомъ человѣкѣ извѣстной степени развитія. Эта есть та внутренняя природа, которая формируетъ внѣшнюю жизнь человѣка, выражающуюся въ его мысляхъ, словахъ, поступкахъ, и которую физическое рожденіе помѣщаетъ въ среду, наиболѣе благопріятную для ея роста. Главное, что мы должны хорошо понять—это, что Дхарма не есть нѣчто внѣшнее какъ, напримѣръ: Законъ, Добродѣтель, Религія или Справедливость. Дхарма есть Законъ эволюціонирующей жизни, которая, проявляясь во-внѣ, формируетъ все окружающее.

Итакъ, пытаясь сдѣлать возможно болѣе яснымъ этотъ трудный и отвлеченный вопросъ, я раздѣляю его на три главныя части. Во-первыхъ, „*Раздѣленности*", ибо, люди имѣютъ различныя „Дхармы". Въ единственной, вышеприведенной выдержкѣ указывалось на четыре великіе класса. Болѣе внимательное изслѣдованіе намъ показываетъ, что каждый индивидуумъ имѣетъ свою собственную Дхарму. Какъ это понимать? Если только мы не поймемъ, хотя бы до нѣкоторой лишь степени, природу этого различія, что его породило, смыслъ его существованія, смыслъ, который мы придаемъ слову „раздѣленность"; если мы только не поймемъ, какъ каждый человѣкъ показываетъ своими мыслями, словами, поступками достигнутый имъ нравственный уровень; если только мы не усвоимъ себѣ всего этого—мы никогда не сможемъ понять, что такое „Дхарма. Во-вторыхъ, мы будемъ говорить объ „*Эволюціи*", такъ какъ намъ надо изслѣдовать эти раздѣленности въ ихъ эволюціи. Наконецъ, въ третьихъ, мы должны приступить къ проблемѣ „*Добра и Зла*", ибо все наше изученіе приводитъ насъ къ отвѣту на вопросъ: „Какую жизнь долженъ вести человѣкъ?" Было бы безполезно просить васъ послѣдовать за мною въ область такихъ трудно-постигаемыхъ идей, если мы не должны бы были прилагать на дѣлѣ пріобрѣтаемыя познанія и стараться жить согласно съ Дхармой, показывая тѣмъ міру, въ чемъ заключалась великая миссія Индіи.

I.

Раздѣленности.

Въ чемъ состоитъ совершенство Вселенной? Возьмемъ идею и спросимъ себя: что разумѣемъ мы подъ этимъ словомъ? Мы придемъ къ слѣдующему опредѣленію. Это есть огромное количество отдѣльныхъ предметовъ, совокупно дѣйствующихъ въ большей или меньшей гармоніи. Различіе есть „лейтмотивъ" Вселенной подобно тому, какъ единство является основнымъ характеромъ Непроявленнаго, Безусловнаго, Единаго, не имѣющаго Себѣ второго равнаго. Раздѣленность—основной тонъ Проявленнаго и Условнаго: результатъ стремленія (воли) умножиться.

Сказано, что когда должна проявиться Вселенная, то Первопричина, Вѣчная, Непознаваемая, Непостигаемая, Всепроникающая волей своей излучаетъ Свѣтъ. Какое значеніе эта лучезарность имѣетъ для самой Первопричины, этого никто не дерзнетъ объяснить; но что она значитъ для насъ, наблюдаемая въ ея проявленіи, это мы до нѣкоторой степени можемъ постичь: Ишвара *) самопроявляется, окутанный покрываломъ Майи **). Таковы оба вида Высшаго Проявленія. Много словъ было сказано для выраженія этихъ двухъ основныхъ началъ Противоположности: Ишвара и Майя, Саттъ и Асаттъ, Сущность и Несущность, Духъ и Матерія, Жизнь и Форма, вотъ слова, которыми мы пользуемся на нашемъ несовершенномъ языкѣ, чтобы выразить то, что наша мысль можетъ едва уловить. Мы можемъ лишь сказать: „Се есть реченное Мудрымъ, скромно повторимъ за ними"!

Ишвара и Майя! Что станетъ Вселенная? Вѣрный образъ Ишвары, отраженный въ Майѣ, волею Его явленъ Вселенной, для которой пробилъ часъ созданья. Его Образъ, но ограниченный и обусловленный, ограниченный Имъ Самимъ и условный—вотъ, что Вселенная должна явить въ совершенствѣ. Но какимъ образомъ то, что ограничено и частично, можетъ явить образъ Ишвары? Множествомъ частей, объединенныхъ (въ ихъ дѣйствіи) въ единое гармоничное цѣлое.

Безконечное разнообразіе раздѣльности и ихъ многосложныхъ сочетаній изобразятъ Законъ Божественной мысли, пока она не обрѣтетъ своего выраженія въ цѣлости Вселенной, ставшей

*) „Ишвара" по санскритски Господь.

**) „Майя" по санскритски Иллюзія.

совершенной. Вы бы должны понять, что это значитъ; постараемся теперь сообща постигнуть это.

Ишвара мыслитъ о Красотѣ. И тотчасъ Его безпредѣльная всемогущая и мощная Сила касается Майи, превращая ее въ миріады тѣхъ формъ, что мы зовемъ „прекрасными“. Вотъ она коснулась матеріи, готовой излиться въ формы, напримѣръ, коснулась воды, и вода облеклась въ милліоны формъ красоты. Мы созерцаемъ Красоту въ величественной шири океана, когда его воды спокойны, созерцаемъ ее въ той шири, которую не колеблетъ никакой вѣтеръ въ то время какъ глубина отражаетъ небо. Иную форму Красоты являетъ намъ морская буря, когда, гонимая вѣтромъ волна идетъ за волной, пучина разверзается за пучиной и вся масса страшна въ своемъ бѣшенствѣ и въ своемъ величіи. Затѣмъ, мы видимъ еще новыя и новыя формы Красоты; грозныя пѣнящіяся волны успокоились и на океанѣ заблестѣли миріады зыблющихся тихихъ волнъ, сверкающихъ и переливающихся при лунномъ свѣтѣ, лучи котораго онѣ преломляютъ и отражаютъ тысячами искръ. Это даетъ намъ новое понятіе о Красотѣ. Далѣе мы созерцаемъ океанъ, когда кругомъ не видно никакой земли и когда ничто не нарушаетъ его безбрежности; мы стоимъ на берегу, а морскія волны катятся къ нашимъ ногамъ. Съ каждымъ измѣненіемъ движенія моря, его волны сообщаютъ намъ новыя понятія о Красотѣ. Мы созерцаемъ Красоты воды и въ горномъ озерѣ, въ неподвижномъ спокойствіи его поверхности, и въ ручьѣ ниспадающемъ со скалы на скалу, и въ потокѣ, разбивающемся на тысячи капель, заключая и отражая въ себѣ солнце во всѣхъ оттѣнкахъ радуги. Во всѣхъ формахъ воды. отъ бурнаго океана до ледяного глетчера, отъ мрачнаго тумана до яркоцвѣтныхъ облаковъ—вездѣ выступаетъ идея Красоты. изреченная въ Словѣ Ишвары.

Однако, не только въ разнообразіи формъ воды находимъ мы идею Красоты: мы ее видимъ и въ нѣжно вьющемся растеніи и въ его яркихъ цвѣтахъ, въ могучемъ дубѣ и въ дремучемъ лѣсу. Новые образы Красоты встрѣчаемъ мы въ каждой горной вершинѣ, въ равнинѣ, въ пескахъ пустыни, въ зелени степей.

Если теперь, утомленные картинами земли, мы обратимся къ телескопу, то онъ явитъ намъ Красоту миріадовъ солнцъ, несущихся въ глубинахъ пространства. Микроскопъ, въ свою очередь, раскроетъ нашимъ изумленнымъ взорамъ Красоту безконечно-малаго такъ же, какъ телескопъ являетъ намъ Красоту безконечно великаго. Передъ нами раскрываются такъ сказать новыя окна—

окна, черезъ которыя мы можемъ созерцать Красоту міра. Грація животнаго, сила мужа, стройная Красота женщины, ямки на щекахъ смѣющагося ребенка—все это даетъ намъ понятіе о томъ, что такое идея Красоты въ мысли Ишвары.

Итакъ, мы можемъ до нѣкоторой степени уловить, какимъ образомъ мысль Ишвары создала величіе въ миріадахъ формъ въ то время, когда Онъ изрекъ міру Свое Слово о Красотѣ. То же самое можно сказать относительно Силы, Энергіи, Гармоніи, Музыки и т. д. Вы понимаете теперь, почему различіе необходимо? Потому что никакой ограниченный предметъ не можетъ вполнѣ выразить, что есть Онъ, потому что никакая ограниченная форма не достаточна для Его выраженія. Но, по мѣрѣ того, какъ формы (каждая въ своемъ родѣ) достигаютъ совершенства, всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, получаютъ частичную возможность проявить Его. Совершенство Вселенной заключается, слѣдовательно, въ разнообразіи и въ гармоніи ея частей.

Понявъ это, мы начинаемъ видѣть, что Вселенная можетъ достичь совершенства лишь тогда, когда всѣ ея части выполняютъ свою задачу и всесторонне развиваютъ свое собственное причастіе къ общей жизни. Если бы лѣсъ пожелалъ подражать горѣ или вода сушѣ, то первые утеряли бы свою красоту, не сочетавъ ее съ красотой послѣднихъ. Совершенство тѣла достигается не тѣмъ, что одна клѣтка выполняетъ функціи другой клѣточки, но тѣмъ, что каждая изъ нихъ въ совершенствѣ выполняетъ свои собственныя функціи. Мы имѣемъ: мозгъ, легкія, сердце, органы пищеваренія... Если бы мозгъ пытался выполнять работу сердца, а легкія взяли бы на себя роль пищеваренія, тѣло бы оказалось въ очень печальномъ положеніи. Тѣлесное здоровье обусловлено тѣмъ, чтобы каждый органъ исполнялъ свою собственную роль.

Такимъ образомъ, мы понимаемъ, что въ развитіи Вселенной каждая ея часть должна слѣдовать по своему пути, начертанному Закономъ ея собственной жизни. Образъ Ишвары въ природѣ никогда не будетъ совершеннымъ, пока всѣ части ея не достигнутъ совершенства—какъ сами въ себѣ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ частямъ.

Какъ получаются всѣ эти безчисленныя различія? Какъ могутъ они существовать? Каковы отношенія Вселенной, какъ цѣлаго, къ ея частямъ, развивающимся каждая по своему Пути? Сказано, что Ишвара, принимая видъ Пракрити *), проявляетъ три свойства:

---

*) „Пракрити“ по санскритски женское начало въ природѣ.

Саттва, Раджасъ и Тамасъ *). Этимъ терминамъ нѣтъ соотвѣтствующихъ на европейскихъ языкахъ, и нельзя перевести ихъ удовлетворительно однимъ же словомъ. Впрочемъ *пока* попытаемся перевести понятіе „*Тамасъ*" словомъ „Инерція", т. е. качество, которое, въ противоположность движенію, даетъ неподвижность (пассивность); „*Раджасъ*" можно передать словами: энергія, движеніе (активность). Слово же, которое, быть можетъ, наиболѣе подходитъ для выраженія понятія „*Саттва*" есть „Гармонія" (мистическое соединеніе съ Божествомъ)—качество, въ которомъ заложена причина наслажденія, того наслажденія, начало котораго лежитъ въ мистической гармоніи; возникнуть оно можетъ только изъ этой гармоніи. Далѣе мы узнаемъ, что эти три Гуны **) измѣняются седмично. Онѣ, такъ-сказать, слѣдуютъ по семи великимъ путямъ, давая начало безчисленнымъ сочетаніямъ. Въ каждой религіи указывается и провозглашается эта седмичная раздѣльность. Въ индусской религіи она выражена въ пяти великихъ началахъ и двухъ высшихъ. Это тѣ семь Пурушей ***), о которыхъ говоритъ Ману.

Три Гуны сочетаются и соподраздѣляются, образуя семь великихъ группъ, откуда получаетъ свое начало (путемъ различныхъ сочетаній) вся безконечность веществъ. Помните, что въ каждомъ изъ нихъ каждое качество проявлено на различной степени своего развитія и подчинено одному изъ семи великихъ видовъ измѣненія.

Эта начальная раздѣльность унаслѣдована отъ міровъ минувшихъ (ибо каждый міръ есть наслѣдіе другихъ міровъ, а цѣпь міровъ—Вселенная связана съ другими Вселенными). Она убѣждаетъ насъ, что Потокъ жизни дробится (входя въ матерію) и подраздѣляется до того момента, пока, встрѣтивъ окружность громаднаго круга, онъ не отразитъ самого себя.

Эволюція начинается, когда волна жизни, измѣнивъ направленіе, возобновляетъ свое возвращеніе къ Ишварѣ (Отцу). Предыдущимъ періодомъ была *Инволюція*, когда жизнь внѣдрялась въ матерію. Въ *Эволюціи* жизнь развиваетъ заложенные въ ней потенціалы (способности). Въ цитатѣ изъ Ману говорится, что Ишвара заложилъ сѣмя въ „великихъ водахъ". Жизнь, данная Ишварой, не была еще тогда жизнью проявленной, но жизнью, заключавшей въ себѣ всю возможность проявленія и

*) Саттва, Раджасъ, Тамасъ—три Гуны.

**) „Гуны"—качества, атрибуты.

***) „Пуруша"—мужское начало въ природѣ.

развитія. Все первоначально существуетъ въ зародышѣ. Подобно тому, какъ отецъ жертвуетъ отъ своей жизни, чтобы создать дитя, и подобно тому, какъ этотъ зародышъ жизни развивается, проходя черезъ множество состояній, пока не наступитъ часъ его рожденія, а затѣмъ проходитъ годъ за годомъ, минуетъ дѣтство, отрочество, юность, пока не будетъ достигнута зрѣлость и пока образъ не возродится въ сынѣ—такъ же точно творитъ и Вѣчный Отецъ, когда посылаетъ зародыши жизни въ материнское лоно, когда даетъ жизнь, еще не развившуюся. Тогда этотъ зародышъ начинаетъ свой подъемъ, переходя отъ одной жизненной фазы къ другой, постепенно пріобрѣтая возможность ихъ выраженія.

Изучая Вселенную, мы видимъ, что все ея разнообразіе происходитъ отъ разницы въ возрастѣ. Эта мысль приведетъ насъ къ разрѣшенію самой проблемы. Когда этотъ міръ единымъ творческимъ словомъ былъ вызванъ къ существованію, онъ не былъ такимъ, каковъ онъ теперь. Брама создалъ Вселенную медленно, постепенно, путемъ длительнаго размышленія. Формы жизни проявлялись одна за другой; зародыши жизни сѣялись одни за другими. Если вы бросите взглядъ на одну изъ Вселенныхъ (въ какой бы то ни было моментъ), вы увидите, что главнымъ факторомъ, создающимъ всѣ различія, является Время. Возрастъ зародыша опредѣлитъ ступень его развитія. Въ каждой Вселенной есть въ одно и то же время зародыши, которые моложе минераловъ, и они образуютъ то, что называется царствомъ элементальнымъ; зародыши жизни, составляющіе минеральное царство, старше ихъ. Зародыши, развивающіеся въ царствѣ растительномъ, старшіе этихъ послѣднихъ, потому что за ними тянется болѣе долгій промежутокъ времени ихъ эволюціи. Животныя—зародыши, прошедшіе въ ихъ прошломъ еще болѣе долгую эволюцію, а зародыши, объединяемые нами подъ понятіемъ „человѣчество", обладаютъ болѣе долгимъ прошлымъ.

Каждый большой отдѣлъ разнится отъ другого моментомъ своего зарожденія во времени. Такъ же точно и обособленная индивидуальная жизнь каждаго человѣка (не сама жизнь, но жизнь индивидуальная и обособленная) отличается отъ жизни другого индивидуума, и мы различны по возрасту нашихъ индивидуальныхъ существованій и нашихъ земныхъ оболочекъ. Жизнь едина—единая жизнь одушевляетъ все, но разница въ моментѣ рожденія каждаго отдѣльнаго зародыша окутываетъ ее различіями. Вы должны ясно усвоить себѣ эту мысль! Когда существованіе міра прибли-

жается къ своему концу, то въ этомъ мірѣ находятся созданія всевозможныхъ возрастовъ и развитія. Я только-что сказала, что міры связаны съ мірами, Вселенныя со Вселенными. Одни изъ нихъ могутъ находиться на ранней ступени эволюціи, другіе вскорѣ готовы будутъ слиться съ Божественнымъ сознаніемъ. Во Вселенной, прошедшей свой жизненный періодъ, всѣ различія роста будутъ зависѣть отъ разницы во времени. Единая жизнь во всемъ, но степень развитія каждой отдѣльной жизни зависитъ отъ времени ея отдѣльной эволюціи. Въ этомъ заключается основа нашей проблемы: жизнь едина, безсмертна, вѣчна, безконечна въ своемъ источникѣ и въ своей цѣли. Но жизнь эта проявляется на различныхъ ступеняхъ эволюціи, въ разныхъ періодахъ (эпохахъ) развитія, при чемъ проявляются всевозможныя стороны присущихъ ей способностей, сообразно съ возрастомъ каждаго отдѣльнаго существованія. Это двѣ мысли, усвоивъ которыя, вы можете приступить къ изученію второй части идеи Дхармы.

Дхарма можетъ быть теперь опредѣлена такъ: „это есть внутренняя природа всякой вещи въ извѣстный моментъ ея эволюціи, и въ то же время это есть и Законъ будущаго періода ея развитія", т. е. это есть природа въ той точкѣ, которой она достигла уже въ своемъ развитіи, + Законъ, влекущій за собою періодъ развитія, которому предстоитъ затѣмъ слѣдовать. Сама природа опредѣляетъ достигнутую ступень развитія. Затѣмъ идутъ условія, которымъ подчиненъ позднѣйшій прогрессъ ея эволюціи. Сопоставьте эти двѣ идеи, и вы поймете, почему наша собственная Дхарма есть единственный Путь, ведущій къ совершенствованію. Моя Дхарма есть та ступень эволюціи, которую достигла моя природа въ развитіи зародыша божественной жизни, который есть Я самъ + Законъ жизни, опредѣляющій тотъ способъ, какимъ я долженъ буду подниматься до слѣдующей ступени моей эволюціи. Онъ принадлежитъ уже этому отдѣльному „Я". Мнѣ должно знать степень моего роста такъ же, какъ и знать законъ, позволяющій мнѣ расти далѣе. Тогда только познаю я свою Дхарму, и, слѣдуя ей, совершенствуюсь.

Ясно, что, осуществляя суть того, что предшествовало—мы видимъ причину, почему намъ нужно изучить настоящія условія и слѣдующій за ними періодъ нашей жизни. Если мы не знаемъ достигнутой уже нами въ настоящее время ступени развитія, мы по неволѣ не будемъ знать и слѣдующей за ней ступени, которая должна быть нашей цѣлью, и такимъ образомъ легко можетъ статься, что мы дѣйствуемъ во вредъ нашей Дхармѣ и замедляемъ

этимъ нашу эволюцію. Наоборотъ, зная то и другое, мы можемъ дѣйствовать согласно съ нашей Дхармой и ускорить тѣмъ нашъ прогрессъ. Но здѣсь намъ грозятъ подводные камни! Мы видимъ передъ собою что-нибудь прекрасное, возвышенное, великое и жаждемъ осуществить все это въ себѣ. Но въ этомъ ли наша будущая ступень эволюціи? Этого ли требуетъ Законъ нашей развивающейся жизни, дабы эта послѣдняя могла расцвѣсти гармонично? Нашей ближайшей цѣлью не должно быть то, что лучше само по себѣ, но то, что лучше для насъ на нашей настоящей ступени развитія—то, что одно насъ заставляетъ дѣлать шагъ впередъ.

Возьмемъ дитя! Если это женщина—дитя, само собою разумѣется, что у нея будущее гораздо болѣе благородное, прекрасное, возвышенное, чѣмъ настоящее, когда она играетъ куклами: она вѣдь будетъ матерью и вмѣсто куклы будетъ держать въ своихъ объятіяхъ дитя, ибо въ этомъ наивысшій идеалъ женственности: мать со своимъ ребенкомъ! Но хотя въ этомъ и идеалъ совершенной женщины, добиваться этого идеала раньше времени скорѣй дурно, чѣмъ хорошо. Все должно приходить въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Если подобная мать должна достигнуть совершеннаго развитія женщины и стать матерью семейства, здоровой, сильной, способной вынести на своихъ плечахъ бремя жизненныхъ заботъ, ей необходимъ извѣстный періодъ времени и для игры въ куклы, и для ученія, и для развитія своего физическаго тѣла. Но если считать, что материнство болѣе возвышенно и благородно, чѣмъ игра въ куклы напримѣръ, если материнство допускается слишкомъ рано, если, однимъ словомъ, дитя рождается отъ дитяти же, то пострадаютъ и ребенокъ, и мать, и даже нація. И все это потому, что не считались съ возрастомъ, что законъ развитія нарушенъ, ибо сорвать несозрѣвшій еще плодъ—значитъ итти навстрѣчу всевозможнымъ страданіямъ.

Я взяла этотъ примѣръ, какъ особенно наглядный. Онъ вамъ поможетъ понять, почему для насъ лучше наша собственная Дхарма, чѣмъ Дхарма чужого, даже самая блестящая, но которая не подходитъ къ степени нашего физическаго развитія. Подобное высокое положеніе можетъ стать и нашимъ въ будущемъ, но... время тому должно придти, плодъ долженъ созрѣть. Попробуйте сорвать его недозрѣлымъ—онъ у васъ завязнетъ въ зубахъ! Но оставьте его на деревѣ, повинуясь закону времени и послѣдовательной эволюціи,—Душа выростетъ соотвѣтственно могуществу жизни безконечной.

Все это намъ даетъ новый ключъ къ разрѣшенію проблемы: функція прямо пропорціональна силѣ. Выполнять функцію прежде чѣмъ въ насъ развилась сила, крайне гибельно для организма. Мы учимся такимъ образомъ терпѣнію и довѣрію относительно Благого Закона. Можно судить объ успѣхахъ какого-либо человѣка по той доброй волѣ, которую онъ вкладываетъ, работая заодно съ Природой и подчиняясь Закону. Вотъ почему называютъ Дхарму то Закономъ, то долгомъ каждаго человѣка, ибо обѣ эти идеи выростаютъ изъ той коренной мысли, что Дхарма есть внутренняя природа человѣка въ данный моментъ его эволюціи и Законъ слѣдующаго періода его развитія. Это объясняетъ, почему нравственность относительна, почему долгъ каждой Души различенъ, смотря по степени ея развитія.

Если мы приложимъ это же къ вопросамъ о Добрѣ и Злѣ, мы увидимъ, что намъ возможно будетъ разрѣшить также и нѣкоторые изъ самыхъ утонченныхъ вопросовъ нравственности, если только при разрѣшеніи ихъ мы будемъ придерживаться этихъ же принциповъ. Въ условной Вселенной абсолютныя Добро и Зло не встрѣчаются. Абсолютное существуетъ только въ Ишварѣ, только въ Ишварѣ оно пребываетъ вѣчно.

Итакъ, различія необходимы для нашей условной сознательности. Мы мыслимъ благодаря различіямъ, мы познаемъ что-либо благодаря различіямъ же. Только благодаря различіямъ мы знаемъ, что мы суть живые, мыслящіе люди. Единство не производитъ никакого впечатлѣнія на сознательность. Различія и разнообразіе дѣлаютъ возможнымъ ростъ нашей сознательности. Безусловная сознательность недоступна нашему пониманію. Мы можемъ мыслить лишь въ границахъ того, что раздѣлено и условно.

Теперь мы можемъ видѣть, какъ эти различія проявляются въ природѣ, какъ появляется факторъ времени и какія (несмотря на то, что всѣ обладаютъ одной и той же природой и должны достигнуть одной и той же цѣли) существуютъ различія въ степени проявленія вслѣдствіе этого и въ законахъ, приноровленныхъ къ каждой степени. Вотъ что мы должны хорошо усвоить себѣ, прежде чѣмъ взяться за сложную проблему:—„Какъ развивается эта внутренняя природа?“ Предметъ этотъ дѣйствительно весьма труденъ! Тѣмъ не менѣе тайны „пути дѣйствія“ могутъ нѣсколько освѣтиться для насъ, если мы поймемъ основной Законъ, подобно тому, какъ мы признаемъ принципы развивающейся жизни.

Да поможетъ намъ въ этомъ Тотъ, Кто своей безсмертной жизнью, своимъ лучезарнымъ, неугасимымъ свѣтомъ даровалъ

Индіи, какъ ея „краеугольный камень“, всю Дхарму; да освѣтитъ Онъ нашъ темный разумъ, ищущій ощупью Его Законъ, Ибо Его благословеніе, нисходя на колѣнопреклоненнаго ищущаго, можетъ помочь его разуму постичь Законъ и начертать его въ его сердцѣ.

Пер. **Н. В. Пшенецкая.**

Москва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Общество людей, возлюбившее Бога, даетъ бодрость тѣмъ, которые вступаютъ на Путь.

Въ сердцахъ всѣхъ одинаково живетъ Божественная Суть (Self).

Каждое живое существо, ищущее счастья, въ дѣйствительности ищетъ только Божественную Суть.

Подъ внѣшней формой на самомъ дѣлѣ всѣ ищутъ внутренную жизнь.

Въ порокахъ порочныхъ и тамъ бываетъ Богъ.

Сердце, чистое отъ всѣхъ вожделѣній, глубоко познаетъ въ себѣ Единую Божественную Суть, прѐбывающую во всѣхъ.

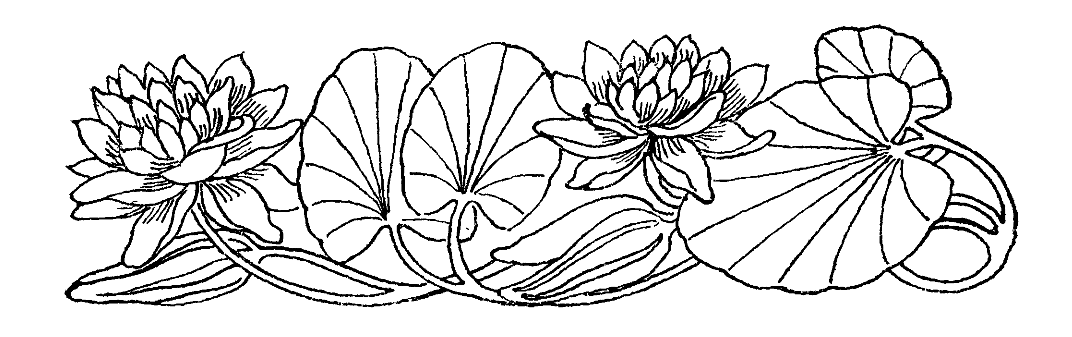
Вожделѣнія не уничтожаются внѣшнимъ удаленіемъ отъ предметовъ желанія.

Такъ же тщетно загасить пламя, вливая въ него масло, какъ потушить желаніе, дѣлая ему поблажки.

Не предаваясь бездѣйствію, но освобождаясь отъ желаній, слѣдуетъ вступить на Путь Кармы.

Свобода отъ дѣяній не достигается внѣшнимъ воздержаніемъ отъ нихъ.

(Мысли А. Б е з а н т ъ).

Теософія и наука.

Доктора **Рудольфа Штейнера.**

(Переводъ съ нѣмецкаго О. А.).

Среди разнообразныхъ вызововъ, бросаемыхъ теософіи, находится также обвиненіе въ ея ненаучности. А такъ какъ наука, или во всякомъ случаѣ то, что теперь носитъ это названіе, пользуется громаднымъ авторитетомъ, то подобный отзывъ можетъ сильно повредить распространяющемуся теософическому движенію. „Ученый міръ“ вообще не желаетъ имѣть къ нему какое-либо отношеніе, такъ какъ, благодаря воспитанію въ сферѣ извѣстныхъ научныхъ представленій, не умѣетъ подойти къ фактамъ, утверждаемымъ теософіей. Это не трудно понять, если ознакомиться съ тѣми идеями и опытами, какіе въ наше время преподаются юристамъ, медикамъ, учителямъ, химикамъ. Какъ далеко все это отъ содержанія теософической литературы! Насколько иной способъ сужденія царитъ въ какомъ-нибудь докладѣ по химіи, чѣмъ въ ученіи того или иного выдающагося представителя теософіи! И потому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ наши дни нѣтъ бо́льшого препятствія къ пониманію теософическихъ принциповъ, какъ обладаніе докторской степенью. Но вполнѣ понятно, что каждый, недостаточно глубоко проникшій въ ея сущность, будетъ смущенъ подобнымъ обстоятельствомъ; потому часто и не изъ личнаго недоброжелательства вытекаетъ слѣдующее заявленіе: „къ вамъ, теософамъ, примыкаютъ только необразованные круги; лицъ же, стоящихъ на „высотѣ науки“, вы не сумѣете привлечь на свою сторону“. Отсюда легко можетъ вырасти мнѣніе, что

теософія идетъ по ложному пути и что ей необходимо приспособиться къ образу мыслей научныхъ сферъ. „Если бы возможно было научно обосновать ученіе о перевоплощеніи и кармѣ, какъ обосновываются другіе законы природы, то только въ томъ случаѣ ученіе это получило бы свое оправданіе; научный міръ былъ бы побѣжденъ и теософія утверждена". Это заявленіе доброжелательно по существу, но вытекаетъ изъ ложнаго взгляда на вещи. Ошибка заключается въ предположеніи, что современный научный образъ мышленія своими собственными средствами можетъ придти къ теософіи. Но это совершенно невозможно и подобному заблужденію могутъ подпасть лишь тѣ, кто безсознательно вноситъ въ современную науку воспринятые ими гдѣ-нибудь теософическіе взгляды. Конечно, вся теософическая мудрость можетъ быть введена въ науку, причемъ не возникнетъ ни малѣйшаго противорѣчія между истинами научными и положеніями теософіи. Но никогда и никакими средствами нельзя вывести теософію изъ того, что преподается въ наши дни подъ именемъ науки. Въ этомъ смыслѣ можно быть величайшимъ ученымъ въ какой угодно области знанія, но теософомъ черезъ „такое" знаніе сдѣлаться нельзя.

Каждый, кто внимательно относится къ этимъ вопросамъ, долженъ увидѣть слѣдующее. Все, что утверждается теософами, не суть выводы изъ тѣхъ или иныхъ идей, или представленій, но сверхчувственные факты. Факты же могутъ быть найдены только путемъ опыта. Наша оффиціальная наука занимается исключительно фактами чувственнаго опыта. Всѣ ея понятія и идеи всецѣло построены на основаніи подобнаго опыта. Поэтому, разъ только она отходитъ въ сторону отъ этихъ основоположеній, она уже ничего не можетъ высказать относительно вещей сверхчувственныхъ. Не логика можетъ доказать фактъ, а только изображеніе его въ дѣйствительности. Предположимъ, что въ наше время китъ былъ бы для насъ еще неизвѣстнымъ животнымъ. Кто бы могъ доказать его существованіе путемъ умозаключеній? Даже будучи знатокомъ всѣхъ другихъ животныхъ, онъ не могъ бы этого сдѣлать. А между тѣмъ самый простой человѣкъ докажетъ существованіе кита, если онъ открылъ его въ дѣйствительности. И какимъ смѣшнымъ показался бы намъ ученый, который выступилъ бы противъ этого человѣка и сказалъ ему: наука утверждаетъ, что невозможно существованіе животныхъ, подобныхъ киту, и потому китовъ не существуетъ,—открывшій же его, очевидно, ошибся.

Нѣтъ, съ одной наукой нельзя подойти къ теософіи. Только сверхчувственные опыты могутъ дать объясненіе ея фактамъ. И нужно стремиться доставить людямъ этотъ опытъ, а не отсылать ихъ къ безплодной учености.

Само собой разумѣется, что сейчасъ же будетъ сдѣлано новое возраженіе, весьма, впрочемъ, обыкновеннаго сорта. А если до сихъ поръ люди не имѣли еще такого сверхчувственнаго опыта,—то какъ можете вы заставить ихъ повѣрить въ то, что разсказываютъ нѣсколько лицъ, выставляющихъ себя ясновидящими и обладающими возможностью подобныхъ опытовъ? По крайней мѣрѣ вы должны отказаться сообщать о теософическихъ опытахъ передъ неясновидящей публикой, а говорить объ этомъ лишь съ тѣми, кто самъ уже достигъ способности ясновидѣнія.

Это возраженіе можетъ показаться справедливымъ, но по существу оно неосновательно. Во-первыхъ, всѣ, кто такъ говорятъ, должны были бы имѣть крайнее отвращеніе ко всѣмъ обычнымъ естественно-научнымъ лекціямъ и сочиненіямъ. Или всѣ многочисленные читатели „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ Геккеля, или астрономическаго сочиненія Кара „Werden und Vergehen“ имѣли возможность лично убѣдиться въ истинности изложеннаго тамъ ученія? Нѣтъ, и здѣсь обращаются сначала къ довѣрію публики и предполагаютъ, что она вѣритъ тѣмъ, кто изслѣдуетъ эти вопросы въ своей лабораторіи или обсерваторіи. Во-вторыхъ, довѣріе къ фактамъ сверхчувственнымъ совершенно иного рода, чѣмъ довѣріе въ области матеріальныхъ явленій. Кто разсказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ въ микроскопъ или телескопъ, думаетъ, конечно, что его слушатель можетъ лично убѣдиться въ истинѣ сказаннаго, если только усвоитъ себѣ, необходимые для такого изслѣдованія, пріемы и пріобрѣтетъ нужные инструменты. Но одинъ простой разсказъ объ этомъ можетъ и не привести къ убѣжденію въ истинности даннаго явленія. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ фактами сверхчувственными. Кто говоритъ о нихъ, не говоритъ ничего, что не могло бы быть познано на опытѣ въ душѣ человѣка. И уже разсказъ самъ по себѣ можетъ способствовать выявленію скрытыхъ въ душѣ способностей сверхчувственнаго воззрѣнія.

Попробуйте разсказывать кому угодно о мельчайшихъ организмахъ, которыхъ можно наблюдать въ микроскопъ: ваши слова никогда не объяснятъ ему тайны микроскопа, и, чтобы убѣдиться, онъ долженъ прибѣгнуть къ внѣшнимъ средствамъ. Но, говорите ему о томъ, что можетъ быть открыто въ самой его душѣ, и ваше

слово, какъ таковое, можетъ дать толчокъ къ выявленію дремлющихъ въ душѣ силъ ясновидѣнія.

Итакъ, большая разница между сообщеннымъ о сверхчувственныхъ и чувственныхъ фактахъ заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ средства къ осуществленію лежатъ въ самой душѣ каждаго человѣка, во-второмъ же—нѣтъ. Но, конечно, это не относится къ тому поверхностному представленію о теософіи, которое утверждаетъ: чтобы постигнуть божественную истину, каждому стоитъ только углубиться въ свою собственную душу, и онъ найдетъ тамъ „Богочеловѣка“, который и есть источникъ всякой мудрости. Если человѣкъ, на любой ступени своего существованія, углубится въ свою душу и подумаетъ затѣмъ, что въ немъ говоритъ высшее Ego, то въ большинствѣ случаевъ это будетъ только обыкновенное „Я“, которое выдѣляетъ изъ себя все, что воспринято имъ изъ окружающаго міра, путемъ воспитанія и т. п. Насколько справедливо, что божественная мудрость заключается въ самой душѣ, настолько справедливо и то, что легче всего можно выявить ее, вступивъ на путь, указанный болѣе знающимъ человѣкомъ, уже нашедшимъ для себя самого предметъ исканія другихъ. Когда ясновидящій учитель говоритъ вамъ о томъ, что онъ нашелъ въ себѣ, то и вы въ самомъ себѣ сможете найти это, если только безпристрастно послѣдуете по указаніямъ. Высшее Ego находится одинаково во всѣхъ людяхъ и вѣрнѣе всего найти его, не заключая себя въ кругъ внѣшнихъ явленій, но заставляя дѣйствовать на себя это высшее Ego изъ той области, откуда оно взываетъ къ человѣку. Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и для ищущей души, Учитель является необходимостью.

Но, помимо этого условія, каждый можетъ убѣдиться въ истинности сверхчувственныхъ явленій своимъ собственнымъ опытомъ. Кто обладаетъ безпристрастіемъ, постоянствомъ, терпѣніемъ и доброй волей, тотъ вскорѣ замѣтитъ, что, при разсказѣ объ этихъ фактахъ, въ немъ самомъ начинаетъ вырастать чувство, имѣющее аналогичный характеръ. И разъ только онъ послѣдуетъ этому чувству—онъ на вѣрной дорогѣ, такъ какъ это чувство является первымъ изъ факторовъ, пробуждающихъ дремлющія силы души. Когда истина предстанетъ передъ нами такой, какой она является ясновидящему взору, то она начнетъ вліять на насъ своей собственной силой. Конечно, этимъ сдѣланъ только самый первый шагъ на пути къ высшему познанію и для дальнѣйшаго необходимо тщательное обученіе, но такое начало будетъ не-

премѣнно положено при безпристрастномъ вниманіи къ словамъ истины.

Но какимъ же образомъ происходитъ то, что въ огромномъ большинствѣ людей это чувство все-таки не просыпается при сообщеніи о сверхчувственныхъ фактахъ? Это происходитъ просто отъ того, что современный человѣкъ, особенно имѣющій научное образованіе, привыкъ дарить свое довѣріе исключительно свидѣтельствамъ внѣшнихъ чувствъ. И на безпристрастное отношеніе такая вѣра дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ и если желать понять ясновидящаго изслѣдователя, то надо прежде всего отъ нея избавиться. Надо стать внутренно свободнымъ отъ образа мыслей, пріобрѣтеннаго нами въ „наукѣ“ и ея ходячихъ положеніяхъ. Это значитъ, что высшія истины можно найти не черезъ науку, но независимо отъ нея, на внутреннихъ путяхъ души. Но разъ такимъ способомъ уже найденъ доступъ къ высшимъ истинамъ, то эти послѣднія можно всегда подтвердить каждой серьезной наукой. И именно наша современная наука окажется тогда наилучшимъ доказательствомъ высшей истины. И если она мало склонна къ признанію сверхчувственнаго, то разъ доказанное всегда готова подтвердить. Поэтому задача теософическаго движенія разбить слѣпое поклоненіе научнымъ принципамъ. Этимъ не дѣлается никакого возраженія противъ результатовъ, достигнутыхъ современной наукой, но лишь подчеркивается необходимость не слѣдовать слѣпо за тѣми, кто излагаетъ эту науку въ смыслѣ отрицанія сверхчувственныхъ фактовъ.

Каждый ученый, воспитанный въ современныхъ научныхъ теченіяхъ, лишь тогда сможетъ открыть въ своей наукѣ проявленіе сверхчувственнаго, если подготовится къ этому изученіемъ теософіи. Никакая химія, зоологія, геологія или физіологія, въ томъ видѣ, какъ онѣ построены сейчасъ, не могутъ сами по себѣ привести къ теософіи; но всѣ онѣ могутъ послужить доказательствами сверхчувственныхъ познаній, разъ эти послѣднія будутъ сначала пріобрѣтены изученіемъ теософіи. Только, когда человѣкъ усвоитъ себѣ самый духъ теософіи, онъ сможетъ проявить его и въ наукѣ. Для подтвержденія своихъ истинъ, теософія не нуждается въ современной наукѣ, но эта-то наука нуждается въ теософическомъ углубленіи.

Возраженія, которыя могутъ подняться противъ всего сказаннаго, конечно, многочисленны. Могутъ, напримѣръ, указать на то обстоятельство, что современная психологія старается приблизиться къ области сверхчувственнаго, путемъ изслѣдованія явленій

гипнотизма, внушенія и т. д. На самомъ же дѣлѣ, тотъ способъ какимъ производятся изслѣдованія этихъ явленій, не приближаетъ къ высшимъ познаніямъ, а наоборотъ, еще удаляетъ отъ нихъ, такъ какъ здѣсь къ сверхчувственному хотятъ подойти ложными путями. Именно, стремятся найти сверхчувственное, прибѣгая для этого къ помощи *внѣшнихъ* чувствъ. Суть же вѣдь не въ томъ, чтобы притянуть сверхчувственное къ чувственному, а въ томъ, чтобы развить въ себѣ внутреннія способности къ воспріятію истины. Кто хочетъ внѣшними средствами доказать сверхчувственное, походитъ на человѣка, который, находясь въ комнатѣ, всячески хочетъ меня увѣрить, что на дворѣ хорошая погода, вмѣсто того, чтобы просто открыть окно и показать мнѣ эту погоду. Подобными остроумными экспериментами могутъ постоянно доказывать, что человѣкъ носитъ въ душѣ нѣчто большее, чѣмъ то, что доступно обыденному сознанію, и ничего не найдутъ кромѣ внѣшняго отраженія истины, которая въ полномъ объемѣ открывается на внутреннихъ путяхъ души. Сфотографируйте самихъ духовъ и вы все-таки ничего не докажете тому, кто въ своемъ собственномъ внутреннемъ „Я" не можетъ найти духа. Въ свою очередь онъ будетъ пытаться доказать Вамъ, что Ваша фотографія возникла вполнѣ матеріальнымъ образомъ. Было бы слабостью идти противъ современнаго матеріалистическаго сознанія, желая, въ то же самое время доказать сверхчувственное его средствами. Наоборотъ, нужно выяснить, что этими средствами истина не можетъ быть достигнута. Опыты, предпринятые современными учеными въ области сверхчувственныхъ явленій, не являются началомъ чего-нибудь новаго, но представляютъ собой лишь послѣднія судороги матеріализма, который не въ силахъ подняться надъ чувственнымъ міромъ и потому хотѣлъ бы внѣшними пріемами удовлетворить своимъ сверхчувственнымъ потребностямъ. Нельзя усыплять въ себѣ способности къ высшимъ познаніямъ, повѣривъ тому, что и безъ ихъ пробужденья возможно доказательство сверхчувственнаго. Теософъ не можетъ встать на почву современныхъ научныхъ положеній;—наоборотъ, онъ долженъ своими высшими познаніями оплодотворить науку. И какъ только теософія найдетъ доступъ въ человѣческія души, такъ сами собой раскроются передъ ней врата науки. Незачѣмъ стремиться придать теософіи научный характеръ, ибо она обладаетъ имъ въ гораздо болѣе высокой степени, чѣмъ вся современная наука, но наука эта должна сдѣлаться теософической. Прежде всего нужно подойти къ сверхчувственнымъ явленіямъ и

тогда окажется возможнымъ вложить ихъ въ зданіе науки, но изъ науки, съ этими явленіями незнакомой, нельзя ихъ вывести путемъ логическихъ или иныхъ заключеній. Пока не открылась способность къ воспріятію сверхчувственнаго, ничего не можетъ подѣлать никакая наука. И это пусть поймутъ тѣ, кто постоянно обвиняетъ теософію въ ненаучности. Конечно, все вышесказанное можетъ показаться труднымъ принять человѣку, выросшему въ образѣ мыслей современной науки, такъ какъ вліяніе этой науки огромно. Ея достиженія, съ ихъ послѣдствіемъ—матеріальной культурой нашихъ дней—дѣйствуютъ покоряюще. Но, чтобы обратиться къ теософіи, вовсе не необходимо стать врагомъ этой науки. Напротивъ, только тогда станешь ея истиннымъ другомъ. Золото науки можно пріобрѣсти только черезъ теософію. Въ какомъ чудномъ свѣтѣ засіяютъ тогда открытія Геккеля, какой новый характеръ получатъ труды нашихъ физіологовъ, антропологовъ, историковъ культуры и др., если смотрѣть на нихъ при свѣтѣ теософіи, а не матеріалистически затуманеннымъ взоромъ ихъ современныхъ носителей. Этимъ тоже никому не дѣлается ни малѣйшаго вызова. Какъ о великихъ личностяхъ говорятъ, что часто ихъ достоинства имѣютъ видъ недостатковъ, такъ же обстоитъ дѣло съ современными научными теченіями. Чтобы сдѣлать блестящія открытія въ мірѣ чувственныхъ явленій, ученые надолго были принуждены отказаться отъ слѣдованія по путямъ души. А въ чемъ долго не упражняешься, къ тому обыкновенно теряешь способности. И подобно тому, какъ нѣкоторыя зрячія животныя теряютъ силу зрѣнія, если переселяются въ темныя подземныя пещеры и продолжаютъ въ нихъ свое существованіе;—какъ ослабѣваютъ мускулы руки, если въ теченіе долгаго времени она отвыкла отъ всякой тяжелой работы,—такъ и изслѣдователи въ области чувственнаго утрачиваютъ свою зрительную силу для воспріятія сверхчувственныхъ явленій. Ихъ нужно цѣнить за достигнутые ими положительные результаты, и не порицать за то, чѣмъ они пожертвовали ради своихъ цѣлей. Но объ истинѣ судитъ не тотъ, кто не видѣлъ истинъ, а тотъ, кому она открылась. Поэтому нельзя принимать во вниманіе всѣ протесты естествоиспытателей противъ лицъ, развившихъ въ себѣ способности къ воспріятію сверхчувственнаго. Но не надо и искать у этихъ современныхъ естествоиспытателей какихъ-либо свѣдѣній о сверхчувственномъ. Это все равно, что освѣдомляться о цвѣтѣ у слѣпого. Слѣпой обладаетъ тонкой воспріимчивостью для многихъ оттѣнковъ осязанія и тутъ можно было бы многому у него по-

учиться. Но, чтобы ознакомиться съ цвѣтами, нужно посмотрѣть на нихъ самому. Естественныя науки очень важны для развитія осязанія въ области чувственнаго міра, но безсильны дать что нибудь для развитія воспріятія сверхчувственнаго. И какъ о свѣтѣ долженъ зрячій учить слѣпого, такъ познаніе о духѣ естествознаніе можетъ пріобрѣсти отъ теософовъ. И потому на самыхъ ложныхъ путяхъ стоятъ тѣ, кто отъ осязающаго естествоиспытателя хотятъ получить доказательства о сіяющемъ свѣтѣ духовнаго міра.

Первое условіе для серьезнаго мышленія—внимательное и точное наблюденіе.

Сосредоточенность есть средство, которымъ человѣкъ освобождается отъ оковъ формъ и обрѣтаетъ Миръ.

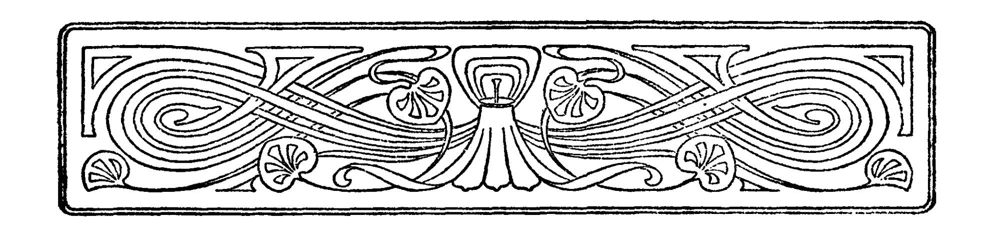
Наблюдая за нашими мыслями, мы найдемъ, что онѣ того рода, который мы обыкновенно поощряемъ.

Постоянныя благія мысли пріучаютъ нашъ умъ относиться положительно къ злу и отрицательно къ добру *).

(Мысли А. Безантъ.

---

*) Въ смыслѣ положительнаго и отрицательнаго магнетическаго полюса; положительно, т. е. активно сопротивляясь, отрицательно, т. е. пассивно принимая.

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь II.

1.

Санджая сказалъ:

Ему, охваченному жалостью, съ глазами полными слезъ, повергнутому въ отчаяніе, Мадхусудана молвилъ:

2.

Благословенный сказалъ:

Откуда напало на тебя въ минуту опасности это позорное недостойное Арійца отчаяніе, закрывающее врата рая, о Арджуна?

3.

Не поддавайся недостойной тебя слабости, о Партха! Отряхнувъ презрѣнную слабость, воспрянь, Парантапа! [2])

4.

Арджуна сказалъ:

О Мадхусадана, въ сраженіи какъ я направлю стрѣлы на Бхишму и на Дрону, достойныхъ глубокаго почитанія, о побѣдитель враговъ?

---

[1]) Вѣстникъ Теософіи 1909 г., № 11.

[2]) Совершающій высшіе подвиги, искусный въ Tapas, духовной дисциплинѣ.

5.

Воистину, лучше питаться подаяніемъ, какъ нищій, чѣмъ убивать этихъ великихъ гуру [1]). Убивъ этихъ благожелательныхъ гуру, я буду ѣсть пищу, обагренную кровью.

6.

И не вѣдаемъ, что лучше для насъ: быть побѣжденными или побѣдить тѣхъ, что стоятъ противъ насъ, сыновъ Дхритараштра, со смертью которыхъ мы перестанемъ желать жить.

7.

Съ сердцемъ, пронзеннымъ тоской, съ помутившимся разумомъ, я больше не вижу Дхарму [2]) свою. Молю тебя: Скажи, что лучше? Я твой ученикъ. Научи меня!

8.

Не предвижу я, чтобы жгучую тоску, опалившую мои чувства, угасило движеніе высочайшей власти на землѣ или даже царство Свѣтозарныхъ [3]).

9.

Санджая сказалъ:

Обратившись съ этими словами къ Хришакешѣ [4]), Гудакеша, побѣдитель враговъ, сказалъ Говиндѣ: „Я не буду сражаться“ и умолкъ.

10.

Повергнутому въ отчаяніе, среди двухъ ратей стоящему, обратился Хришакеша съ улыбкой, о Бхâрата, и молвилъ:

11.

Благословенный сказалъ:

Ты скорбишь о тѣхъ, о которыхъ не слѣдуетъ печалиться, хотя и говоришь слова мудрости. Мудрые не оплакиваютъ ни живыхъ, ни мертвыхъ.

---

[1]) Гуру—учитель, духовный руководитель.

[2]) Дхарма—долгъ, вытекающій изъ кармы человѣка и закона той ступени, на которую ему суждено подняться согласно теософическому ученію объ эволюціи.

[3]) Suras, духи свѣта.

[4]) Хришакеша—владыка чувствъ; Гудакеша—побѣдитель враговъ. Эти слова также означаютъ: носящій волосы, причесанными вверхъ и закрученными въ узелъ внизъ. Говинда—титулъ Кришны. Буквально: находящій быка или корову (корову желаній).

12.

Не было времени, когда я, или ты, или эти владыки земли не существовали; воистину не перестанемъ мы существовать и въ будущемъ.

13.

Подобно тому какъ воплощенный переживаетъ дѣтство. юность и старость въ своемъ тѣлѣ, такъ онъ покидаетъ его и переходитъ въ другое тѣло [1]). Сильный объ этомъ не скорбитъ.

14.

Соприкосновеніе съ матеріей, о сынъ Кунти, бросаетъ въ холодъ и жаръ, доставляетъ наслажденіе и страданіе; эти ощущенія преходящи, они налетаютъ и исчезаютъ; выноси ихъ мужественно, о Бхâрата.

15.

Тотъ, кого они не мучаютъ, о лучшій изъ людей, уравновѣшенный въ радости и горѣ, твердый, тотъ дѣлается способнымъ къ безсмертію.

16.

Нѣтъ у нереальнаго бытія, нѣтъ уреальнаго небытія; эту конечную истину постигли прозрѣвшіе правду.

17.

Знай, что То, черезъ Которое все проявилось, неразрушимо. Никто не можетъ привести къ уничтоженію То, Единое, Незыблемое.

18.

Конечны лишь тѣла этого Вѣчнаго, Воплощеннаго, Неразрушимаго, Необъятнаго. Поэтому сражайся, о Бхâрата.

19.

Думающій, что онъ можетъ убить, и думающій, что онъ можетъ быть убитымъ одинáково заблуждаются. Человѣкъ не можетъ ни убить, ни быть убитымъ.

20.

Онъ не рождается, не умираетъ и, получивъ бытіе, не перестаетъ больше существовать. Нерожденный, постоянный, вѣчный и древній, онъ не убитъ, когда тѣло его убиваютъ.

---

[1]) Кришна говоритъ о перевоплощеніи.

21.

Тотъ, кто знаетъ, что онъ неразрушимъ, постояненъ, нерожденъ, неизмѣненъ, какъ можетъ онъ, о Партха [1]), убить или быть убитымъ?

22.

Подобно тому, какъ человѣкъ, сбросивъ ветхую одежду, надѣваетъ новую, такъ и человѣкъ бросаетъ изношенныя тѣла и облекается въ новыя.

23.

Оружіе его не разсѣкаетъ, огонь не палитъ, вода не мочитъ, вѣтеръ не сушитъ.

24.

Ибо онъ не разсѣкаемъ, не сжигаемъ, не орошаемъ, не изсушаемъ; постоянный, всепроникающій, устойчивый, незыблемый, извѣчный.

25.

Непроявленнымъ, непостижимымъ, неизмѣннымъ именуется онъ. Зная это, ты не долженъ скорбѣть.

26.

Если ты его даже считаешь вѣчно рождающимся и постоянно умирающимъ, даже и тогда, о сильно вооруженный, [2]) не долженъ ты сокрушаться.

27.

Воистину смерть опредѣлена для рожденнаго, а рожденіе— для умершаго. О неизбѣжномъ ты не долженъ скорбѣть.

28.

Непроявлены существа въ началѣ, о Бхâрата, проявлены въ серединѣ бытія, непроявлены снова при смерти. О чемъ же печалиться?

29.

Одинъ почитаетъ его за чудо, другой говоритъ о немъ, какъ о чудѣ; третій слышитъ о немъ, какъ о чудѣ, но и услышавъ, никто его не знаетъ.

---

[1]) Сынъ Притхы.

[2]) Буквально: съ великими, сильными руками.

30.

Воплощенный всегда неуязвимъ, о Бхâрата; и посему не скорби ни о какой твари.

31.

И взирая на свою собственную дхарму, ты не долженъ дрожать, Арджуна; воистину, для Кшатрія нѣтъ ничего лучшаго, какъ праведная война.

32.

Счастливы, о Партха, тѣ Кшатрія, которымъ нежданно выпадаетъ на долю сраженіе, какъ отверзшія врата неба [1]).

33.

Но если теперь ты не вступишь въ этотъ честный бой, отвергнувъ свою Дхарму и свою честь, ты примешь грѣхъ на себя.

34.

И всѣ живущіе повѣдають о твоемъ вѣчномъ позорѣ, а для славнаго позоръ хуже смерти.

35.

Великіе воины на колесницахъ подумаютъ, что страхъ заставилъ тебя бѣжать съ поля сраженія и ты, бывшій столь почитаемымъ, станешь презрѣннымъ.

36.

Много недостойныхъ словъ скажутъ твои враги, клевеща на твою силу. Что можетъ быть мучительнѣе?

37.

Убитый, ты попадешь въ рай; побѣдитель, ты насладишься землею. Возстань же, о Каунтея [2]), рѣшившись сражаться.

38.

Признавъ равными радость и скорбь, достиженіе и неудачу, побѣду и пораженіе, вступи въ битву; такъ ты избѣгнешь грѣха.

---

[1]) По ученію индуизма человѣкъ послѣ смерти проходитъ черезъ Камалока (чистилище) въ Деваканъ (рай, состояніе блаженства). Человѣкъ же, совершившій подвигъ, переходитъ прямо въ Деваканъ, минуя Камалоку.

[2]) Сынъ Кунти, Арджуна.

39.

Таково возвѣщенное тебѣ ученіе Санкхіа [1]), внемли же наставленію, согласному съ Іогой. Воспринявъ эту мудрость, о Партха, ты сокрушишь оковы Кармы [2]).

40.

Здѣсь нѣтъ ни затраты силъ, ни нарушенія; даже и неполное знаніе Дхармы спасаетъ отъ великаго страха.

41.

Мысль рѣшительной души едина [3]), о радость Куру; мысли же нерѣшительнаго безконечно развѣтвляются.

42.

Цвѣтисты рѣчи не мудрыхъ, придерживающихся буквы Ведъ [4]), о Партха, и говорящихъ: „Внѣ этого нѣтъ ничего".

43.

Ихъ души полны желаніемъ, высшая цѣль ихъ рай, перевоплощеніе для нихъ плодъ дѣяній; всѣ ихъ дѣйствія и обряды направлены лишь къ достиженію счастія и власти.

---

[1]) Санкхія, школа дуалистической философіи, въ которой неизмѣнный вѣчный принципъ Purusha противопоставляется вѣчной матеріи (Prakriti) орудію духа. Всѣ школы Индіи стремятся къ освобожденію „Я" отъ покрововъ иллюзіи, чтобы слиться съ Божественнымъ „Я". Для реальнаго осуществленія этой идеи освобожденія существуетъ наука души „Іога".

[2]) По закону Кармы, исполняющій свой долгъ, сжигаетъ свои оковы и освобождается отъ узъ Кармы. Такимъ образомъ, проблема о свободѣ воли сводится къ процессу освобожденія. Свободны лишь тѣ, кто позналъ законъ Кармы и кто дѣйствуетъ въ гармоніи съ нимъ. Святые свободны.

[3]) Едина въ смыслѣ цѣльности.

[4]) Индусы различаютъ Веды (св. писанія) (мн. число) отъ Вед'ы (въ един. числѣ)—знаніе вѣчнаго, знаніе Бога. *Веды* заключаютъ 4 книги, въ которыхъ выражается отчасти вѣчная мудрость *Вед'ы*. Поэтому индусы считаютъ себя совершенно свободными изслѣдовать вопросы духовные. Въ Индіи полнѣйшая свобода мысли. Насколько индуизмъ строгъ по отношенію къ внѣшней дѣятельности человѣка, настолько онъ безгранично терпимъ по отношенію къ внутренней работѣ мысли. *Веду* признаютъ всѣ; *Ведъ* придерживаются тѣ или иныя теченія. Узкіе неразвитые люди не понимаютъ *Вед'у* и признаютъ только писаніе *Вед'ы*. О нихъ и говоритъ Кришна.

44.

Для тѣхъ, кто прикованъ къ утѣхамъ и власти, чьи мысли скованы этимъ ученіемъ, недоступенъ рѣшительный разумъ, твердо устремленный на Самадхи [1]).

45.

Содержаніе Ведъ составляютъ три гуны [2]), поднимись надъ ними, о Арджуна; будь свободенъ отъ двойственности [3]), постоянно пребывай въ гармоніи [4]), равнодушный къ обладанію, преисполненный „высшаго Я".

46.

Просвѣтленному Браману Веды полезны не болѣе малаго пруда въ мѣстности, затопленной водой [5]).

47.

Взирай лишь на дѣло, а не на плоды его; да не будутъ побужденіемъ твоимъ—плоды, но бездѣйствію также не предавайся.

48.

Въ сліяніи съ божественнымъ, совершай дѣянія, о Дхананджая [6]), отказавшись отъ желанія [7]), уравновѣшенный и въ успѣхѣ и въ неудачѣ: равновѣсіе именуется Іогой.

49.

Много ниже Іоги Мудрости стоятъ дѣйствія, о Дхананджая. Ищи убѣжища въ чистомъ разумѣ [8]). Дѣйствующіе ради плодовъ достойны сожалѣнія.

---

[1]) Самадхи—состояніе экстаза, котораго Іога достигаетъ въ созерцаніи, и во время котораго ему открывается истинная природа Бога. Моментъ реальнаго сліянія.

[2]) Гуны—аттрибуты, формы энергіи Sattva (ритмъ, гармонія, гитара); Rajas (страстная дѣятельность, страсть); и Tamas (инерція, темнота).

[3]) Буквально: свободенъ отъ пары противоположностей.

[4]) Въ sattv'ѣ.

[5]) Намекъ на пониманіе Вед'ы (истиннаго знанія, гнозиса) въ отличіе отъ буквы писаній (Ведъ). См. пр. къ ст. 42.

[6]) Дхананджая—рожденный счастьемъ, счастливый.

[7]) Буквально привязанности, т. е. привязанности къ плодамъ дѣятельности.

[8]) Буддхи, духовность—чистый и сострадательный разумъ.

50.

Сочетавшись съ чистымъ разумомъ, человѣкъ отказывается и отъ добрыхъ и отъ дурныхъ дѣяній [1]). Отдайся же Іогѣ; Іога есть искусство дѣйствовать [2]).

51.

Мудрецы, сочетавшіеся съ Будхи, отказавшіеся отъ плодовъ, свободные отъ оковъ рожденія, возносятся въ обитель блаженства.

52.

Когда твой умъ высвободится изъ сѣтей обмана, ты достигнешь безразличія къ тому, что было и будетъ услышано [3]).

53.

Когда умъ твой, смущенный писаніемъ [4]), недвижно будетъ погруженъ въ созерцаніе, тогда ты достигнешь Іоги.

54.

Арджуна сказалъ:

Что служитъ признакомъ утвердившагося въ созерцаніи, о Кешава? Какъ говоритъ, сидитъ и ходитъ тотъ, чей умъ успокоился?

55.

Благословенный сказалъ:

Когда человѣкъ отказался отъ всѣхъ вожделѣній сердца [5]), о Партха, и углубившись въ себя, нашелъ удовлетвореніе въ Божественномъ „я“, тогда онъ именуется стойкимъ.

---

[1]) Т. е. отказывается отъ всякихъ плодовъ дѣятельности, даже и праведной. Онъ обрѣтаетъ полное безкорыстіе, уничтожаетъ всѣ личныя желанія и живетъ только сверхличной жизнью.

[2]) Буквально: искусство въ дѣяніяхъ, въ совершеніи дѣяній.

[3]) Т. е. къ прошлымъ и будущимъ писаніямъ.

[4]) Буква смущаетъ, сковываетъ духъ; духъ же даетъ жизнь. Въ духѣ раскрывается истинное знаніе, когда человѣкъ отъ книгъ переходитъ къ самой жизни въ Богѣ. Непосредственный религіозный опытъ просвѣтляетъ сознаніе, смущенное интеллектуальнымъ толкованіемъ буквы.

[5]) Послѣ исчезновенія грубыхъ желаній тѣла остаются еще болѣе тонкія, но все еще эгоистичныя желанія сердца.

56.

Тотъ, чей умъ спокоенъ среди скорби, безстрастенъ среди наслажденій, свободный отъ желаній, страха и гнѣва, именуется мудрымъ и уравновѣшеннымъ [1]).

57.

Тотъ, кто ни къ чему не привязанъ [2]), кто, встрѣчая пріятное и непріятное, не радуется [3]) и не ненавидитъ, разумѣніе того установилось.

58.

Когда подобно черепахѣ, втягивающей въ себя всѣ свои члены, онъ отрываетъ свои чувства отъ предметовъ чувствъ, тогда его пониманіе установилось.

59.

Отъ предметовъ чувствъ, но не отъ желаній освобождается тотъ, кто не даетъ имъ питанія; но и послѣднія желанія исчезаютъ у того, кто узрѣлъ Всевышняго.

60.

О сынъ Кунти, возбужденныя чувства неудержимо увлекаютъ разумъ даже борящагося мудреца [4]).

61.

Укротивши всѣ чувства, онъ долженъ сѣсть благозвучный [5]), поставивъ себѣ высшей цѣлью „я“; тотъ, кто владѣетъ своими чувствами, пониманіе того установлено.

---

[1]) Онъ получаетъ названіе *Муни,* эпитетъ, прилагаемый къ достигшимъ святости. Будда тоже назывался Сакія-Муни.

[2]) Опять въ томъ же смыслѣ: не желая и не ожидая ничего для себя.

[3]) Радость надо понимать, какъ бурную Эмоцію, выбивающую изъ равновѣсія. Въ томъ же смыслѣ употреблено и слово „ненависть“. Рекомендуется спокойное отношеніе къ испытываемымъ чувствамъ, а не индиферентизмъ.

[4]) Какъ высоко мудрецъ ни стоитъ, но для него всегда еще есть опасность впасть въ соблазнъ, если онъ даетъ волю своимъ чувствамъ и не будетъ ихъ всегда обуздывать. Онъ долженъ пребывать въ *трезвеніи.*

[5]) Намекъ на молитвенное размышленіе въ сидячей позѣ Іоги.

62.

Устремленіе мысли на предметы чувствъ рождаетъ привязанность [1]) къ нимъ; отъ привязанности является вожделѣніе; отъ желанія рождается гнѣвъ.

63.

Отъ гнѣва происходитъ заблужденіе; отъ заблужденія—потеря памяти; отъ забвенія—лишеніе разсудка [2]); отъ лишенія разума [3]) человѣкъ погибаетъ.

64.

Укрощенное „я", движущееся среди предметовъ чувствъ, но съ чувствами, свободными отъ желанія и вражды, послушное „Высшему я", обрѣтаетъ миръ.

65.

Въ мирѣ наступаетъ конецъ всѣмъ страданіямъ; тотъ, чье сердце успокоилось, скоро достигаетъ равновѣсія.

66.

Нѣтъ чистаго разума для неблагозвучнаго, и нѣтъ для него созерцанія; безъ созерцанія нѣтъ мира, а безъ мира возможно ли блаженство?

67.

Душа, уступающая напору страстей, уноситъ разумъ, подобно ладьѣ, вѣтромъ носимой по водамъ.

68.

Поэтому, о сильно вооруженный, тотъ, чьи чувства совершенно отвлечены отъ предметовъ чувствъ, того пониманіе установлено.

69.

Во время того, что всѣ считаютъ ночью, просыпается мудрый; когда всѣ твари бодрствуютъ, тогда наступаетъ ночь для ясновидящаго Муни [4]).

---

[1]) Т. е. устремленіе мысли на предметъ, размышленіе о его привлекательности естественно рождаетъ желаніе завладѣть имъ. Отсюда всѣ роковыя послѣдствія вожделѣнія и страсти.

[2] и [3]) Человѣкъ, теряя самообладаніе, дѣлается рабомъ страсти. Страсть затемняетъ его разсудокъ, и человѣкъ отрывается отъ своего духовнаго центра, т. е. погибаетъ.

[4]) Мудрецъ, пониманіе котораго установлено.

70.

Океанъ, полный водой, остается покойнымъ, когда въ него вливаются рѣки. Тотъ обрѣтаетъ миръ, въ котораго также вливаются желанія, а не тотъ, кто желаетъ желанія.

71.

Тотъ, кто, отрекшись отъ желаній, идетъ впередъ свободный отъ вожделѣній, корысти [1]) и эгоизма, тотъ обрѣтаетъ миръ.

72.

Таково состояніе Вѣчное, [2]) о сынъ Притхы. При обрѣтеніи его всякое смущеніе прекращается. И тотъ, кто достигнетъ его хотя бы въ смертный часъ, обрѣтаетъ Нирвану [3]) Брамана [4])

Такъ гласитъ вторая бесѣда славной Бхагаватъ-Гиты, именуемая Іога Санкхья.

И. М. и Alba.

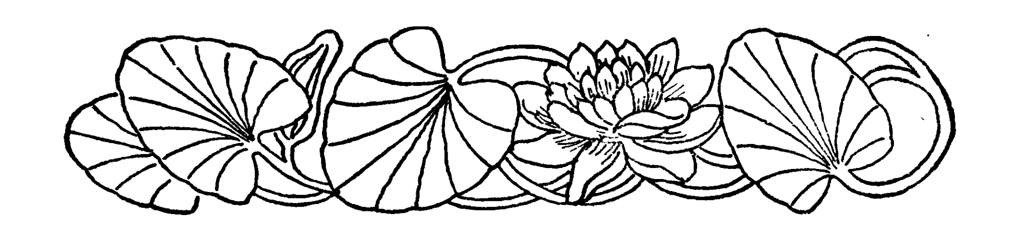

[1]) Буквально: безъ „это мое".

[2]) Состояніе Брамана, т. е. божественное состояніе.

[3]) Высшее состояніе сознанія просвѣтленнаго духа, слившагося съ Богомъ, и потому наивысшая полнота бытія, доступная посвященному святому. По сравненію съ обыденнымъ сознаніемъ, центръ котораго—наше маленькое земное „я", это состояніе славы представляется какъ небытіе. Смерть и погребеніе предшествуютъ воскресенію. Самость должна умереть, чтобы духъ навсегда могъ слиться съ духовнымъ солнцемъ вселенной.

[4]) Сливаясь съ духовнымъ центромъ міра, человѣкъ участвуетъ въ Божественной жизни, въ блаженствѣ Брамана, т. е. самого Бога.

Свѣжая листва.

Мабель Коллинзъ.
(Авторъ „Свѣта на Пути").

Переводъ **М. Д.**

I.

Любовь божественна. Ее можно сравнить только съ тѣмъ, что есть наиболѣе дивнаго въ жизни, и ни съ чѣмъ инымъ. Рожденіе ея въ душѣ непостижимо и неисповѣдимо, оно также непонятно какъ зачатіе въ тѣлѣ. Такъ же какъ тѣло не въ состояніи жить, пока въ легкія его не проникъ первый духъ, такъ же и душа не можетъ существовать безъ любви; до тѣхъ поръ она существуетъ какъ возможная только сила. Любовь—это атмосфера или эфиръ, въ которомъ обращаются духовныя сферы, и духовная жизнь начинается только тогда, когда душа сознаетъ это и освоится съ этимъ. То, что въ обыкновенной жизни называется любовью, та страсть, которая просыпается при сношеніи двухъ личностей, есть не только лишь способъ, при посредствѣ котораго производятся на свѣтъ генераціи. Тѣ люди, чувства и разсудокъ которыхъ обращены исключительно на матеріальное и которые слѣдовательно безъ души, думаютъ, что это такъ. Но тѣ, которые хоть немного приподняли завѣсу, закрывающую златыя врата, достовѣрно знаютъ, что страсть, называемая людьми любовью, предназначается не только для зачатія жизни на семъ свѣтѣ, но и для другихъ, высшихъ цѣлей. Ибо она порождаетъ жизни и въ мірахъ, лежащихъ по ту сторону сего міра. Она — ступень отъ земли къ небу, отъ матеріальнаго къ духовному. Она бываетъ всѣми испытываема; иными ранѣе, иными позднѣе; ибо она для всѣхъ на столько же неизбѣжна какъ опытъ, какъ и рожденіе и смерть. Для большинства любовь бываетъ только безплоднымъ

усиліемъ, которое какъ бы даже не заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ скоропроходящемъ теченіи временъ. Но она же является и священнодѣйствіемъ и означаетъ собой пробужденіе души, приходящей, благодаря ей, къ сознанію своего наслѣдія — жизни въ любви. Человѣкъ, который любитъ только любовью юности, у котораго страсть остается лишь страстью, человѣкъ такой остается лишь человѣкомъ; до такого намъ теперь дѣла нѣтъ. Для него земля вѣчно будетъ вертѣться вокругъ своей оси, солнце, пока онъ въ немъ нуждается, всегда будетъ ему свѣтить; ежегодно будетъ наступать весна и онъ будетъ наблюдать пробужденіе природы и не будетъ дивиться чуду пробужденія и не будетъ стараться научиться у этого чуда чему-нибудь. Каждый годъ и для него деревья въ лѣсу будутъ покрываться молодою листвою и поля пышно зеленѣть, и давать безмолвно свои великія поученія и онъ ничего изъ этихъ поученій не пойметъ.

Горечь жизненнаго опыта и сношеніе съ тѣми, которые не знаютъ, что такое любовь, которые напротивъ того живутъ въ ненависти и духовно мертвы, все это имѣетъ послѣдствіемъ то, что сердца такихъ людей кажутся похожими на деревья зимою, темны и изсохли, точно обуглены огнемъ. Если бы намъ не было дано ежегодно наблюдать чудо пробужденія природы, видѣть какъ деревья покрываются свѣжей листвой, то намъ трудно было бы представить себѣ это, глядя на мертвенную землю среди зимы.

Горе и отчаяніе уничтожаютъ и уязвляютъ любовь всюду, гдѣ она обнаруживается; безпокойство, хлопоты принижаютъ ее точно такъ же, какъ терзаемые и пригибаемые къ землѣ вѣтромъ и снѣгомъ вѣтви деревъ.

Но пока корни дерева пущены въ землю и соки скрыто живутъ внутри его, до тѣхъ поръ дерево еще жизнеспособно, даже и тогда, если вся его краса пропала и остались только внѣшнія очертанія его красы. Пока человѣкъ еще способенъ поддаваться чарамъ другихъ людей, пока въ сердцѣ можно еще найти мѣстечко, способное зеленѣть и воспринимать, до тѣхъ поръ опасность духовной смерти еще далека и великое чудо всегда еще возможно.

Если покорный имѣетъ терпѣніе и твердую волю покориться, то настанетъ конецъ порѣ страданій, и онъ увидитъ себя опять одѣтымъ сіяніемъ и придетъ опять къ сознанію божественной теплоты.

Вѣра дѣлаетъ возможнымъ это чудо; не та вѣра, которая придерживается догмата, и не вѣра въ чудотворную силу святыни, но вѣра въ жизнь, незримую для насъ, и въ ея законы, неизмѣнно

повторяющіеся. Подобная вѣра почти равносильна знанію, потому что она возможна только для тѣхъ, у которыхъ развилось уже столько понятія чистой духовной жизни, что они уже почти постигли ее, почти уже стали частью ея.

Слова эти предназначены для тѣхъ, которые уже достигли этой точки, которые быть можетъ отшатнулись передъ златыми вратами и безсильно свалились на ихъ порогѣ, потому что знаніе ихъ еще несовершенно. Помните это и сдѣлайте такъ, чтобы знаніе это было „вѣрой“.

Врата заперты и трудно приподнять ихъ желѣзный засовъ, но только на мгновеніе трудно. Преобразуется и чудо наступитъ. Воскресеніе, возстаніе изъ мертвыхъ, несомнѣнно; свѣжіе листья зазеленѣютъ. Помни, что высшая природа такъ же несомнѣнна и неумолима, какъ и самая низшая природа; внѣшніе законы высшей природы могутъ быть познаны посредствомъ изученія земной природы. Такъ же какъ солнце постоянно сызнова возвращается и приноситъ съ собою красоту, такъ и божественная теплота снова возвращается и приноситъ намъ самое прекрасное, что только возможно—любовь.

Сердце опустошается мученіями. Разочарованіе, горе, раскаяніе, угрызенія совѣсти, стыдъ лишаютъ сердце молодой листвы, сбрасывая ее на землю, гдѣ она погибаетъ. Если страдалецъ въ отчаяніи выброситъ свое собственное сердце и облечется въ ненависть, тогда духъ его неизбѣжно долженъ умереть; такъ же какъ дерево умираетъ, если перерѣзать ту часть, черезъ которую протекаетъ въ него живительный сокъ.

Почему измѣна, вѣроломство и глупость другихъ должны довести тебя до отчаянія? Вещи эти пройдутъ и позабудутся, какъ и тѣ бездушные совершившіе такія дѣянія умрутъ, и будутъ похоронены въ землѣ, чтобы никогда болѣе не возстать изъ мертвыхъ. Но душа любви вѣчна; она можетъ дремать, но никогда не можетъ умереть; самое тяжкое, что можетъ насъ постигнуть здѣсь на землѣ, это — потеря друга, благодаря смерти. Но погодите! Воспоминаніе объ умершемъ другѣ такъ же заростетъ зеленью, какъ и могила его; со временемъ новый другъ, держащій руку твою въ своей, сможетъ говорить съ тобой объ умершемъ другѣ и слова его и мысли помогутъ тому, что земная листва станетъ разростаться все гуще и гуще. Не дозволяй никогда сердцу своему ожесточаться и омрачаться отъ образовавшейся въ немъ пустоты. Поливай опустошенное мѣсто, чтобы оно, какъ солнце освѣтитъ его, покрылось опять зеленью.

Тѣ святые мужи, которые принадлежатъ къ братству любви, любятъ постоянно, сызнова и сызнова, даже и тогда, когда смерть (или то, что въ дѣйствительности единственно есть смерть—клевета и обманъ) постоянно сызнова приводитъ ихъ къ суровой зимѣ. Сила любви тѣмъ не менѣе живетъ въ нихъ, она только кратковременно дремлетъ, пока леденящій порывъ не пронесется мимо нихъ. Тогда любовь побѣдоносно просыпается, какъ природа къ веснѣ, и свѣжая листва зазеленѣетъ—такъ мягко, такъ нѣжно, и такъ легко ее сорвать и раздавить, и тѣмъ не менѣе такъ непреодолимо въ своей жизненности и въ своей красотѣ.

Эти молодые листья, это воскресеніе и величіе сердца, эти страсти чувства и душевныя волненія могутъ довести человѣка до лихорадки, а отъ лихорадки до безумія. Но случается это только отъ того, что люди слѣпы и несвѣдущи и не вѣдаютъ, какъ сотворить изъ себя самихъ божественную сущность. Они не сознаютъ, что каждая капля ихъ крови тѣлесной можетъ быть превращена въ камень храма божества. Какимъ это образомъ можетъ случиться? Тѣмъ, что человѣкъ дастъ ходъ этой капли крови и преобразуетъ ее. Каждая сила, каждая страсть человѣческая предназначена ему въ его собственность божественнымъ умысломъ, и если человѣкъ убиваетъ или пренебрегаетъ какою-нибудь частью своей природы, то онъ измѣняетъ ввѣренной ему силѣ. Преобразуйте всѣ чувства—въ силу, всю жизнь—въ мысли.

Дай волненіямъ твоей души—направленіе.

Преврати лихорадку—въ силу.

Безуміе обрати—въ упованіе на Бога!

II.

Златыя врата открываютъ входъ къ духовной жизни. Они не „отдѣляютъ отъ нея“,—они „впускаютъ къ ней“. Желѣзный засовъ положенъ поперекъ нихъ, чтобы запирать ихъ; безъ него они бы открывались при малѣйшемъ прикосновеніи каждаго. Желѣзный же засовъ только съ большимъ трудомъ приподымается—его такъ трудно приподнять, что никто не можетъ справиться съ нимъ одинъ. Нужна въ подмогу: вѣра или знаніе; нужна вся сила любви, чтобы, хотя бы слабо и неясно, сознавать существованіе братства и сліянія съ нимъ. Желѣзный засовъ — это то искусственное и преходящее чувство, которое принимаетъ себя за отдѣльную отъ другихъ сущность. Въ твоемъ настоящемъ развитіи тебѣ это кажется единственной великой дѣйствительностью,

единственной абсолютной истиной. Человѣкъ, не принимающій ничего за достовѣрность, не считающій ничего достаточно провѣреннымъ, вѣритъ въ дѣйствительность своей собственной личности, отдѣльной отъ другихъ, и при вступленіи на духовный путь именно эта вѣра въ свою отдѣльную отъ другихъ личность должна прежде всего другого быть уничтожена, такъ какъ она одно только представленіе или фантазія преходящей формы опыта.

Вы воображаете, что вы отдѣленные отъ другихъ духи или сущности, каждый надѣленный своимъ собственнымъ образомъ, живущій въ абсолютно отдѣльномъ отъ другихъ условіяхъ жизни. Какое очевидное ослѣпленіе! Понаблюдайте хотя бы на мгновеніе приливъ и отливъ въ природѣ и вы замѣтите, что тѣло ваше, безпрестанно мѣняя форму, принимаетъ въ этомъ процессѣ природы дѣятельное участіе. Это первое необходимое условіе матеріальной жизни, и если вы его обдумаете, то увидите, что это необходимость. Вспомните, что высшая и низшая природы подлежатъ аналогичнымъ законамъ, и что законы эти еще болѣе опредѣленны, положительны и неумолимы въ высшей жизни, чѣмъ въ низшей. Если ты надѣленъ духовнымъ зрѣніемъ и въ тебѣ проснулось сознаніе духовнаго, то ты все это немедленно постигнешь. Понаблюдай и постарайся прочувствовать силу смягчающую и освобождающую истинной духовной жизни! Посмотри, какъ сознаніе учителя сообщается ученику, какъ душа любящаго передается душѣ любимаго, какъ мать и дитя сообщаютъ другъ другу свои мысли безъ посредства словъ. Всѣ эти три формы союзовъ переходятъ въ высшій, въ союзъ Великаго Учителя со своимъ ученикомъ. Онъ дѣлается ученику отцомъ и матерью, любовникомъ и супругомъ, ученикъ опирается на него и вступаетъ въ общину любви, частью которой онъ дѣлается самъ.

Какъ только уничтожено чувство разъединенія, уничтожается этимъ и самое большое препятствіе по стезѣ могущества. Человѣкъ пріобрѣтаетъ опять возможность возводить свою физическую сущность и развивать изъ нея свою божественную сущность, но только въ томъ случаѣ, если онъ сознаетъ, что эта божественная сущность и живущая въ ней сила не составляютъ его собственности, не суть его сущность. Когда онъ окончательно постигъ этотъ урокъ, сердце его умираетъ для личныхъ желаній и пеплъ ихъ ложится въ возліяльникъ.

Когда ученикъ вполнѣ постигъ этотъ урокъ, онъ отказывается отъ орудій нападенія и раздора; онъ не желаетъ болѣе для себя или для кого-либо другого, близкаго, любимаго—спокой-

ствія, власти, удовольстія или чего-либо другого. Навсегда уничтоженъ всякій поводъ къ борьбѣ съ кѣмъ-либо, къ защитѣ передъ кѣмъ-либо. Ученикъ оперяется тогда, подобно голубю, бѣлыми перьями. Если въ немъ замѣчается теперь мощь или онъ располагаетъ силой, то мощь эта и сила истекаютъ не изъ него самого, а изъ великаго братства любви. Онъ можетъ жить теперь жизнью духа, можетъ войти въ хоромы познанія и оцѣнить значеніе свѣтлаго алмаза, прославляющаго ихъ. Но если онъ считаетъ себя отдѣленнымъ и разобщеннымъ съ другими даже съ кѣмъ-либо, чьи грѣхи его отталкиваютъ или чью ненависть онъ возбудилъ, пока онъ питаетъ еще какое-либо желаніе для себя самого, хотя бы желаніе спокойствія, — до тѣхъ поръ онъ слѣпъ, нѣмъ и безпомощенъ въ присутствіи тѣхъ Великихъ.

Кто вступаетъ въ братство той любви, долженъ отказаться отъ всего этого, даже отъ собственной души.

Раньше чѣмъ ты будешь любовно принятъ братьями, ты долженъ положить свою животную душу подъ ноги и придавить ея затылокъ ногою своею. Прежде чѣмъ ты можешь ожидать быть принятымъ братствомъ любви, ты долженъ уничтожить въ себѣ слѣпую жажду разобщенности.

Прежде, чѣмъ ты можешь быть привѣтствованъ, ты долженъ овладѣть истиной, внутренно бьющейся сущностью, обусловливающей твою жизнь, и заставить ее быть спокойной и хладнокровной. Въ противномъ случаѣ она оглушитъ тотъ привѣтъ, хотя бы крикомъ своимъ о милосердіи.

Только душевныя волненія открываютъ тебѣ, читатель, души, такъ какъ только черезъ сердце ты можешь проникнуть въ себя самого. Тѣ, у кого нѣтъ сердца, тѣ и бездушны.

Любовь твоя должна учить тебя. Будь вѣренъ ей, ухаживай за ней, наблюдай ее. Возьми сердце свое со всѣми его побужденіями, выведи ихъ на свѣтъ и безстрашно разсматривай ихъ. Учись такимъ образомъ подробно изслѣдовать, не отступая. Сносись такимъ образомъ не только со своимъ собственнымъ сердцемъ, но и съ сердцами своихъ истинныхъ друзей. Только у правдивыхъ можно найти правду, пока повязка не спадетъ съ глазъ и ты не сдѣлаешься въ состояніи различить правду отъ лжи. Терпи радостно и будь убѣжденъ въ томъ, что этимъ уничтожается самая грубая часть тебя самого. Въ опытѣ сердца и ученіи любви содержатся глубокія радости и горькая печаль. Чѣмъ радостнѣе ты подвергнешь свою самость пыткѣ, тѣмъ скорѣе пытка эта окончится. Разглядывай свое собственное сердце, не содрагаясь, и учись

изъ него. Не бойся жестокихъ словъ, которыя животная твоя душа будетъ говорить твоей высшей сущности. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ человѣка думать, что вредно и противоестественно наблюдать ходъ процессовъ своей собственной природы. Отвергни эти инстинкты, которые оттянули бы тебя назадъ къ невѣдѣнію.

Не забывай, что есть безсознательность (Unbewusstsein) животной души и безсознательность божественной души. Обѣ души не могутъ быть дѣятельны одновременно. Одна должна подчиняться другой. Ты самъ долженъ рѣшить, которая изъ двухъ должна властвовать, расти и стать мощной, какъ богатырь, въ то время, какъ другая станетъ слабѣть и дѣлаться бездѣятельнѣе. Выборъ твой будетъ зависѣть отъ наклонностей твоихъ. Никто другой не принесъ бы тебѣ пользы. Прикажи твоей животной душѣ молчать, когда ты говоришь со своей высшей сущностью; придави ее ногою своею и заставь ее служить тебѣ, но не пытайся убить ее преждевременно. Въ противномъ случаѣ она оживетъ опять и предстанетъ передъ тобой въ новомъ видѣ, наполняя тебя страхомъ и ужасомъ. Ты не имѣешь власти убить ее. Чтобы избавиться отъ нея, ты долженъ заставить ее служить себѣ, преобразовать силы ея въ божественныя и направить на то все свое вниманіе. Это заставитъ всѣ силы земли и неба придти безмолвно, но рѣшительно, тебѣ на помощь, такъ какъ ты слѣдуешь ихъ законамъ. Аскетъ возстаетъ противъ законовъ внѣшней и внутренней природы и тѣмъ становится чужимъ и отверженнымъ и долженъ бороться одинъ. Человѣкъ, стоящій одинъ, не имѣетъ достаточно силы, чтобы приподнять желѣзный засовъ. На его удѣлъ выпало заблужденіе.

Тамъ, гдѣ двое или трое собраны, тамъ Великій Учитель незримо посреди нихъ.

Посмотри, Великій Царь находится втайнѣ и втайнѣ преклоняются передъ нимъ ученики Его. Онъ есть свѣтъ и радость и освѣщаетъ и радуетъ сердца ихъ. Во всѣхъ живыхъ существахъ свѣтитъ факелъ Его и соединяетъ ихъ въ тайникахъ ихъ душъ. Оттого невозможно разобщить одну человѣческую жизнь отъ другой, потому что та же струна дрожитъ во всѣхъ нихъ. Оттого смыслъ разъединенія тотъ же, какъ и „духовной смерти.“

Даже въ самыхъ нечистыхъ живыхъ душахъ живетъ искра того великаго свѣта, а то онѣ равнялись бы камнямъ. Никогда не забывайте наставленія: Не теряй никогда изъ глазъ братства людей, которое возводится надъ братствомъ любви.

Послѣдователи этой вѣры одиноки на свѣтѣ, они члены единаго существующаго тайнаго братства. Братство обнимаетъ всю землю, и оттого оно насчитываетъ много членовъ, но члены эти, при сравненіи съ народами земли, составляютъ одно единое расточающее жизнь сѣмя. Однако каждый членъ впродолженіи одной жизни сходится съ однимъ только или двумя членами этого братства и никакой обѣтъ не можетъ быть обмѣненъ ими, никакой знакъ не можетъ быть данъ ими въ физической жизни. Союзъ ихъ самый тѣсный, именно союзъ просвѣтленной, глубокой, радостной любви. Гдѣ двое или трое собрались, тамъ Великій Учитель посреди нихъ. Если ученикъ согласенъ радостно переносить каждое испытаніе и нужду, и вполнѣ очистить сердце свое и извлечь изъ него всѣ страсти и желанія, отдѣляющія его отъ жизни въ Духѣ и Силѣ, тогда онъ никогда не будетъ одинокъ въ горѣ своемъ; тогда двое и трое соберутся вмѣстѣ и Великій Учитель будетъ посреди нихъ. Подъ „сердцемъ“ подразумѣвается та сущность въ человѣкѣ, которая составляетъ его „Я“. Отъ ученика требуется, чтобы онъ съ каждой жизнью все болѣе и болѣе приносилъ это „Я“ въ жертву божественному, чтобы оно все болѣе и болѣе разгоралось и очищалось, и наконецъ, сдѣлалось бы достойнымъ вступить въ кругъ чистыхъ сердцемъ.

Внѣшніе круги, которые со временемъ образуются вокругъ этихъ двухъ или трехъ учениковъ, не составляются членами братства, но только тѣми, которые пьютъ на берегу рѣки. Долгъ этихъ двухъ или трехъ, знающихъ другъ друга, обучать на сколько возможно стоящихъ на берегу и объединять ихъ на каждой возможной тропѣ. Каждый союзъ, каждое стремленіе дѣйствовать сообща, руководимое однимъ изъ членовъ братства, составляетъ часть божественнаго труда и признается таковымъ, потому что попытка дѣйствовать сообща есть первая простѣйшая задача, элементарный алфавитъ истинной жизни. Она должна быть основательно изучена.

III.

Помни, о ученикъ, что тотъ, кто хочетъ войти въ братство любви, долженъ обладать пятью качествами и семью примѣтами.

Качества эти:

I. Способность вѣры или безсознательнаго познанія.

II. Божественное упованіе или непоколебимая недежда.

III. Даръ любви къ ближнему, причемъ оскорбленія прощаются отъ чистаго сердца безъ принужденія.

IV. Мощь чистой любви, дающей и не ожидающей взамѣнъ ничего.

V. Сознаніе невидимаго или познаніе высшей природы.

Примѣты—частью психическаго, частью интеллектуальнаго порядка. Способность распознаванія, разумъ, праведность, благоговѣніе—понятны человѣческому разуму и оттого принадлежатъ къ интеллектуальному порядку; способность видѣть внутреннимъ зрѣніемъ, слышать внутреннимъ слухомъ, чувство духовнаго осязанія—психическаго порядка. Существуетъ еще много другихъ психическихъ примѣтъ, которыя развиваются по мѣрѣ того, какъ психическая сущность человѣка достигаетъ своего полнаго развитія; но этими тремя примѣтами ученикъ долженъ обладать прежде чѣмъ научиться первому своему уроку въ школѣ любви, или прежде чѣмъ принять свое первое посвященіе.

Ненависть—атрибутъ физическихъ сферъ, прямой выродокъ наиболѣе прирожденныхъ ей свойствъ. Кто хочетъ спастись отъ физической жизни, можетъ достичь этого только пройдя школу любви; другой дороги не существуетъ. Оттого всѣ тѣ, которые эгоистично становятся на путь оккультизма, стараясь прилагать высшія силы и при томъ полны еще чувства отчужденности, дѣлаются злыми силами, дѣтьми мрака и, такимъ образомъ, дѣлаются еще болѣе грубо-матеріальными, чѣмъ матеріалисты. Это тѣ гигантскіе плевелы, которые, если ихъ оставить расти, заглушатъ, задавятъ и уничтожатъ высшую жизнь ученика на многіе вѣка.

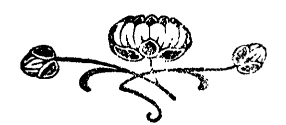
Любовь—это первый и послѣдній атрибутъ божественнаго. Она поэтому проникаетъ всю духовную жизнь и составляетъ ея внутреннюю и внѣшнюю атмосферу, такъ что для тѣхъ, которые не дышали ею, невозможно достичь сознанія духовнаго. Для нихъ физическая смерть обозначаетъ уничтоженіе, потому что, послѣ разрушенія ихъ тѣлъ, имъ не достаетъ органа для продолженія жизни.

Безсмертіе и любовь, слѣдовательно, почти тождественны, такъ какъ они нераздѣльны.

О души дремлющія, слѣпо идущія въ объятія смерти, да будьте предостережены и проснитесь! Нѣтъ смерти для тѣхъ, которые живутъ въ любви. Стремитесь поэтому открыть сердца ваши и дайте распуститься въ нихъ весенней листвѣ, придавая новую жизнь и тѣмъ, глядящимъ на это чудо. Тѣ, которыхъ вы надѣляете нѣжнымъ расположеніемъ своимъ, отвѣдаютъ сладость божественной жизни, узрятъ величіе возстанія изъ мертвыхъ и

узнаютъ даже мощь незримаго. Такимъ образомъ, освобождая свои собственныя души, вы помогаете освободить душу міра, и возьмете на себя дѣянія божественнаго духа—творческую и освобождающую силу жизни.

Ибо: „Гдѣ двое или трое собраны во Имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“.

Глубоко размышляющій, человѣкъ самый дѣятельный человѣкъ въ мірѣ.

Глубоко размышляющій человѣкъ никогда не тратитъ времени, не разсѣиваетъ энергію, не теряетъ случая.

Глубоко размышляющій человѣкъ участвуетъ въ Божественной жизни и потому пріобщается Божественнаго могущества.

Сила мысли развивается только при постоянномъ и упорномъ упражненіи.

Аспектъ „я“ (Божественной Сути), который есть знаніе, живетъ въ душѣ каждаго изъ насъ и всегда ищетъ случая для болѣе полнаго проявленія Самого себя.

Научиться не думать и давать отдыхъ уму есть очень цѣнное пріобрѣтеніе.

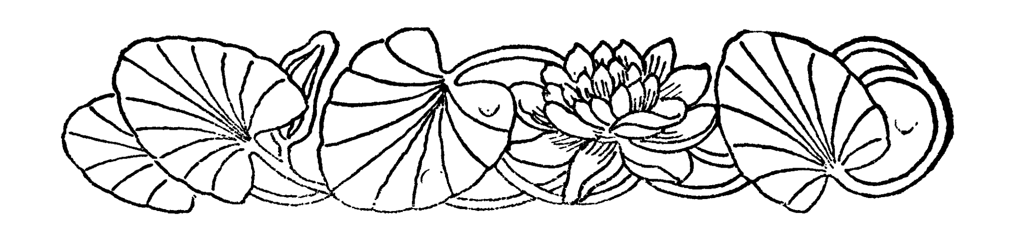
Мы—часть единой Великой Жизни, которая не знаетъ ни неудачи, ни тщетности усилія, ни траты силъ.

Въ сознаніи и чувствованіи, что всѣ существа составляютъ одно, мы находимъ душевный міръ, безъ всякаго опасенія потери.

Самымъ важнымъ завоеваніемъ для стремящагося обрѣсти силу мысли является возрастающая способность помогать другимъ.

Когда сердце и умъ человѣка обрѣли миръ, онъ дѣлается способнымъ помогать другимъ.

(Мысли А. Безантъ).

Памяти великихъ музыкантовъ.

Настоящая музыка подобна настоящему счастью; настоящее счастье звучитъ въ душѣ, какъ настоящая музыка.

Всѣ ищутъ счастья различными путями, стремясь отыскать настоящее счастье. Ищетъ его и музыкантъ въ обширномъ мірѣ звуковъ, но находитъ его только настоящій музыкантъ, когда онъ всѣми мыслями, всѣми чувствами и душою стремится ввысь. Поднимаясь по ступенямъ совершенствованія путемъ непрестанной работы, терпѣнія и страданія, онъ наконецъ достигаетъ просвѣтленія и находитъ свой идеалъ, который одухотворяетъ его и посвящаетъ его въ сокровенныя тайны искусства, вѣнчая его труды вдохновеніемъ. Тогда рождается настоящій музыкантъ и создаетъ такую музыку, каждая нота которой, принявъ въ себя часть жизни души своего автора, становится доброю силою, живою сущностью, воспѣвающей Высшее. Эти звуки, эти силы,— цѣлый свѣтлый міръ, которому онъ, самъ творецъ его, отдаетъ себя; всецѣло слившись съ нимъ, онъ живетъ въ звукахъ для прославленія ими Бога, для служенія ими человѣчеству и испытываетъ настоящее счастье. Полный благоговѣнія и любви, все больше и больше очищаясь ею, онъ создаетъ настоящую музыку, чтобы отдать ее міру настоящимъ счастьемъ . . . .

Такова музыка І. С. Баха и Г. Ф. Генделя.

Іоаннъ-Себастіанъ Бахъ родился въ Эйзенахѣ 21-го марта 1685 г., умеръ 28-го іюля 1750 г.

Георгъ-Фридрихъ Гендель родился въ Галле 23-го февраля 1685 г., умеръ 13-го апрѣля 1759 г.

Эти двѣ великія музыкальныя силы воплотились почти единовременно въ эпоху созрѣвающаго музыкальнаго искусства, для

того, чтобы очистить его, чтобы облагородить свѣтскую музыку и, объединивъ ее съ церковной, слить ихъ въ общія великія музыкальныя формы,—формы великія своей благородной простотой и красотой. Эти формы будутъ всегда царить надъ всѣми остальными музыкальными формами, переживутъ ихъ и навсегда останутся идеальнымъ примѣромъ для серьезно-развивающагося музыканта, стремящагося стать помощникомъ эволюціи человѣчества, ибо въ нихъ выражается міровая истина въ формѣ гармоніи и ритма и онѣ являются даромъ, посланнымъ свыше и принесеннымъ на землю двумя вѣстниками, различными по внѣшнимъ чертамъ своего характера, но тѣсно связанными единствомъ благородныхъ стремленій. Задача, исполненная ими, такъ велика и серьезна, что она была бы непосильна одному человѣку и выпала на долю двухъ геніевъ, носившихъ на землѣ имена Іоанна-Себастіана Баха и Георга-Фридриха Генделя. Благодаря ихъ нравственной чистотѣ, усидчивости, стремленію къ идеальнымъ цѣлямъ, невѣроятной силѣ и быстротѣ творчества, они подарили міру многочисленныя и грандіознѣйшія музыкальныя сочиненія. Бахъ былъ мистикъ и главною цѣлью его была религіозная дѣятельность. Онъ не покидалъ своего отечества и большая часть его жизни протекла у органа въ святилищѣ Храма. „Онъ вліялъ своею музыкой на общину не менѣе благотворно, чѣмъ пасторъ своею проповѣдью“, говоритъ про него историкъ Аррѐй-фонъ-Доммеръ. Стремясь къ свободѣ въ религіи, Бахъ въ то же время глубоко проникалъ въ тайны Божественнаго созерцанія.

Всѣ сочиненія его полны душевной теплоты и богаты фантазіей. Музыкой онъ объясняетъ священное писаніе и посредствомъ музыки дѣлаетъ понятными слова правды, милосердія и любви. Вокальныя сочиненія его почти всѣ принадлежатъ церковной музыкѣ. Мессы его безподобны, хоралы его, благодаря богатой гармоніи, величественно прекрасны, таковы же его кантаты и сотеты; „большая кантата“ у Баха достигаетъ своего высшаго развитія. Изъ свѣтской музыки онъ развилъ только инструментальную; въ фортепіанной и органной музыкѣ онъ довелъ совершенство техники до небывалыхъ размѣровъ и въ органной игрѣ съ нимъ могъ сравниться развѣ только одинъ Гендель. Кромѣ многочисленныхъ инструментальныхъ сочиненій, Бахъ писалъ „Passion“ *), изъ которыхъ „passion“ по Евангелистамъ Іоанну и Матѳею свидѣтельствуютъ о его идеальныхъ стремленіяхъ. Бахъ жилъ окру-

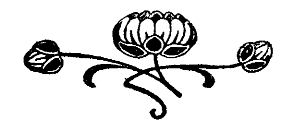
*) „Страсти Господни“, Прим. Ред.

женный учениками и былъ основателемъ школы, слѣды которой живы и понынѣ.

Музыкальная дѣятельность Генделя обнимаетъ широкіе горизонты. Жизнь его проходитъ не только на родинѣ, но и въ другихъ странахъ и онъ воспринимаетъ вліяніе трехъ націй. Онъ посѣщаетъ Гамбургъ, Ганноверъ, Каннопу, долго живетъ въ Италіи и въ Англіи. Въ 1720 году онъ основалъ въ Лондонѣ Opern-Akademie, которая содѣйствовала постепенному развитію пониманія музыки англійскаго народа, облагораживая его вкусы и нравы. Основа религіозныхъ убѣжденій Генделя—исканіе Вѣчной Божественной Правды въ священномъ преданіи и онъ создаетъ „Ораторію", великое историческое значеніе которой состоитъ въ примиреніи церковнаго и свѣтскаго элементовъ. Его ораторія сильнѣе и ярче церковной музыки могла возбудить въ душѣ человѣка представленіе объ участіи Божественныхъ Силъ въ судьбѣ народовъ. Гендель создалъ и развилъ ораторію, которую онъ довелъ до совершенства. Глубоко человѣколюбивый, онъ отдавалъ труды свои страждущему человѣчеству. Его ораторія „Мессія", исполненная въ первый разъ въ Дублинѣ въ пользу заключенныхъ, затѣмъ при жизни и послѣ смерти его ежегодно исполнялась въ пользу сиротской больницы. Эту ораторію называли святой, сначала потому, что текстъ ея былъ взятъ изъ Священнаго Писанія, а послѣ потому, что она снабжала пищей бѣдняковъ, пріютила много сиротъ...

...Неизмѣримо велики заслуги этихъ двухъ музыкальныхъ геніевъ. Безсмертныя творенія ихъ создали имъ значеніе законодателей въ музыкѣ. Жизненные пути ихъ, по внѣшнимъ своимъ чертамъ, совершенно различны, но завершаются одинаково: каждый, завершивъ кругъ своей дѣятельности, достигаетъ совершенства. Отдавъ всѣ силы свои служенію, въ концѣ жизни оба теряютъ зрѣніе и умираютъ физически слѣпыми, унося въ небо духовное прозрѣніе счастья идеальнаго служенія музыкой на землѣ.

А. Унковская.

* * *

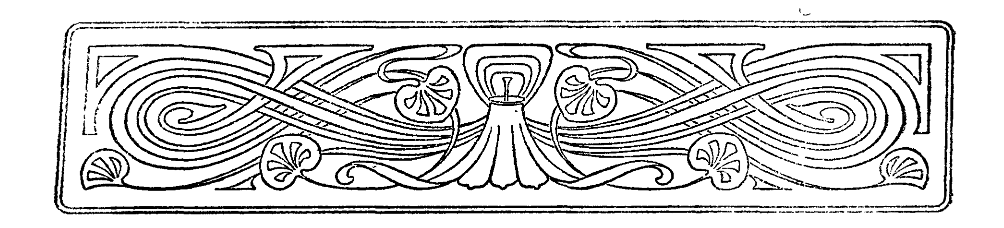
И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ.
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность таится.

И все, что мчится по безднамъ Эфира,
И всякій лучъ плотскій и безплотный
Твой только отблескъ, о Солнце міра,
И только сонъ, только сонъ мимолетный.

Влад. Соловьевъ.

(Изъ лекцій о Богочеловѣчествѣ).

* * *

Торжественно шествуетъ вѣкъ золотой,
Рождается счастье на свѣтѣ;
Вѣка возрожденья широкой волной
Заблещутъ по міру, и свѣтъ неземной
Откроется въ Божьемъ завѣтѣ.

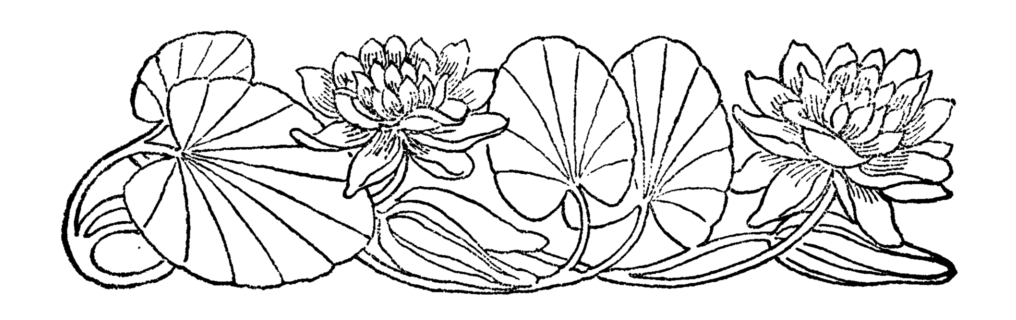
Откроется истина въ мірѣ скорбей,
Войдетъ въ него съ пѣсней побѣдной,
И зло побѣдится не звономъ мечей,
А дивною силой Господнихъ рѣчей
И тайной святой, заповѣдной.

И тайной освѣтится все на землѣ,
Что было темно и неясно; —
Окончены муки блужданья во мглѣ,
И люди съ восторгомъ пойдутъ на челѣ,
Охвачены силою властной.

Нежданная радость свободныхъ сыновъ, —
Единая, вѣчная паства, —
И свѣтъ несказáнный Господнихъ даровъ —
Сольются въ одну неземную любовь
Широкаго, свѣтлаго братства.

М.

Изъ дневника Теософа.

14 іюня. 1909 г. Лондонъ. Сегодня первая публичная лекція А. Безантъ Съ трудомъ мы достали билеты. Большой залъ (St James's Hall) переполненъ. Въ партерѣ и на хорахъ не осталось ни одного свободнаго мѣста. Ровно въ 7 ч. (минута въ минуту) на эстраду всходитъ лекторъ.

Широкими изящными складками спадаетъ бѣлое платье съ ея плечъ. Короткіе волнистные сѣдые волосы окаймляютъ лицо, которое сразу приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Трудно описать это лицо. Слишкомъ мало сказать, что оно прекрасно, или что оно поражаетъ своей силою. Анни Безантъ надо видѣть и слышать лично, чтобы понять значеніе того затаеннаго вниманія, съ которымъ въ какомъ-то очарованіи тысячная аудиторія слушаетъ ее, въ то время, какъ она говоритъ совсѣмъ непопулярныя вещи и не привычнымъ тономъ заискивающаго передъ публикой оратора, а какъ „власть имѣющая".

Она говоритъ все на ту же неистощимую тему: объ одухотвореніи жизни, о воскресеніи пробужденнаго духа. Всѣхъ этихъ людей, на первый планъ ставящихъ свое личное удовлетвореніе и внѣшнее благосостояніе, поклоняющихся формѣ и видящихъ прогрессъ лишь въ улучшеніи экономическаго строя, она призываетъ къ пламенной работѣ духа, къ тому глубокому преображенію, изъ котораго міръ почерпаетъ силу возрожденія. Она останавливается на идеѣ Красоты, говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ истинной культуры, и призываетъ беречь и культивировать ее, освѣщая ею свою жизнь. „Красота не есть роскошь, говоритъ она, истинная красота проста и доступна: нужно лишь научиться видѣть ее. Она дочь свѣта и

любви, и кто полюбитъ ее, тотъ сумѣетъ въ самой простой и незатѣйливой обстановкѣ создать нѣчто благородное и прекрасное. Красота также необходима, какъ хлѣбъ насущный. Безъ нея нѣтъ ни достоинства, ни вдохновенія. Полюбите ее и она дастъ вамъ силу преобразить свою жизнь и помочь страдающему міру!" Въ яркихъ краскахъ рисуетъ она красоту древней Эллады и современнаго Востока, даетъ рядъ очаровательныхъ картинъ изъ повседневной жизни Индіи. Когда Индусская женщина работаетъ въ полѣ, она просится на полотно, такъ изящны складки ея одежды, такъ прекрасны сочетанія красокъ ея платья; когда эта женщина идетъ за водой съ кувшиномъ на головѣ, нельзя оторвать глазъ отъ граціознаго видѣнія, хотя кувшинъ этотъ самая обыкновенная глиняная ваза. Почему и намъ на Западѣ не культивировать эту красоту линій и красокъ? Почему все, и мебель, и одежда, и домашняя утварь, все должно быть до пошлости нивелировано и безобразно? Почему творенія нашихъ художниковъ такъ мало вливаютъ въ насъ небеснаго огня? Не считать-ли, что Искусство утеряло свою духовность, что оно спустилось въ низины грубо-зоологическихъ переживаній? Пора Искусству снова подняться на родныя ему вершины и тамъ зажечь свой факелъ, чтобы черезъ Красоту вести человѣчество къ Богу! Искусство должно сдѣлаться религіознымъ, должно служить Христу, а не самости. Въ огнѣ своего священнаго творчества должно сжечь оно нечистыя примѣси, сковавшія его крылья. Между Богомъ и звѣремъ разрывается человѣкъ, но ему суждено быть Богомъ, а не звѣремъ. Передъ нимъ раскрывается высокій путь, сіяющія дали Вершинъ Духовности. Звать туда миссія всѣхъ, кто слышалъ голосъ Бога; въ этомъ зовѣ должны слиться и Наука, и Поэзія, и Искусство...

Голосъ А. Безантъ пересталъ звучать. Тихо сошла она съ эстрады, и скрылась, а залъ все еще продолжалъ пребывать въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ что-то дрогнуло въ залѣ, и аудиторія, какъ одинъ человѣкъ, разразилась громомъ неудержимыхъ рукоплесканій. Въ глубинѣ, на эстрадѣ на мгновеніе мелькнула А. Безантъ, поклонилась и снова исчезла. Она больше не показывалась, но публика долго не могла успокоиться, все еще волновалась и апплодировала.

Намъ, теософамъ, какъ-то странно слышать эти рукоплесканія. Апплодируютъ-ли священнослужителю и пророку? Но каждый выражаетъ свой восторгъ по своему. Собравшаяся со всѣхъ концовъ Лондона толпа несомнѣнно искренно выражала свое восхи-

щеніе, и вѣрно не одно сѣмя глубоко запало въ душу слушателей. Послѣ каждой такой публичной лекціи посѣтители осаждаютъ Теософическое Общество и горячо просятъ книгъ и свѣдѣній о Теософическомъ движеніи.

Мы вышли на улицу. У бокового подъѣзда безмолвно стояла большая толпа и эта толпа все росла. На противоположной сторонѣ тротуара стали останавливаться прохожіе. Полисмены оттѣсняли толпу.

— „Не король-ли былъ на лекціи? Не ждутъ-ли Его Величество?“ спросилъ, подбѣгая къ намъ, заинтересованный прохожій.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ кто-то изъ толпы, мы ждемъ Анни Безантъ“.

Къ подъѣзду подъѣхалъ кебъ. Въ эту минуту Анни Безантъ показалась на лѣстницѣ. Она быстро спустилась, ласковой улыбкой обвела толпу, безмолвно провожавшую ее глазами, сѣла въ кебъ, дверцы захлопнулись, и лошадь быстро понесла её на другой конецъ Лондона.

А. Безантъ читаетъ двѣ, иногда три и даже четыре лекціи въ день и всюду такое же скопленіе народа, такой же страстный интересъ.

Безмолвно разошлась толпа. Безмолвно и мы вернулись маленькой группой домой. Словъ не было ни у кого изъ насъ. Только лица наши свѣтились счастьемъ, и крѣпче пожали мы другъ другу руку, разставаясь на ночь...

17 іюня. Сегодня мы ѣдемъ въ Letchworth, первый Garden-City Англіи. Въ Англіи существуетъ цѣлое движеніе, поставившее себѣ цѣлью создать города—деревни (города въ садахъ), въ которыхъ бы культурныя условія жизни сочетались съ привольемъ луговъ и полей. Первый такой городъ Letchworth.

Недалеко отъ Лондона мы садимся въ узкоколейную желѣзную дорогу, и маленькій игрушечный поѣздъ (всего два вагона и миніатюрный паровозъ) несетъ насъ среди ярко освѣщенныхъ изумрудныхъ англійскихъ луговъ. Въ дали, красивыми группами, выдѣляются старые дубы. Не полныхъ 3/4 часа ѣзды, и мы у цѣли.

Мы поднимаемся на холмикъ, лежащій у самой станціи, и удивленно озираемся кругомъ. Гдѣ-же городъ? Передъ нами разстилается широкое поле. Вдали мелькаютъ среди зелени маленькіе коттэджи. Насъ ведутъ по тѣнистымъ аллеямъ и по лугу (это здѣшнія улицы) и приводятъ насъ къ пансіону, гдѣ мы будемъ ночевать. Какъ сказано въ объявленіи: Mrs. Бриксъ принимаетъ „платныхъ“ гостей (paying guests). Мы дѣйствительно чувствуемъ

себя, какъ жданные и дорогіе „гости“, такъ привѣтливо насъ встрѣчаетъ хозяйка, такъ уютно насъ устраиваетъ и такая свобода предоставлена намъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Мы положительно нѣкоторое время недоумѣваемъ: въ гостяхъ мы или въ пансіонѣ?—Уютная маленькая гостинная внизу съ открывающейся дверью въ садъ предоставлена въ наше полное распоряженіе. Сюда несутъ намъ завтракъ, и мы пьемъ чай съ „тостами“ (поджаренный хлѣбъ, нарѣзанный пластинками) у камина древняго вида, наслаждаясь тишиной и раскрывающимися передъ нашими взорами зелеными далями. Воздухъ чистый и ароматный. Послѣ Лондона это очаровательный оазисъ.

Мы спѣшимъ на собраніе и на лекцію. Сегодня въ Letchworth'ѣ открывается теософическій центръ и Президентъ Теософическаго Общества, А. Безантъ, пріѣхала на скромное торжество. Въ коттэджѣ г-жи Дрей, предсѣдательницы кружка, собрались мѣстные члены (ихъ десять человѣкъ) и нѣсколько пріѣзжихъ гостей. Съ нами пріѣхали изъ Лондона двое Французскихъ теософовъ и нѣсколько Англичанъ. Собраніе назначено въ 4 часа. Г-жа Безантъ привѣтствуетъ новый кружокъ и указываетъ на благопріятныя условія его дѣятельности въ Garden-City, гдѣ собрались люди, желающіе идти новыми путями и заинтересованные творчествомъ жизни. Она говоритъ о значеніи каждаго такого духовнаго центра для всей атмосферы мѣстности, говоритъ и о нравственной отвѣтственности членовъ, о той серьезной работѣ, которую каждый долженъ совершать въ глубинахъ своей души, чтобы потомъ дѣлиться обрѣтеннымъ свѣтомъ со всѣми. Она передаетъ предсѣдательницѣ хартію, утверждающую за новымъ центромъ право оффиціально считаться вѣтвью Теософическаго Общества.

Миссъ Дрей отвѣчаетъ горячимъ привѣтствіемъ и благодарностью отъ имени кружка. Пріѣздъ Президента—большая радость и помощь кружку; члены принимаютъ это, какъ свѣтлое предзнаменованіе для будущаго. Миссъ Дрей привѣтствуетъ всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ почтить скромное торжество возникающаго центра, и выражаетъ особенную радость, что видитъ среди нихъ трехъ русскихъ. Праздникъ открытія заканчивается чаепитіемъ въ гостинной, гдѣ А. Безантъ помогаетъ угощать гостей и особенно ухаживаетъ за двумя калѣками, членами кружка. Оба паралитики. Сегодня они такъ сіяютъ, что на нихъ радостно смотрѣть.

Вечеромъ публичная лекція въ оригинально и красиво устроенной залѣ Тоунъ-Голь (Town-Hall) собираетъ многочислен-

ную аудиторію. А. Безантъ встрѣчаютъ дружескія рукоплесканія. Вся эстрада убрана цвѣтами.

Лекторъ говоритъ о „Грядущемъ вѣкѣ“, о тѣхъ замѣтныхъ измѣненіяхъ, которыя готовятся не только въ психикѣ, но и въ самомъ организмѣ человѣка, о новыхъ чертахъ необычайной сенситивности, наблюдаемой въ дѣтяхъ нашего поколѣнія, о ростѣ индивидуальности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о стремленіи къ единенію. Она отмѣчаетъ страстное исканіе новыхъ путей и несомнѣнное подготовленіе новой эры, въ которой жизнь должна развернуться по новымъ соціальнымъ и этическимъ линіямъ. Сжато и ярко набрасываетъ она схему духовнаго строительства и съ горячимъ призывомъ обращается къ аудиторіи. „Вы, начавшіе строительство въ сферѣ экономической и соціальной, говоритъ она, знайте, что на васъ уже смотритъ Англія. Къ вамъ будутъ обращаться за совѣтомъ и помощью. У васъ будутъ искать руководительства. Будьте-же центромъ не только общественныхъ начинаній, но и центромъ духовной жизни, зажгите свѣточъ на горѣ, и пусть свѣтъ, загорѣвшійся у васъ, свѣтитъ многимъ!“...

Рѣчь покрывается бурными рукоплесканіями. На всѣхъ лицахъ горитъ воодушевленіе. Возвращаясь домой среди луговъ и полей, мы идемъ подъ звѣзднымъ небомъ съ ношею новыхъ и дорогихъ впечатлѣній...

19-го іюня. Передъ отъѣздомъ изъ Летчворд'а мы достали исторію этого пятилѣтняго города, который имѣетъ уже школу, залу общественныхъ собраній, телеграфъ и клубъ. Всюду проведено электричество. Каждый домикъ имѣетъ ванну, огородъ и садъ или маленькое поле. Насъ поразила красота и гармонія всего, что здѣсь устроено, и мы узнали, что мѣстный комитетъ строго слѣдитъ за красотой выполненія работъ и что новымъ пришельцамъ ставятся извѣстныя условія, которымъ они обязаны подчиняться. Управленіе Летчворта общинное; каждый житель имѣетъ голосъ въ администраціи и можетъ быть выбранъ на ту или иную должность. Эта маленькая свободная община ведетъ хозяйство на совершенно новыхъ началахъ и привлекаетъ къ себѣ вниманіе многихъ передовыхъ англійскихъ дѣятелей. Здѣсь селятся по преимуществу скромные интеллигентные труженики и піонеры переселенія въ природу. Невѣроятно, чтобы въ 2-хъ часахъ отъ Лондона могъ существовать такой очаровательный поселокъ. По его образцу начинаютъ уже строить Garden-City и въ другихъ частяхъ Англіи. Такъ, подъ самымъ Манчестеромъ недавно возникъ такой поселокъ. Есть проектъ устроить такой-же Garden-City въ окрестностяхъ Лондона.

21 іюня.—Сегодня съѣздъ Южной Федераціи теософическихъ центровъ и мы ѣдемъ въ Борнемутъ и Саусомптонъ, гдѣ по этому случаю будутъ лекціи и собранія.

„Красивѣйшій изъ английскихъ городовъ", Борнемутъ, расположенъ на берегу моря. Онъ весь утопаетъ въ зелени и цвѣтахъ. Подъ яркимъ іюньскимъ солнцемъ серебрятся голубыя воды Ламанша; высокими уступами тянутся скалистыя террасы надъ веселымъ пляжемъ, гдѣ тысячи дѣтей роются въ пескѣ и купаются. Сосновая роща у самаго берега разноситъ смолистый запахъ.

Передъ самымъ нашимъ въѣздомъ въ Борнемутъ, насъ обогналъ шумный поѣздъ, изъ оконъ котораго смотрѣли сотни возбужденныхъ и разгорѣвшихся дѣтскихъ личиковъ. Это народныя училища совершаютъ приморскую экскурсію. Въ теченіе нашего 2-хъ-дневнаго пребыванія въ Борнемутѣ мы видѣли три такихъ школы.

Насъ встрѣтилъ привѣтливый вегетеріанскій пансіонъ, въ которомъ большинство живущихъ—теософы.

Съѣздъ Южной Федераціи не многочисленъ. Всего человѣкъ тридцать теософовъ, но настроеніе очень дѣловитое и серьезное. Идетъ вопросъ о летучей теософической библіотекѣ, объ объединеніи новыхъ центровъ, объ организаціи лекцій въ городахъ, гдѣ еще не работаютъ теософическія вѣтви. Послѣ ряда важныхъ постановленій дѣловое собраніе заканчивается, и начинается, вмѣстѣ съ чаепитіемъ, интимное собраніе членовъ. А. Безантъ привѣтствуетъ собраніе и предлагаетъ отвѣчать на вопросы, если таковые имѣются у членовъ. Мы въ первый разъ попадаемъ на такое собраніе и съ интересомъ слѣдимъ за бесѣдой.

Ставится нѣсколько вопросовъ этическаго и философскаго характера. На всѣ вопросы А. Безантъ отвѣчаетъ со свойственной ей ясностью и непринужденностью. Въ своемъ сѣромъ дорожномъ платьѣ она выдѣляется въ собраніи своей изящной простотой. Вокругъ нея размѣстились теософы и внимательно прислушиваются къ ея отвѣтамъ. Что то глубоко-задушевное охватываетъ собраніе и всѣмъ дѣлается легко и свѣтло. Въ такія минуты все кажется яснымъ и простымъ, затрудненія падаютъ сами собой, самые сложные вопросы мгновенно выясняются. Жажда подвига овладѣваетъ сердцемъ... А. Безантъ встала, ласково обошла всѣхъ, каждому пожала руку, каждаго озарила свѣтлой улыбкой и скрылась. Сразу въ залѣ стало менѣе свѣтло, но въ душѣ каждаго продолжалъ горѣть лучъ неугасимаго свѣта.

22 іюня. Лекція, бесѣда, затѣмъ снова лекція; каждая приноситъ свое новое, нужное, незамѣнимое, и глубокія впечатлѣнія растутъ, растутъ и, кажется, нѣтъ имъ конца... Подъ ихъ вліяніемъ на берегу моря, среди сосенъ, долго сидимъ мы, почти не обмѣниваясь словами, и только шумъ вѣтра въ сосновыхъ иглахъ и ритмическая пѣсня моря отвѣчаютъ на то таинственно-глубокое, что пробуждено и что творится въ святилищѣ души... Міръ пересталъ быть жестокой загадкой, люди стали такіе близкіе, понятные, родные... Вся жизнь превратилась въ волшебную сказку...

23 іюня. Послѣдняя публичная лекція А. Безантъ въ Борнемут'ѣ „Теософія и общественныя условія".

Съ перваго мига ораторъ завладѣлъ своей аудиторіей, такъ просто, тонко и правдиво рисуетъ она неравенство условій и эгоистическую психологію привиллегированныхъ классовъ. Нѣтъ въ насъ истинной любви къ ближнему! Развѣ мы чувствуемъ, какъ *свое*—горе бѣдной швеи, больнаго работника, спившагося хулигана? Развѣ сердце болитъ у насъ за погибающихъ въ трущобахъ и притонахъ женщинахъ такъ, какъ если бы онѣ были наши родныя сестры по крови? Пока этого нѣтъ, нѣтъ и настоящей любви, но только тогда, когда эта истинная любовь родится, только тогда явится и настоящее творчество жизни. Безъ нея могутъ быть многія умныя попытки къ переустройству соціальныхъ началъ, но все будетъ непрочно и безплодно пока въ душѣ человѣка не вспыхнетъ тотъ огонь, который въ сознаніи сливаетъ каждаго брата съ нами, потому что въ любви озарилось основное единство всѣхъ дѣтей Божіихъ... Есть въ современной исторіи нѣсколько такихъ моментовъ, которые заставляютъ глубоко задуматься оккультиста.

Едва ли не самый важный изъ нихъ касается Россіи. Тамъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка родилось великое стремленіе къ братству, къ сліянію со всѣми слоями народа и цвѣтъ интеллигенціи, оставивъ свои дворянскія гнѣзда, забывъ о своихъ привиллегіяхъ и о возможной карьерѣ, бросился въ народъ, просвѣщать его, поднимать, вести его. Воодушевленная молодежь несла ему свои знанія, свои силы, свою любовь... Эти идеальныя стремленія разбились о суровую дѣйствительность, но такъ велика была сила энтузіазма русскаго общества, что оно пережило рядъ жестокихъ потрясеній, пораженіе, революцію, голодъ, эпидеміи и все же остается живой силой и мы видимъ удивительную картину просвѣщенныхъ людей, борющихся не за себя, не за права и привиллегіи своего класса, а за благо всѣхъ, болѣющихъ душей,

не за свои раны и недуги, а за болѣзнь всей родной земли, стремящихся не вознестись надъ обездоленными и темными, а слиться съ ними въ ихъ скорби и въ ихъ надеждахъ... „Не для себя, а во имя всѣхъ“... Такова та нота, которая патетично звучитъ въ переживаніяхъ русской жизни, та—что готовитъ ей великое будущее... Ибо на нашихъ глазахъ среди скорби и ужаса рождается и растетъ великая нація... Ея будущее величіе рождается изъ способности любить и отдавать себя соборному служенію... Вотъ то настроеніе, которое творитъ новую жизнь...

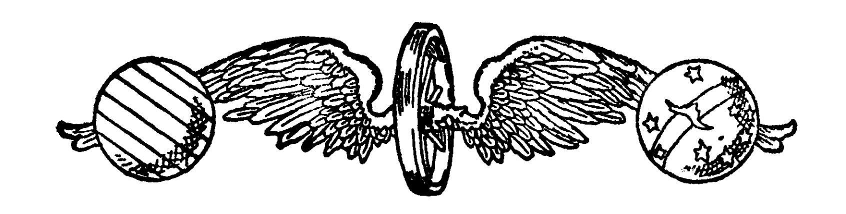
Отъ Россіи лекторъ переходитъ къ жгучимъ вопросамъ дѣйствительности, къ тяжелымъ соціальнымъ переживаніямъ всего европейскаго міра и призываетъ общество къ объединенной, дружной работѣ во имя всѣхъ. Не сила оружія, а любовь водворитъ новый соціальный строй. Ея силою будутъ вызваны къ жизни лучшія формы общественности...

Призывъ къ взаимному пониманію, къ духовной взаимопомощи, къ активному творчеству любви звучитъ все громче, все властнѣе, все торжественнѣе и раздается, какъ звонъ пасхальныхъ колоколовъ...

Медленно расходится аудиторія послѣ лекціи. Многіе отъ волненія не могутъ говорить, но вѣрно никто такъ не взволнованъ какъ мы, русскіе, которымъ было брошено такое чудное слово вѣры и любви... Не несчастная, униженная, истекающая кровью, распятая, стоитъ передъ нами Славія, а свѣтлая, сіяющая, воскресшая, и въ ея воскресеніи черпаютъ силу обновленія далекіе братья иныхъ странъ и народовъ... Стоитъ она увѣнчанная славою и говоритъ свое вѣщее слово, родившееся въ неописанныхъ мукахъ рожденія, въ агоніи исканія себя... Теперь она нашла себя, радостно простираетъ міру свои любящія руки и каждая капля струившейся изъ ранъ ея крови обратилась въ чудный, благоухающій цвѣтокъ... Вотъ почему она вся въ цвѣтахъ...

Alba.

Письмо изъ Англіи.

Одна изъ моихъ русскихъ корреспондентокъ, говоря о настоящемъ настроеніи русскаго общества, о томъ, какими обветшалыми кажутся идеалы и носители ихъ, казавшіеся героями еще вчера—заключила свое письмо такими словами: Россія ждетъ новаго слова.

Эти строки погрузили меня въ глубокую думу. Не одна Россія ждетъ этого новаго слова, этого возрожденія духа. Нѣтъ страны на землѣ, спокойно и увѣренно идущей къ прогрессу. Вездѣ тревоги, насилія, преступленія и вездѣ страданія. Всѣ чувствуютъ: такъ жить дальше невозможно.

Что же за слово? Откуда оно можетъ придти и одухотворить поникшихъ духомъ? Гдѣ тотъ Геній или Божество, которому посильно такое животворное слово? Увѣрены ли мы въ томъ, что среди неумолкающаго грохота и стона жизни, среди расходившихся людскихъ страстей мы сможемъ услышать это слово? Когда то этотъ внутренній голосъ звучалъ полнѣе, къ нему прислушивался каждый. Когда то у каждаго русскаго человѣка былъ въ домѣ уголокъ, который назывался „думкой". Когда то человѣкъ находилъ время и потребность прислушиваться къ этому тайному голосу нашего лучшаго большого я; этотъ голосъ иногда понуждалъ погрязшаго въ низшихъ инстинктахъ раскаяться, открыть свою заблудшую и вновь воспрянувшую душу народу, заставлялъ преступника повѣдать міру свой грѣхъ, стяжателя и любодѣя—итти въ скитъ, деспота—подъ строгій началъ обители. Все это осталось позади. Мы цивилизовались, сбросили съ себя религію, играли и забавлялись и наукой, и философскими ученіями, и спиритизмомъ, „и многими" другими теченіями современной жизни развили свой интеллектъ до той точки, когда вся глубина подъ покровомъ словъ мало по малу исчезла и всѣ слова потеряли

значеніе. Мы говоримъ—что мы „извѣрились“. Да, сердце такъ сузилось, что многіе изъ насъ, придя къ сознанію необходимости вѣры, уже не могутъ вмѣстить вѣры и вмѣсто вѣры впадаютъ въ предразсудки.

Какое же слово можетъ достичь нашей души? Анни Безантъ въ своей потрясающей лекціи „Пришествіе Христа“, выразивъ, ей одной свойственной силой краснорѣчія, это грядущее Освобожденіе, спросила: But shull we recognise him? *).

Среди глубокой тишины, люди какъ будто перестали дышать, раздался ея тихій, проникающій голосъ, какъ будто ей хотѣлось вѣрить, что вопросъ ея можетъ получить ободряющій, торжествующій отвѣтъ...

Все замерло, всѣ сердца въ эту минуту соединились въ одномъ порывѣ глубокаго раскаянія въ изуродованной, несправедливой жизни, въ глубокомъ сознаніи, что права она въ своемъ сомнѣніи; узнаемъ ли мы Его? Шевельнулось, навѣрно, и твердое намѣреніе каждаго измѣнить ложную дорогу жизни, откликнуться на духовные запросы попранной души.

Мнѣ хочется вмѣстѣ съ читателями „Вѣстника Теософіи“ какъ, родственными душами, соединенными общей мыслью и чувствомъ подумать объ этомъ словѣ, которое обѣщаетъ возрожденіе. Да, подумаемъ вмѣстѣ „по хорошему“. Оно—это разрѣшающее Слово—не можетъ раздаться, пока мы сами, своими собственными силами и духовнымъ переживаніемъ, не очистимъ своей души для воспринятія этого Слова.

Нѣтъ сомнѣній, что оно сначала должно проявиться маленькими дозами во многихъ, залечь идеаломъ въ души многихъ и подготовить дорогу этому возрожденію. Намъ придется зорко и любовно присматриваться вокругъ и около, искать прилежно малѣйшаго проявленія этого слова и не забывать, что Христосъ родился среди неученыхъ пастуховъ, въ ясляхъ... Не будемъ же и мы придавать недолжное значеніе учености, положенію, языку и никакимъ другимъ внѣшнимъ признакамъ. Забудемъ наши привычки, искусственныя раздѣленія и предвзятыя идеи. Будемъ, какъ пчелы, собирать медъ по капелькамъ и проникаться имъ, просвѣтляться внутренней неумолчной работой духа.

Мнѣ думается, что одностороннее наше „міровое“ развитіе завело насъ въ непроглядную чащу неразрѣшимыхъ сложностей, куда не проникаетъ ни свѣжій вѣтерокъ, ни солнышко. И мы въ

---

*) Но узнаемъ ли мы Его?

этой чащѣ заглохли, зачахли, сдѣлались больными и несчастными. Попавъ на эту ложную дорогу, душа, безсознательно стремясь найти исходъ, принимала за свѣтъ солнца разные миражи, она поднималась и падала обезсиленная, снова поднималась при новомъ появленіи миража другого вида, и снова опускалась на дно безграничнаго унынія, наконецъ устала такъ, что перестала вѣрить въ существованіе солнца. Отсюда произошли безконечныя нервныя и душевныя болѣзни и самоубійства, число которыхъ ни въ какой историческій періодъ не доходило до цифръ нашихъ дней...

Въ чемъ же кроется эта громадная ошибка развитія, которая завела насъ въ эту непроходимую, унылую чащу? Угадавъ ее, мы могли бы очутиться на пути къ исходу, къ возрожденію, къ Истинѣ. Поставивъ вѣрно діагнозъ, можно найти средство къ исцѣленію.

Мнѣ думается, что мы дѣйствительно не узнаемъ того, кто явился бы спасти насъ, принесть живую силу любви и братства. Мы привыкли жить одними мозгами. Изъ жизни мы выбросили все, что казалось намъ не умственнымъ трудомъ, и заставили все это дѣлать другихъ, внеся безконечную дисгармонію въ жизнь и породивъ массу несправедливости, которая, какъ неизбѣжная карма, отразилась несчастіемъ, уныніемъ и болѣзнями на насъ самихъ— такъ называемыхъ образованныхъ людяхъ и преступно истощила и утомила плечи, на которыя мы взваливали свои прямыя обязанности.

Мы привыкли подвергать всѣ явленія исключительно мозговой критикѣ и ея рѣшенія деспотически овладѣли всѣми нашими дѣйствіями и отношеніями. Къ тому же, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ искусственныхъ условій, мы окончательно уничтожили самодѣятельность. Заболѣемъ—мы нанимаемъ думать за насъ доктора. Явились страхи за будущую жизнь, въ которую большинство или совсѣмъ не вѣритъ или слабо вѣритъ. Но моментами является тревожный вопросъ: а что если... и мы нанимаемъ священника для „требы". Здѣсь же въ Англіи эта роль еще гораздо шире. Сосѣдъ обидитъ или что другое приключится на почвѣ общественной этики, мы опять таки не считаемъ нужнымъ или не считаемъ себя способными думать сами за себя, а нанимаемъ законника. Мало того, захочется посмѣяться, позабавиться—мы и тутъ считаемъ себя неспособными удовлетворить и этой потребности, а нанимаемъ пѣвца, актера, танцора. Мы породили множество профессій, которыя въ свою очередь сдѣлали жизнь и профессіонала и „потребителя" еще болѣе односторонней, нездоровой и искусственной. Казалось бы страннымъ одному человѣку, иногда силь-

ному и здоровому молодцу, все играть на фортепіано и днемъ, и вечеромъ, лишая себя самыхъ необходимыхъ и важныхъ сторонъ человѣческой общественной и частной жизни; казалось бы страннымъ, что всѣ тѣ, которые стоятъ въ длинномъ хвостѣ концертныхъ залъ у кассы, въ ожиданіи очереди, не могутъ, не въ состояніи удовлетворить своей музыкальной потребности сами, и въ гармоніи съ своимъ собственнымъ настроеніемъ и духовными запросами, а должны для этого скучиться въ душной залѣ, дышать вреднымъ для здоровья воздухомъ и платить иногда больше, чѣмъ позволяетъ скудный заработокъ. Странно, а между тѣмъ мы не только это всѣ дѣлаемъ, но и дѣтей учимъ тому же и съ нѣкоторою презрительной снисходительностью относимся, напримѣръ, къ крестьянству, въ которомъ каждый и поетъ и пляшетъ самъ и тѣмъ, кромѣ удовлетворенія своего настроенія, еще пріобрѣтаетъ незамѣнимый вкладъ въ сокровищницу здоровья.

Зато мы умѣемъ критиковать до мельчайшихъ подробностей артистовъ, которые насъ утѣшали и забавляли. Наши мамаши и бабушки толковали и спорили о томъ, какъ Тамберликъ взялъ до діезъ, мы пошли дальше и ввели въ свою критику такую эрудицію, о которой и не снилось нашимъ мамашамъ и бабушкамъ. Но смыслъ остался тотъ же. Мы потеряли самодѣятельность, мы потеряли всякую мѣру требованій. Чтобы прослыть хорошимъ, скажемъ, скрипачемъ или піанистомъ, надо въ наше время выдѣлывать чудеса „техники", иначе онъ или они не „удовлетворятъ" требованіямъ. А вѣдь въ музыкѣ не техника важна, а настроеніе; кажется, это простая истина.

Еще важнѣе, безконечно важнѣе, искаженіе нашихъ духовныхъ запросовъ и подчиненіе ихъ одностороннему исключительно мозговому владычеству (?), мы сдѣлались рабами смѣнявшихся одинъ за другимъ ученыхъ авторитетовъ и не смѣли думать сами по себѣ. Очевидно такое состояніе, даже съ точки зрѣнія тонкости мозговой работы, должно было имѣть неблагопріятное вліяніе, и дѣйствительно жизнь, школа, здоровье, этика, всѣ многообразныя и важныя стороны жизни исказились и стали нестерпимы.

Вспомнимъ, кто среди всѣхъ насъ вынесъ достойную удовлетворенную жизнь? Ихъ немного, и эти немногіе разсыпаны по разнымъ классамъ и состояніямъ общества среди ученыхъ и простолюдиновъ. Повидимому столь прославленное „образованіе", ради котораго приносится столько жертвъ, иногда жертвъ непосильныхъ, не играло никакой роли въ жизни этихъ рѣдкихъ людей. А. И. Чупровъ былъ однимъ изъ такихъ людей, не потому что

онъ былъ ученый профессоръ, а потому что онъ былъ ангельски добрый человѣкъ и думалъ и жилъ для другихъ. Онъ не могъ жить иначе. Я лично знаю простыхъ мужиковъ и бабъ, память которыхъ чтится также свято и тепло, хотя они были очень мало учены, а одна изъ этихъ бабъ была даже неграмотна.

Приходится придти къ заключенію, что человѣчество въ своемъ заблужденіи преступила какіе-нибудь основные законы, иначе не могло бы произойти такой основательной неурядицы. Люди любой національности согласятся съ тѣмъ, что такъ жить дольше нельзя, что полная перемѣна самыхъ существенныхъ основъ жизни настоятельно необходима.

Еще немного лѣтъ тому назадъ я вела жизнь любого современнаго человѣка не дурнаго свойства и, какъ многіе изъ нихъ, не находила жизнь удовлетворительной, постоянно хворала, то рука начинала болѣть и я ее по цѣлымъ мѣсяцамъ носила на привязи, то ноги отнимались и я съ трудомъ двигалась съ помощью трости. Какъ и многія интеллигентныя русскія шестидесятницы, я считала себя матеріалисткой, не вѣрила въ вѣчную жизнь и старалась мириться съ мыслью, что „пѣсенка спѣта“ и надо, по возможности, прилично сойти со сцены, т. е. дожить оставшіеся годы, по возможности, полезно, для того дѣла, которому я себя посвятила.

Я не стану говорить здѣсь о *пробужденіи* (оно можетъ быть найдетъ мѣсто въ какомъ-либо другомъ очеркѣ); это расширило бы настоящее письмо до нежелательныхъ размѣровъ. Мнѣ хочется только подѣлиться съ друзьями „Вѣстника Теософіи“ тѣмъ медомъ, который удалось собрать изъ разныхъ, повидимому, случайныхъ цвѣтковъ, которые выростали на моемъ пути.

Какъ только стала вслушиваться въ тайный голосъ и придавать ему значеніе, такъ стали приходить новыя мысли и притомъ такія мысли, которыя не хотѣли больше оставаться отвлеченными, а требовали настойчиво примѣненія въ жизни.

Прозвучало: „не убій“. Прозвучало властно. Въ широкомъ смыслѣ пришлось его перевести: „не твори насилій“. Мысль о насиліи показалась настолько ужасной, невыносимой, непозволительной, что даже въ его самомъ слабомъ отраженіи потребовала немедленной реформы, и переходъ на безубойное питаніе произошелъ какъ бы самъ собой.

Затѣмъ показалось несправедливымъ уклоняться отъ того труда, который принято называть физическимъ трудомъ. Это показалось тоже своего рода насиліемъ надъ другой личностью,

хотя и замаскировано экономической необходимостью. Но въ правѣ ли мы пользоваться въ данномъ случаѣ привиллегіями настоящаго строя, который мы признали ложнымъ и несправедливымъ? Возможно ли бороться или даже мечтать о переустройствѣ его, когда мы сами пользуемся всѣми его привиллегіями? Многіе друзья старались вернуть меня къ обычнымъ формамъ цивилизованной жизни, такъ какъ примѣры такого рода кажутъ ненормальными и „рѣжутъ глазъ" обывателя, привыкшаго къ корректной рутинѣ, указывая мнѣ съ едва скрытой ироніей, что, имѣя мой опытъ, образованіе и таланты (?!) я бы могла производить болѣе полезную работу, чѣмъ мыть посуду, мести полъ и т. д., тѣмъ болѣе, что весь день мой и безъ того уходитъ на работу по моей спеціальности.

На ряду съ этими маленькими перемѣнами, которыя стали входить, какъ острыя клинья въ жизнь, стали появляться со всѣхъ сторонъ новые и новые стимулы, новая переоцѣнка всѣхъ фактовъ и этики жизни. Какъ будто, переставивъ какую-нибудь мебель въ комнатѣ, всѣ другія принадлежности ея убранства оказались не на мѣстѣ и пришлось все перемѣнить, приспособить по новому, чтобы было удобно и хорошо. Каждая малѣйшая мелочь, стоявшая въ какомъ-нибудь углу съ незапамятныхъ временъ, какъ будто никому ненужная, вдругъ потребовала вниманія и переоцѣнки. Многое пришлось выбросить совсѣмъ, такъ какъ вдругъ открылась нелѣпость: Каждый день чьи то терпѣливыя руки должны были стирать пыль и содержать въ чистотѣ вещь, которая владѣльцу давно сдѣлалась ненужной и вносила только духъ запустѣнія и разложенія.

Однимъ изъ такихъ стимуловъ явилась одна маленькая книжка, написанная въ минуту вдохновенія г-жей Ф. Суинэй*) The Bar of Isis **). Оказалось, что большинство нашихъ болѣзней, несправедливостей и дегенерація произошли отъ невѣжественнаго искаженія основного закона Божественной природы. Какъ скоро вопросъ этотъ былъ освѣщенъ вдохновенными лучами ищущей правды—Истина выглянула въ полномъ своемъ величіи и простотѣ. Никакихъ сомнѣній не оставалось въ умахъ тѣхъ читателей, которые не боялись правды и ея требованій.

На пути этого исканія, нерѣдко приходили сомнѣнія и безнадежность. Возможно ли послѣ цѣлыхъ вѣковъ искаженія основ-

*) Суинэй (F. Swiney).

**) Если редакторъ „Вѣстника Теософіи" найдетъ возможность дать мѣсто въ своемъ журналѣ, этой книжкѣ будетъ посвящена особая бесѣда.

ныхъ законовъ, послѣ того какъ все тѣло человѣка въ теченіе вѣковъ, непрестанно приспособляясь къ окружающей средѣ и внутреннимъ велѣніямъ, уже видоизмѣнилось, извратилось, сдѣлалось слабымъ и рождалось съ закоренѣлыми нервными болѣзнями—возможно ли надѣяться, что вѣковыя перерожденія поддадутся столь, повидимому, слабому вліянію болѣе разумной жизни? Не достаточно ли одной такой мысли, чтобы опустить руки, произнести обычныя слова оправданія „о заѣдающей средѣ" и постараться забыть тревожныя исканія?

Но на томъ же пути повстрѣчались и другіе вѣстники, вѣстники возрожденія: просто чудеса!

Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, я вдругъ (процессъ совершился такъ быстро, что я не нахожу другого слова, какъ то, которое выражаетъ внезапность) перестала хворать, стала энергичной и работоспособной, перестала чувствовать себя несчастной и обиженной судьбой и людьми, перестала чувствовать себя одинокой шестидесятилѣтней старухой, а молодой и здоровой женщиной, передъ которой не только открылись новые пути дѣятельности и любви, но открылась жизнь безконечная, въ которой не играютъ роли ни года, ни національность, ни окружающая среда, ни климатъ, ни пресловутыя „средства къ жизни", изъ-за которыхъ такъ многіе „бьются" и страдаютъ.

Какъ же не назвать это чудомъ? Какъ же не подѣлиться имъ съ друзьями, не пожелать услышать и отъ нихъ, не слыхать ли о такихъ чудесахъ и въ ихъ краяхъ. Думается, радостные отвѣты понесутся отовсюду, если даже и не написанные чернымъ по бѣлому.

А. Дана.

Хроника теософическаго движенія.

= 27 ноября н. с. скоропостижно развоплотился генеральный секретарь Теософическаго общества Скандинавіи, А. Зеттерстенъ. А. Зеттерстенъ многіе годы безкорыстно и преданно служилъ дѣлу Теософіи и его уходъ тяжело ложится на дѣло Теософіи въ Скандинавіи.

= Президентъ Теософическаго общества, А. Безантъ вернулась въ Индію. Ее ожидаетъ горячій пріемъ въ Адіарѣ и Бенаресѣ.

= Неутомимый Г. Фрике рѣшилъ пробыть еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Южной Африкѣ, чтобы поставить тамъ дѣло Теософіи на прочныя основанія.

= Родились два новыхъ теософическихъ органа: „Свѣтъ Теософіи“ (Light of Theosophy) въ Индіи и еженедѣльная теософическая газета „Le Thèosophe“ въ Парижѣ.

= Въ Чили образовались два новыхъ теософическихъ центра: Вальпарайсо и въ Вина дель Маръ. Первый именуется „Братство“ (Fraternidad), а второй „Джордано Бруно“.

= 8 декабря въ Вегетаріанскомъ обществѣ, А. Каменская прочла докладъ: „Теософія и Вегетаріанство“. Планъ доклада:

I.

a) Вопросъ съ точки зрѣнія научной.
в) „ „ „ „ этической.
c) „ „ „ “ оккультной.

II.

Ученіе Теософіи о строеніи человѣка, о вибраціяхъ и объ эволюціи организма. Научно—религіозный синтезъ Теософіи. Новыя психическія способности и молодое поколѣніе.

Эволюція питанія въ связи съ ростомъ сознанія. Законы духовной жизни. Значеніе питанія для будущаго всего человѣчества.

Хроника жизни.

═ 30 ноября состоялось въ одной изъ аудиторій Соляного Городка засѣданіе спб. *философскаго собранія.* Ставящее себѣ цѣлью, какъ видно изъ устава, „создать болѣе тѣсное общеніе между лицами, интересующимися философіей", философское собраніе, повидимому, на своихъ засѣданіяхъ достигаетъ этого общенія въ большой мѣрѣ и съ этой стороны очень выгодно отличается отъ современнаго состоянія религіозно-философскаго общества.

„Логическое настроеніе" членовъ собранія, чуткость къ возраженіямъ создаютъ не формальное лишь общеніе, а дѣйствительное.

Неоднократно высказываемыя членами религіозно-философскаго общества фразы: — я ни за что отъ этого не откажусь, я хочу, чтобъ это было такъ, — возбуждаютъ большое недоумѣніе о нужности какихъ-либо преній, ибо пренія, какъ и все человѣческое мышленіе, совершаются лишь по законамъ логики и ихъ сознательное отрицаніе подобными фразами уничтожаетъ всякое общеніе, всякое „общество".

На послѣднемъ засѣданіи философскаго собранія былъ прочитанъ Б. А. Кирилловымъ докладъ на тему: „Истина и синтетическія сужденія a priori", повлекшій оживленныя возраженія со стороны А. Сакетти, С. Гессена и В. Френке.

Слѣдующее собраніе состоится въ Соляномъ Городкѣ 7 декабря. Будутъ предложены доклады А. В. Вейдемана: „Элементы мышленія" и Н. В. Бондарева: „Жизнь и душа".

Нельзя не пожелать успѣха А. В. Вейдеману и другимъ организаторамъ въ осуществленіи симпатичнаго и общественно-нужнаго новаго дѣла.

Одинъ изъ молодыхъ.

„Новая Русь"
2 ноября 1909 г. № 331.

═ 29 ноября 1909 г. въ помѣщеніи Психо-Неврологическаго Института проф. А. В. Герверъ прочелъ лекцію на тему: „Неврастенія, ея причина и леченіе". По мнѣнію лектора,—единственною причиною неврастеніи является все усиливающаяся борьба за существованіе, и потому единственнымъ средствомъ для устраненія этой болѣзни является измѣненіе соціальныхъ и экономическихъ условій.Лекція лишній разъ подчеркнула безсиліе оффиціальной медицины въ леченіи этой болѣзни—бича современнаго человѣчества.

═ 5 декабря 1909г. при переполненной аудиторіи клиники для душевно-больныхъ проф. В. М. Бехтеревъ прочелъ медичкамъ и студентамъ-медикамъ лекцію о гипнотизмѣ.

Проф. Бехтеревъ, извѣстный теоретикъ и практикъ по леченію душевныхъ болѣзней, высказалъ, между прочимъ, нѣсколько весьма характерныхъ утвержденій: 1) что гипнотизмъ проникъ на Западъ изъ Индіи, и 2) что несмотря на рядъ научныхъ изслѣдованій и попытокъ научнаго обоснованія такихъ свѣтилъ науки какъ Бредъ, Льебо, Шарко и Бернгеймъ,—авторитеты эти совершенно разошлись въ своихъ выводахъ и, по существу, въ гипнозѣ много осталось неяснаго.

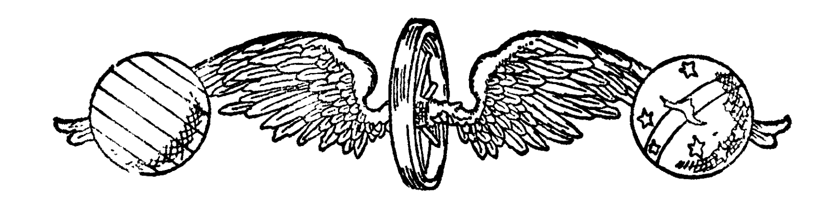
Проф. Бехтеревъ характеризовалъ гипнозъ какъ явленіе всеобщее,—видоизмѣненіе естественнаго сна, которому неизбѣжно подвержены всѣ люди, но призналъ что гипнозъ всегда приводитъ къ угнетенію мозговыхъ центровъ и всей нервной системы. Несмотря на это, проф. утверждаетъ, что при гипнозѣ не происходитъ ослабленія воли гипнотизируемаго, потому что гипнозъ, правильно примѣняемый, направляется главнымъ образомъ на укрѣпленіе воли паціента. Лекторъ считаетъ, что мысленное внушеніе (телепатія) еще не доказано, но допускаетъ, что оно можетъ быть достигнуто путемъ передачи больному разнаго рода предметовъ (напр. письма, фотографіи, лекарства и т. п.). Съ нѣкоторыми положеніями лектора (объ укрѣпленіи воли въ гипнозѣ, о дѣйствіи заговоровъ и т. п.) согласиться нельзя.

Лекція сопровождалась демонстрированіемъ больныхъ и гипнотическими опытами надъ ними.

═ 10 декабря, въ Соляномъ городкѣ состоялась лекція профессора П. И. Ковалевскаго: *Истеризмъ какъ проявленіе вырожденія и возрожденія"*. Слѣдуетъ отмѣтить, что, разсматривая истерію какъ болѣзнь, требующую серьезнаго леченія, профессоръ Ковалевскій видитъ въ сопровождающихъ ее предчувствіяхъ, предвидѣніяхъ и ясновидѣніяхъ явленіе не вырожденія, а прогресса. Это способности будущаго человѣка, которыя требуютъ умѣлаго и внимательнаго развитія.

═ Открыта подписка на 1909 г. на литературный, художественный, научно-популярный и общественный ежемѣсячный журналъ „Жизнь для всѣхъ", подъ общей редакціей В. А. Поссе.

Этотъ журналъ призываетъ къ участію въ дѣлѣ своихъ будущихъ читателей и ставитъ себѣ задачей: 1) правдивое отраженіе русской и заграничной жизни; 2) освѣщеніе всѣхъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о *ростѣ въ человѣчествѣ братскаго единенія и товарищескаго сотрудничества.*

Научный отдѣлъ.

Вліяніе алкоголя.

(Лекція, прочитанная А. Безантъ въ Livesey Temperause Hall въ Лондонѣ).

Друзья! Когда меня попросили прочитать лекцію въ вашемъ присутствіи, когда мнѣ сказали, что ваше общество отличается широкой терпимостью и не принуждаетъ никого раздѣлять ваши взгляды на предметы, стоящіе внѣ цѣли, соединившей васъ, я съ полной готовностью и радостью воспользовалась случаемъ присоединить и свой голосъ къ тѣмъ безчисленнымъ голосамъ, что раздаются по всей странѣ, протестуя противъ употребленія алкоголя и его вліянія не только на тѣла, но и на умы людей, употребляющихъ его. Мое личное отношеніе къ этому вопросу основано на принципахъ, вѣроятно, не схожихъ съ тѣми, что руководятъ многими изъ васъ, но мнѣ сдается, что небезынтересно и небезполезно и вамъ выслушать, въ какомъ освѣщеніи этотъ вопросъ представляется мнѣ, чьи взгляды на человѣческую жизнь вообще расходятся съ мнѣніями, раздѣляемыми большинствомъ изъ васъ. Не стану сегодня приводить наиболѣе знакомые вамъ аргументы, не буду говорить о пьянствѣ въ связи съ нищетой, съ порождаемыми имъ несчастьями и преступленіями, не стану указывать вамъ на убогость домашняго очага пьяницы, или сравнивать его дѣтей съ дѣтьми трезваго человѣка, съ точки зрѣнія ихъ здоровья и умственныхъ способностей: все это, конечно, полезныя стороны вопроса, аргументы, прекрасно извѣстные всѣмъ тѣмъ, кто борется съ грознымъ врагомъ нашей расы—пьянствомъ; но можетъ быть, мой взлядъ на этотъ вопросъ подскажетъ вамъ новые доводы, въ дополненіе къ вышеупомянутымъ; и тѣ изъ васъ, кто и не будетъ согласенъ съ основаніями, на которыхъ они покоятся, можетъ быть все же почерпнутъ въ самихъ аргументахъ полезное подкрѣпленіе своихъ мыслей.

Я лично, трезвенница, потому что я теософка; это вытекаетъ изъ теософическаго пониманія природы, устройства и назначенія человѣка. Взглядъ на человѣческую природу, на отношенія между собою людей, соединенныхъ неразрывными по моему убѣжденію узами братства, на вліяніе ихъ другъ на друга, мой взглядъ на тѣло лишь какъ на оболочку, въ которой живетъ высшій Разумъ, являющійся настоящимъ, подлиннымъ человѣкомъ—вотъ, въ краткихъ словахъ, міросозерцаніе, приводящее меня къ убѣжденію въ необходимости трезвости въ практической жизни; эти взгляды я и хочу изложить вамъ въ надеждѣ, что они сольются съ болѣе знакомыми вамъ доводами и укрѣпятъ вашу позицію относительно тѣхъ, кто защищаетъ употребленіе алкоголя, утверждая, что въ умѣренномъ количествѣ онъ питателенъ и полезенъ. Вы скажете имъ, что онъ не полезенъ, а вреденъ, и что необходимо полное отреченіе отъ него, а не только умѣренное его употребленіе.

Я считаю алкоголь разрушающимъ, вреднымъ агентомъ, вслѣдствіе чего употребленіе его должно быть безусловно прекращено, какъ не приносящее пользы въ общей экономіи тѣла. Вотъ та точка зрѣнія, на которой я стою.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ относительно тѣла. Мы, съ нашей точки зрѣнія, смотримъ на тѣло, какъ на орудіе духовнаго Разума, который мы и считаемъ настоящимъ человѣкомъ, т. е. мы считаемъ тѣло оболочкой, одѣяніемъ, инструментомъ для работы въ физическомъ мірѣ, такъ что плодотворность работы стоитъ въ тѣсной зависимости отъ состоянія инструмента. Подобно тому, какъ ни одинъ рабочій не можетъ чисто и аккуратно исполнить работу, пользуясь тупыми, искривленными или поломанными орудіями, такъ и настоящій, внутренній человѣкъ, не можетъ плодотворно работать на физическомъ планѣ, если инструментъ, которымъ эта работа должна быть исполнена, исковерканъ или притупленъ какой-нибудь привычкой, вредящей физической жизни. Мы изучаемъ тѣло въ его конструкціи, его живой дѣятельности и въ его вліяніи на всѣхъ вообще людей, на всю совокупность окружающаго насъ животнаго, растительнаго и минеральнаго міра. Мы утверждаемъ, что человѣкъ является частицей этого міра, что между тѣломъ человѣка и тѣлами остальныхъ людей и предметовъ, имѣющихъ физическую форму, существуетъ постоянное взаимодѣйствіе, что они состоятъ изъ того, что ученые называютъ „атомами" и „молекулами"; при ближайшемъ же изученіи этихъ атомовъ и молекулъ, ихъ роль въ этомъ вопросѣ выясняется. Разсматривая ихъ съ двоякой точки зрѣнія, мы утверждаемъ, что

атомъ, какъ и человѣкъ, частицу котораго онъ составляетъ, является сложнымъ, а не простымъ явленіемъ, что онъ существо живое, что наши тѣла составлены изъ безчисленныхъ жизней, что эти атомы, составляющіе физическое тѣло, являются живыми существами — *жизнями* сами по себѣ, и что отъ ихъ здоровья или отсутствія здоровья зависитъ общее здоровье или общее отсутствіе здоровья постепенно созидаемаго ими тѣла. Согласно древнему теософическому ученію, весь міръ сотканъ изъ этихъ жизней; различіе между минераломъ, растеніемъ, животнымъ и человѣкомъ лежитъ не въ матеріалѣ, изъ котораго созданы ихъ тѣла, а въ организаціи этого матеріала, тѣ же атомы содержатся въ минералѣ, затѣмъ въ растеніи и наконецъ въ человѣческомъ тѣлѣ и разница въ ихъ устройствѣ и въ способѣ ихъ сцѣпленія и заставляетъ весь организмъ принимать ту или другую форму живого существа.

Западная наука очень сходится съ нами въ своихъ изслѣдованіяхъ этого пункта. Тѣ изъ васъ, кто слѣдилъ за работами выдающихся нашихъ докторовъ, замѣтили, что они въ теченіе послѣднихъ лѣтъ все изучаютъ микробы и бактеріи; эти крошечныя тѣла, видимыя только въ сильные микроскопы, являются причиной всѣхъ заболѣваній, такъ что при появленіи какой-нибудь болѣзни доктора стараются распознать ея микробъ, и холера-ли это, водобоязнь-ли, инфлуэнца или ракъ, выдающіеся ученые все ищутъ микроба, лежащаго въ корнѣ зла, руководствуясь тою мыслью, что если они найдутъ причину, дѣйствующую столь разрушающимъ образомъ на человѣческій организмъ, имъ легче будетъ бороться съ самой болѣзнью. Они пошли еще дальше и открыли, что въ нашихъ тѣлахъ очень часто идетъ борьба между созидающими и разрушающими микробами, такъ что, если въ кровь попадутъ разрушающіе микробы, отравляющіе и постепенно убивающіе васъ по мѣрѣ своего размноженія, на встрѣчу имъ выходитъ армія созидающихъ микробовъ, возстановляющихъ то, что разрушено первыми и побѣждающихъ ихъ вредную дѣятельность своимъ плодотворнымъ вліяніемъ. Такимъ образомъ наука учитъ насъ смотрѣть на свои тѣла какъ на своего рода поле сраженія, на которомъ борются, постепенно прибывая и убывая, эти низшія существа; наше тѣло является какъ бы страной, куда прибываютъ иммигранты изъ другихъ краевъ и откуда уходятъ эмигранты въ другія страны; отъ характера иммигрантовъ зависитъ наше состояніе; если изъ сосѣднихъ странъ прибываютъ дурные иммигранты, опустившіеся, пьяные, погрязшіе во злѣ, они отравляютъ населеніе

нашей страны и распространяютъ среди здороваго населенія занесенныя ими болѣзни. Все это звучитъ, какъ сказка, но вмѣстѣ съ тѣмъ это научный фактъ. Нѣтъ лучшаго разсказчика сказокъ какъ наука, наблюдающая факты, координирующая ихъ и сообщающая свѣту о результатахъ своихъ изученій. Теософы, изслѣдуя эту точку зрѣнія на тѣло, находятъ ее правильной. Это какъ разъ ученіе, входившее въ теченіе тысячелѣтій въ составъ философіи. Слѣдовательно, наше тѣло составлено изъ тѣхъ милліоновъ и милліоновъ маленькихъ жизней, вѣчно приходящихъ и уходящихъ, всегда мѣняющихъ свое положеніе, и въ моей и въ вашей жизни нѣтъ ни одной минуты, когда мы не высылали бы рои этихъ жизней въ окружающую насъ атмосферу и сами не получали бы взамѣнъ рои подобныхъ же жизней.

Наука опять таки скажетъ вамъ, что въ физическомъ тѣлѣ каждый атомъ мѣняется каждыя семь лѣтъ, что каждая частица вашего тѣла уходитъ въ этотъ промежутокъ времени и замѣняется другой частицей. Обмѣнъ этотъ, конечно, невидимъ для глаза, но невидимый міръ тѣмъ не менѣе реаленъ — въ дѣйствительности, невидимый міръ безусловно важнѣйшій, потому что онъ является міромъ причинъ, а видимый міръ лишь міромъ слѣдствій, и причины, опредѣляющія нашъ обликъ, складываются въ этомъ невидимомъ мірѣ. Теперь обратитесь къ вашему воображенію, какъ совѣтуетъ Тиндаль, говоря о научномъ использованіи воображенія. Представьте себѣ ваше тѣло, составленное изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ жизней. Глазами воображенія взгляните на нихъ, оставляющихъ васъ послѣ того, какъ онѣ пробыли нѣкоторое время въ вашемъ тѣлѣ. Посмотрите, какъ другія жизни приходятъ, замѣняя ихъ. Отмѣтьте любопытный физическій фактъ. Представьте себѣ, что у васъ была большая рана, которая зажила, образовавъ рубецъ. Этотъ рубецъ останется на всю жизнь, хотя вы можете и не помнить, когда именно вамъ была нанесена рана. Будучи еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ я попробовала встать на ноги въ своей кроваткѣ и расшибла себѣ лобъ о желѣзныя украшенія ея. Рубецъ виденъ до сихъ поръ и останется до гроба. Онъ остается, хотя мое тѣло и мѣнялось много разъ— каждыя семь лѣтъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я ушиблась. Рубецъ останется и новые атомы, входящіе въ мое тѣло, принимаютъ отпечатокъ болѣе старыхъ атомовъ, среди которыхъ они появились; подобно тому, какъ эти атомы, взятые мною изъ окружающаго міра, принимаютъ отпечатокъ моего тѣла, такъ и атомы, которые я высылаю, уносятъ отпечатокъ, наложенный на нихъ во время пре-

біванія въ моемъ тѣлѣ, и вносятъ его въ другія жизни, въ живыя существа, которыя въ будущемъ опять-таки войдутъ въ составъ другихъ тѣлъ. Приведемъ другое сравненіе: человѣческое тѣло подобно станку, выбивающему монету,—въ него вкладывается металлъ и онъ выходитъ въ видѣ монеты, снабженной штампомъ станка. Наши тѣла штампуютъ каждый атомъ, выходящій изъ нихъ, тѣмъ штампомъ, который мы на него налагаемъ; они несутъ его съ собой и передаютъ другимъ организмамъ. Предположите только, что эти атомы всегда отравлены алкоголемъ!

Алкоголь является субстанціей, особенно сильно поглощающей магнетизмъ соприкасающихся съ нею тѣлъ. Въ химическомъ смыслѣ о немъ можно говорить, какъ объ опредѣленномъ химическомъ составѣ, состоящемъ изъ извѣстныхъ химическихъ атомовъ, новымъ образомъ соединенныхъ. Существуютъ малоразличныя формы, зависящія отъ числа атомовъ, составляющихъ ихъ, но каково бы ни было число ихъ, соотношеніе между ними всегда одинаково. Алкогольный радикалъ составленъ изъ двухъ элементовъ—углерода и водорода, совершенно безвредныхъ сами по себѣ и очень почтенныхъ членовъ химической семьи. Они становятся нежелательными только при соединеніи ихъ въ извѣстную форму; когда вы къ этому особому сочетанію ихъ прибавляете часть молекулъ воды, то получается спиртъ, конечно сильно разбавленный для питья; но вредныя свойства этого разбавленнаго напитка происходятъ отъ особаго сочетанія химическихъ атомовъ и ихъ соотношеній, извѣстныхъ въ химіи подъ именемъ алкогольнаго радикала. Получается ли онъ въ метиловомъ спиртѣ, въ пивѣ, винѣ и т. п., или въ еще болѣе крѣпкихъ формахъ, какъ картофельномъ спиртѣ, которымъ широко пользуются для производства болѣе дешевыхъ спиртныхъ напитковъ, и который еще крѣпче и вреднѣе обыкновеннаго спирта, какъ бы онъ ни добывался, *характерныя черты его остаются неизмѣнными* и онѣ не могутъ быть отъ него отдѣлены, являясь прямымъ слѣдствіемъ этой особой комбинаціи химическихъ элементовъ. Принятый внутрь, алкоголь несетъ съ собой магнетизмъ лицъ, принимавшихъ участіе въ его приготовленіи. Люди, занимающіеся производствомъ спиртныхъ напитковъ, большею частью не принадлежатъ къ наиболѣе вдумчивымъ, тонкимъ или культурнымъ существамъ. Обыкновенно на нихъ сказывается вліяніе того вещества, надъ которымъ они постоянно работаютъ, и они пріобрѣтаютъ извѣстный физическій отпечатокъ, позволяющій распознать ихъ какъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ этой отрасли промышленности. Каждый изъ васъ

узна́етъ винокура въ толпѣ трезвенниковъ. Физическое тѣло мѣняется подъ вліяніемъ постоянныхъ занятій человѣка. Вы въ преувеличенной формѣ найдете подтвержденіе моихъ словъ, если взглянете на привычнаго пьяницу. Вы вѣдь не станете спорить противъ того, что его тотчасъ же можно отличить отъ другихъ людей по извѣстнымъ примѣтамъ, по вреду, наносимому имъ своимъ тканямъ, по запаху спиртныхъ напитковъ, которымъ пропипитано все его тѣло; каждый человѣкъ, совершенно воздерживающійся отъ спиртныхъ напитковъ, становится особенно чувствительнымъ къ испареніямъ, исходящимъ изъ тѣла, пропитаннаго алкоголемъ. Если человѣкъ пьющій входитъ въ трамвай, его присутствіе сейчасъ же замѣтно. Я сама это испытала, хотя и не была трезвенницей всю свою жизнь. Долгое время я пила легкія французскія вина, содержащія лишь 2, 3, 4 до 8% алкоголя, т. е. количество весьма незначительное; но отреченіе отъ всякаго алкоголя все же составляетъ большую разницу, что я и замѣтила за тѣ нѣсколько лѣтъ, что совершенно отъ него отказалась. Непріятная сторона полной трезвости заключается въ развитіи особенной чувствительности относительно людей пьющихъ. Она непріятна потому, что большинство людей все же пьетъ вино и невозможно съ ними вовсе не сообщаться. Даже умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ замѣтно для тѣхъ, кто обострилъ свою чувствительность долгимъ и полнымъ воздержаніемъ. Въ прошлый четвергъ я читала лекцію въ Южномъ Валлисѣ, и мнѣ надо было доѣхать до извѣстнаго желѣзнодорожнаго пункта, чтобы пересѣсть въ другой поѣздъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я читала лекцію, происходило состязаніе въ футболлъ, и игроки возвращались въ Кардифъ съ тѣмъ же поѣздомъ. Къ сожалѣнію почти всѣ они выпили и нѣкоторые изъ нихъ были даже совершенно пьяны. Физическія испаренія, исходившія отъ тѣлъ этихъ людей, были настолько сильны, что положительно вызвали во мнѣ тошноту. Я не преувеличиваю, а говорю о подлинномъ физическомъ фактѣ.

Что отъ каждаго тѣла исходитъ испареніе, является неоспоримымъ фактомъ. Они падаютъ на окружающія тѣла, на человѣческія существа, на растенія и минераллы; такимъ образомъ поддерживается постоянное взаимодѣйствіе между всѣми предметами, среди которыхъ мы живемъ, и образуется связь между вами и всѣмъ окружающимъ міромъ во всѣхъ его видахъ, въ силу чего пьянство составляетъ несчастье не только для пьющихъ людей, но и для всего общества и всей націи. Кто то сказалъ, что пья-

ница является врагомъ лишь самому себѣ. Это невѣрно. Помимо того, что отъ этого порока страдаетъ жена и дѣти и что пьяница подаетъ дурной примѣръ другимъ, онъ является и фокусомъ отравы для общества, среди котораго онъ живетъ въ физическомъ тѣлѣ. Я не говорю пока объ умственномъ и нравственномъ вредѣ, а лишь о физическихъ послѣдствіяхъ; люди, вносящіе алкоголь въ свои тѣла, налагаютъ печать алкогола на атомы, составляющіе ихъ. Они разбрасываютъ эти атомы вокругъ себя, трезвые люди получаютъ ихъ въ свои тѣла и такимъ образомъ страдаютъ отъ пьяныхъ нравовъ своихъ сосѣдей. Слѣдовательно, пьянство не только личное дѣло. Впрочемъ исключительно личныхъ дѣлъ вовсе не бываетъ, въ силу того, что мы неразрывно связаны другъ съ другомъ; но пьянство наименѣе личное дѣло; человѣкъ не имѣетъ права пить и разбрасывать отравленные атомы вокругъ себя, какъ онъ не имѣетъ права, заболѣвъ оспой, сѣсть въ трамвай или на извозчика и оставить послѣ себя оспенный ядъ, которымъ можетъ заразиться лицо, занявшее мѣсто послѣ него. Вы понимаете теперь, почему я сказала въ началѣ, что, хотя я разсматриваю вопросъ съ другой точки зрѣнія чѣмъ вы, нѣкоторые мои выводы могутъ пригодиться и вамъ въ борьбѣ съ пьянствомъ. Вы можете подкрѣпить ихъ всѣми позднѣйшими наблюденіями западной науки относительно вліянія этихъ мелкихъ атомовъ на наши тѣла, если не хотите принять мою болѣе сильную точку зрѣнія, что каждый атомъ является жизнью — организованной жизнью, обладающей силой вліянія на все, съ чѣмъ она соприкасается; когда же эта жизнь отравлена, она является живымъ зародышемъ, могущимъ вызвать дальнѣйшія заболѣванія въ тѣлѣ.

Съ другой стороны не надо забывать и слѣдующаго. Вообразите, что лицо, заболѣвшее оспой или какой-нибудь другой заразительной болѣзнью, разбрасываетъ отравленные зародыши. Изъ этого не слѣдуетъ, что всякій, на кого этотъ зародышъ упадетъ, заболѣетъ данной болѣзнью, потому что, кромѣ наличности зародыша, надо, чтобы была и почва, въ которой онъ можетъ произростать и давать плоды. До извѣстной степени мы можемъ уберечь себя отъ этихъ отравленныхъ зародышей. Мы не можемъ предотвратить ихъ внѣдреніе въ наши тѣла, но мы можемъ сдѣлать почву настолько неплодородной, что они умрутъ отъ недостатка питанія. Можно достигнуть этого, вполнѣ оздоровивъ наше тѣло, стараясь не отравлять вошедшій въ него атомъ, очищая тѣло и такимъ образомъ стерилизуя почву, на которой при другихъ условіяхъ зародышъ развился бы и выросъ.

Можно иллюстрировать это слѣдующимъ примѣромъ: ученый беретъ зародышъ и кладетъ его въ родную ему среду. Въ ней онъ растетъ и множится; ученые иногда берутъ зародышъ или микробъ и кладутъ его въ бутылку, наполненную жидкостью, содержащею всѣ питательныя вещества, нужныя для быстраго развитія даннаго микроба. Микробъ начинаетъ расти и во многихъ случаяхъ микроскопическій микробъ, въ силу чрезмѣрнаго питанія, развивается до ненормальныхъ размѣровъ и становится видимымъ даже невооруженному глазу. Иногда же его впускаютъ въ стерилизующую жидкость, т. е. его лишаютъ того питанія, которое онъ можетъ ассимилировать, онъ постепенно слабѣетъ, и его вредоносность становится ничтожной. Этотъ примѣръ разъясняетъ вамъ процессъ, происходящій въ тѣлѣ людей. Тѣло человѣка можетъ стать подобной родственной средой, обладающей всѣми условіями для развитія алкогольнаго микроба. Такимъ образомъ, если атомъ, отравленный алкоголемъ, придетъ къ вамъ отъ пьянаго сосѣда и найдетъ въ вашемъ тѣлѣ благопріятную для себя почву, онъ будетъ на ней расти, размножаться и усиливать ваше собственное предрасположеніе къ алкогольной болѣзни, принося все новые и новые матеріалы въ эту почву, способствующую росту данной болѣзни. Слѣдовательно, люди пьющіе вредятъ другъ другу и самая атмосфера кабака питаетъ расположеніе къ пьянству. Съ другой стороны, если тѣло чисто, если оно не даетъ матеріаловъ для роста, питанія, способствующаго развитію атома, насыщеннаго алкоголемъ, то этотъ атомъ постепенно ослабѣетъ, мѣняетъ свой характеръ и воспринимаетъ болѣе здоровое состояніе атомовъ, среди которыхъ онъ находится. Слѣдовательно вы можете уберечься отъ этого яда, если будете содержать собственное тѣло чистымъ отъ алкоголя. Вы можете дѣйствительно создать себѣ тѣло, невоспріимчивое къ этому злу.

Изъ всего вышесказаннаго вы видите, какъ трудно отдѣлаться отъ привычки къ алкоголю и какъ тяжела борьба съ ней; иногда человѣкъ не пьетъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ и вдругъ поддается подъ вліяніемъ непреодолимаго физическаго влеченія. Это война, настоящая война, которая завязывается въ тѣлѣ пьющихъ людей, и атомы, питавшіеся газами пьянства, не могутъ быть сразу побѣждены.

Вы понимаете теперь, почему я, будучи теософкой, проповѣдую полное воздержаніе; почему я смотрю на алкоголь не какъ на полезное подкрѣпляющее средство, а какъ на положительный ядъ.

Опасность того, что называютъ „умѣреннымъ“ пріемомъ алкоголя, лежитъ въ этомъ питаніи алкогольнаго зародыша, развивающагося чрезвычайно легко; если то же лицо впадетъ въ несчастіе, его умѣренность можетъ перейти въ крайность, и трезвый человѣкъ можетъ превратиться въ пьяницу путемъ этого отравленія, получаемаго имъ изъ окружающей его жизни. Выше сказанное, безъ сомнѣнія, обнаружитъ и огромное значеніе воздержанія для родителей. Жизнь ребенка находится, поскольку дѣло касается его физическаго тѣла, подъ сильнымъ вліяніемъ жизни, физически данной родителями. Какъ можетъ дитя родиться съ физически здоровымъ тѣломъ, если это тѣло составлено изъ физически отравленныхъ атомовъ? Мать и отецъ даютъ зародышъ физической жизни и матеріалъ, изъ котораго создано физическое тѣло. Если они отравлены алкоголемъ, то дитя рождается съ наклонностью къ пьянству, физически внѣдренною въ тѣло, данное ему родителями.

Посмѣетъ ли кто-нибудь взять на себя подобную отвѣтственность? Родители не имѣютъ права создавать физическое тѣло, отравленное такимъ образомъ, прежде даже, чѣмъ оно способно постоять за себя во внѣшнемъ мірѣ. Они не имѣютъ права передавать ребенку тѣло, въ силу своего физическаго устройства уже насыщенное стремленіемъ къ алкоголю. Люди говорятъ женщинамъ: „Вамъ слѣдуетъ пить, чтобы поддержать свои силы. Вамъ надо пить портеръ или пиво, чтобы быть сильными“. Этими словами они какъ бы говорятъ: „Вамъ надо принять яды, чтобы жить“. Все это отравляетъ не только мать, но и ребенка, потому что сами матеріалы уже отравлены, и въ этомъ,—простите меня, если я отвлекусь въ сторону—мужчины виноваты не мало. Я, какъ вамъ извѣстно, хорошо знакома съ жизнью въ Истъ-Эндѣ*). Я работала, главнымъ образомъ, среди женщинъ и встрѣчала самыя большія затрудненія, когда дѣвушки 16, 17 и 18 лѣтъ становились невѣстами. Противъ этого факта рѣшительно ничего нельзя сказать, потому что онъ естественъ и правиленъ; но, обыкновенно, молодой человѣкъ—женихъ желаетъ, чтобы дѣвушка пила съ нимъ. Если она не выпьетъ съ нимъ рюмочки, онъ говоритъ, что у нея дурной характеръ, что она надута или важничаетъ. Я много разъ говорила дѣвушкамъ: „Я не вѣрю, чтобы вы любили пить“. (Скажу, между прочимъ, что мы не допускаемъ спиртныхъ напитковъ въ нашемъ клубѣ и дѣвушки съ величайшимъ удо-

---

*) Бѣднѣйшій кварталъ Лондона.

вольствіемъ пьютъ чай и кофе). Онѣ говорятъ: „Мы то не любимъ, но вотъ Томъ или Джекъ недоволенъ, когда мы съ нимъ не пьемъ“.

Если же мужчина заставляетъ дѣвушку бранью, насмѣшкой или инымъ какимъ способомъ иногда выпить съ нимъ стаканчикъ, то онъ не имѣетъ права порицать ее, когда, ставъ его женою, она не оставляетъ этой привычки. Я еще не встрѣчала мужчины, которому пріятно было бы, чтобы его жена пила. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они любятъ, чтобы невѣсты ихъ пили. Если начало этой дурной привычки положено до свадьбы, онѣ будутъ продолжать ее и послѣ, и ни одинъ мужчина не имѣетъ права жаловаться на пьющую жену, если онъ смѣялся надъ ней, когда, будучи дѣвушкой, она въ первый разъ отказывалась пить. Такъ что, въ концѣ-концовъ, этотъ вопросъ касается не однѣхъ только пьющихъ женщинъ, но и всѣхъ мужчинъ и женщинъ вообще; тѣхъ перегородокъ, что люди любятъ воздвигать, вовсе не существуетъ въ дѣйствительности. Всѣ вопросы одинаково касаются мужчинъ и женщинъ въ своихъ результатахъ, и онѣ должны плечо къ плечу бороться съ пьянствомъ, стараясь сдѣлать міръ лучше путемъ облагораживающаго вліянія близкихъ имъ людей.

Есть еще одна точка зрѣнія, въ силу которой я ратую за полное воздержаніе отъ алкоголя. Она опять-таки теософическая; не знаю, согласитесь ли вы со мною постольку даже, поскольку вы согласились съ моимъ первымъ аргументомъ, — по крайней мѣрѣ съ его принципомъ. Я въ началѣ сказала, что мы смотримъ на человѣка не какъ на тѣло, а какъ на лицо, *пользующееся* тѣломъ. Тѣло — это домъ, а человѣкъ — обитатель его, и мы учимъ, что человѣкъ переходитъ изъ дома въ домъ и, что въ теченіе каждой человѣческой жизни онъ создаетъ тотъ домъ, въ которомъ ему придется жить въ слѣдующей жизни. Въ теченіе одной жизни онъ строитъ свое слѣдующее жилище и умственной и духовной дѣятельностью одной человѣческой жизни онъ измѣняетъ физическія условія слѣдующаго своего человѣческаго существованія. Это то, что называется ученіемъ о перевоплощеніи. Многіе вдумчивые люди принимаютъ его, въ виду того, что оно проливаетъ необыкновенный свѣтъ на многія загадки земной жизни. Позвольте разъяснить вамъ, какое отношеніе оно имѣетъ къ вопросу о пьянствѣ. Мы утверждаемъ, что та сила, которая дѣлаетъ васъ дѣйствительно человѣчными, это — мысль; эта сила опредѣляетъ вашу жизнь и дѣятельность; человѣкъ гораздо болѣе является тѣмъ, что онъ *думаетъ*, чѣмъ тѣмъ, что онъ *дѣлаетъ*, въ виду того, что

дѣла его въ значительной степени зависятъ отъ окружающихъ его обстоятельствъ, но то, что онъ *думаетъ*, его *мысли* руководятъ его отношеніемъ къ этимъ обстоятельствамъ. Предположимъ, напримѣръ, что человѣкъ въ своихъ мысляхъ нечестенъ, т. е. что онъ готовъ совершить какой-нибудь нечестный поступокъ, при увѣренности, что его не поймаютъ; сдѣлается ли такой человѣкъ воромъ или нѣтъ — въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. Если представится къ тому случай, онъ превратится въ вора, потому что въ мысляхъ своихъ онъ воръ; и не одинъ человѣкъ, совершившій кражу, честнѣе иныхъ, сошедшихъ въ могилу, считаясь честными людьми. Человѣкъ является тѣмъ, что онъ думаетъ. Нѣкоторые изъ васъ могутъ держаться своихъ особыхъ религіозныхъ взглядовъ, но нѣтъ ни одного великаго духовнаго учителя въ мірѣ, который не придавалъ бы гораздо болѣе значенія мысли, чѣмъ поступкамъ человѣка. Мысль потому важнѣе, что она руководитъ дѣйствіемъ. Какъ человѣкъ думаетъ, такъ онъ и поступаетъ.

Опираясь на эту основу и на большое количество опытовъ, о которыхъ не буду сегодня говорить, теософы пришли къ абсолютному познанію того факта, что по мѣрѣ того, какъ вы думаете, вы создаете формы изъ эѳирнаго вещества, невидимыя для обыкновеннаго глаза, но видимыя при опредѣленныхъ условіяхъ, при извѣстномъ состояніи даже нервной системы. Возьмите человѣка, страдающаго бѣлой горячкой. Онъ видитъ не воображаемые, а реальные предметы. Этотъ человѣкъ живетъ въ реальномъ мірѣ, хотя и не въ томъ объективномъ мірѣ, съ которымъ вы болѣе всего знакомы. Онъ видитъ извѣстныя вещи при помощи особаго свойства, дремлющаго въ обыкновенномъ человѣкѣ, но которое при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ развиться до ненормальной силы на зло или на добро. Одно изъ этихъ условій—это привычное пьянство, имѣющее такое физіологическое послѣдствіе, что оно вызываетъ къ дѣятельности дремлющее въ обычное время зрительное чувство, и при данныхъ условіяхъ человѣкъ видитъ мысленныя формы, правда очень низкаго разряда и ужасныя на видъ, но все же мысленныя формы.

Вы, вѣроятно, замѣтили, что типъ предметовъ, видимыхъ во время припадковъ бѣлой горячки, всегда одинъ и тотъ же. Эти предметы реальны въ сферѣ особой формы существованія, скрытой отъ насъ въ обыкновенномъ тѣлѣ и съ которымъ мы приходимъ въ соприкосновеніе только при этихъ весьма ненормальныхъ условіяхъ. Вашъ умъ постоянно создаетъ формы въ этой

эѳирной матеріи, можетъ быть той самой, существованіе которой предполагаетъ проф. Клиффордъ. Были сдѣланы всевозможные опыты для доказательства какъ его существованія, такъ и того, что каждый разъ, какъ вы думаете, каждая ваша мысль производитъ въ ментальномъ мірѣ форму, являющуюся образомъ вашего мышленія. Если вы присмотритесь поближе къ гипнотизму, вы легко поймете эту мысль. Паціентъ видитъ форму-мысль и можетъ описать ее, хотя не произнесено ни слова и нѣтъ соприкосновенія между мыслителемъ и зрителемъ. Иногда это получается при посредствѣ медіума, видящаго форму-мысль и говорящаго о ней, какъ о „духѣ". Эти мысли-формы существуютъ, живутъ и формируютъ обликъ дѣйствительнаго, настоящаго человѣка. Они даже формируютъ внѣшнее тѣло. Замѣтьте разницу въ старости между людьми, прожившими чистую или порочную жизнь.

Ихъ сразу можно отличить другъ отъ друга. Красота благороднаго старика или старухи не лежитъ въ красотѣ чертъ лица, а въ красотѣ общаго выраженія и облика. Тутъ внутреннія качества просвѣчиваютъ сквозь маску или покровъ тѣла. Она то и живетъ—та внутренняя форма, создаваемая каждымъ человѣкомъ и эта духовная форма въ значительной степени образуетъ физическій обликъ слѣдующаго воплощенія. Слѣдовательно, вы въ настоящей жизни создаете будущія наклонности и, вернувшись къ новой жизни, вы будете обладать наклонностями и стремленіями, созданными вами въ этой жизни; эти стремленія и образуютъ то, что называется врожденнымъ характеромъ. Дѣти, рождаясь, не являются бѣлыми листами бумаги, а имѣютъ строго опредѣленныя характерныя черты, иногда порочныя, иногда добродѣтельныя. Каждый человѣкъ, однако, можетъ и пріобрѣсть порочныя или добродѣтельныя наклонности. Есть признанные способы для пріобрѣтенія ихъ. Объ одномъ изъ нихъ вамъ разскажетъ ученый—это путь физической наслѣдственности. Эта гипотеза, если она вѣрна, весьма печальна, потому что она предполагаетъ, что дитя рождается уже пропитаннымъ, вслѣдствіе дѣяній *другихъ* людей, порочными наклонностями, съ которыми ему приходится бороться. Другіе говорятъ, что прирожденныя качества являются въ ребенкѣ волею всемогущаго провидѣнія, дарующаго ребенку душу со всѣми ея особенностями. Но не является-ли страшной несправедливостью тотъ фактъ, что люди съ самаго начала парализованы такимъ образомъ внѣшней силой. Но если обѣ эти точки зрѣнія невѣрны, и если правильно то мнѣніе, что вы и я нашими дѣяніями и мыслями создали тотъ обликъ, которымъ мы въ ны-

нѣшней жизни пользуемся для ускоренія или задержки нашего развитія, то ужъ не можетъ быть рѣчи о несправедливости. Въ самомъ корнѣ вещей нѣтъ несправедливости, отличающей тѣ двѣ точки зрѣнія. Мы отвѣтственны за наши собственныя качества, и мы должны сознавать, что мы сами себѣ ихъ создали. Этотъ взглядъ на человѣческую судьбу дѣлаетъ человѣка хозяиномъ своей жизни. Мало-по-малу человѣкъ создаетъ благородный характеръ; постоянной заботой и самоотверженной любовью къ другимъ, онъ создаетъ сильный характеръ, благожелательный, жаждущій помочь другимъ и совершенствоваться. Онъ рождается въ слѣдующую жизнь съ характеромъ, образованнымъ имъ въ прежней жизни, и такимъ образомъ самъ выдѣлываетъ усовершенствованное орудіе, при помощи котораго онъ можетъпрогрессировать, пріобрѣтая новыя силы, новый ростъ и новыя блага для себя и для другихъ. Мы, теософы, смотримъ на жизнь, какъ на эволюцію вѣчно развивающуюся, причемъ, внутренняя жизнь формулируетъ наши тѣла, утончая ихъ и дѣлая ихъ съ каждой жизнью все лучшимъ и лучшимъ выразителемъ ея способностей и дарованій; тѣло реагируетъ на ея вліяніе и постепенно мѣняется, приспособляясь ко все высшимъ и высшимъ возможностямъ; такимъ образомъ изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе человѣческая раса совершенствуется, становясь все болѣе и болѣе достойной занять жилище за предѣлами той области, что она занимаетъ въ настоящее время.

Вы теперь поймете, почему, проповѣдуя подобную теорію жизни, мы такъ энергично возстаемъ противъ привычки пить: она совершенно подобна тому, какъ если бы мы, строя домъ, намѣренно брали плохой матеріалъ и вкладывали бы въ стѣны отравленныя вещества, вслѣдствіе чего стѣны излучали бы изъ себя отраву, а не здоровье. Тутъ мы касаемся ужъ другой стороны вопроса—воздѣйствія на внутренняго человѣка жилища, созданнаго имъ для себя.

Примете ли вы мой первый аргументъ: тѣло, созданное изъ атомовъ, отчеканенныхъ или пропитанныхъ нами, или будете вы смотрѣть на него, какъ на жилище настоящаго человѣка— внутренняго Я, вы одинаково поймете, почему теософъ всегда будетъ трезвенникомъ и почему онъ всѣмъ своимъ вліяніемъ борется противъ пьянства, составляющаго проклятіе человѣчества.

И вотъ почему, друзья, я рада говорить съ вами сегодня и можетъ быть прибавить новое оружіе къ арсеналу, которымъ вы привыкли бороться съ этимъ врагомъ человѣка. Я не прошу васъ

принять особенности выраженныхъ мною взглядовъ, не взвѣсивъ и не изучивъ ихъ. Я излагаю ихъ вамъ не какъ пропагандистъ, желающій во что бы то ни стало убѣдить васъ въ правильности своихъ мнѣній. Я только попробовала изложить передъ вами опредѣленную и ясную причину, почему общество, къ которому я принадлежу, возстаетъ противъ употребленія вообще всякаго алкоголя; если вы и не примете моихъ теорій во всей полнотѣ, все же нѣкоторые пункты ихъ могутъ быть вамъ полезными; во всякомъ случаѣ, вы теперь сами можете судить о нихъ, потому что я увѣрена, что вы, какъ и я, не составите себѣ опредѣленнаго мнѣнія только на основаніи часовой лекціи, а лишь послѣ долгаго и тщательнаго изученія. Я изложила передъ вами свое искренное и честное мнѣніе и не прошу васъ принять его, пока вы разумомъ не оцѣните его и не признаете его правоты. Я говорю съ вами, какъ человѣкъ къ человѣку, считая эти взгляды полезными, и не желаю навязывать ихъ, а лишь излагаю мои мысли относительно человѣческой природы, надѣясь дать вамъ новые аргументы въ оправданіе пропаганды, которую вы ведете по этому вопросу. Если мы съ вами не согласны въ нѣкоторыхъ пунктахъ, мы все же сходимся въ одномъ, а именно, что въ настоящее время мы всѣ являемся практически творцами, а быть пьянымъ творцомъ—возможность настолько ужасная, что если она будетъ ясно сознана, я убѣждена, что никто не рѣшится подвергнуть себя ей.

Письма къ читателямъ.

Январь 1910 г.

„Усовершенствуется ли человѣческая нравственность"? спрашиваетъ меня одинъ изъ моихъ читателей. Для теософа, это — странный вопросъ, для него весь процессъ жизни есть неустанное развитіе, переходъ изъ простого въ сложное, изъ несовершеннаго въ совершенное. Но вопросъ этотъ приходится слышать нерѣдко; его задаютъ самые чуткіе люди, съ отчаяньемъ смотрящіе на отрицательныя явленія усложняющейся человѣческой жизни. Но это отчаянье вызывается недостаточнымъ проникновеніемъ во внутреннюю суть эволюціоннаго процесса. Съ точки зрѣнія теософіи, все, что творилось въ далекомъ прошломъ и что совершается на нашихъ глазахъ, имѣетъ одинъ смыслъ и одно оправданіе: все ведетъ къ постепенному раскрытію сознанія, понимая сознаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ работу ума, сердца, совѣсти и воли человѣка. Средство для раскрытія сознанія на всѣхъ ступеняхъ жизни одно и то же: *неустанная дѣятельность* во всѣхъ сферахъ жизни, видимой и невидимой. И вся природа во всей своей совокупности, весь объективный міръ — *извнѣ,* а потребности физическаго и духовнаго человѣка — *изнутри*, толкаютъ его къ дѣятельности во имя этой единой, все заключающей въ себѣ цѣли. Дикаря понуждаетъ къ дѣятельности голодъ, холодъ и страхъ передъ болѣе сильнымъ человѣкомъ и звѣремъ, и на этой ступени — натискъ, смѣлость, безпощадность, являются высшими качествами. Позднѣе, когда свободный дикарь превращается въ раба, стимуломъ для его дѣятельности является подчиненіе болѣе сильному и болѣе развитому побѣдителю. Здѣсь добродѣтелью является покорность и безропотное послушаніе, а рабскій трудъ становится пружиной, имѣющей скрытую цѣль преодолѣть *инерцію*, которая чрезвычайно сильна на низшихъ

ступеняхъ развитія. На слѣдующей ступени начинается борьба классовъ, борьба за независимость, за уравненіе правъ съ бывшими побѣдителями, и здѣсь рабочій трудъ является пружиной, имѣющей скрытую цѣль развить *иниціативу, активную энергію*, а нравственность выражается въ зарождающемся чувствѣ человѣческаго достоинства. На высшей ступени сознанія, которая въ историческомъ процессѣ еще впереди, борьба замѣнится стремленіемъ къ единству, трудъ сдѣлается добровольнымъ даромъ для созданія общаго блага и поведетъ къ *гармоніи,* а нравственность выразится въ безкорыстной любви. Я намѣчаю здѣсь самые главные этапы развивающагося сознанія, но между этими этапами простирается лѣстница съ огромнымъ числомъ ступеней, и на каждой ступени — *свой* критерій нравственности, поднимающій человѣка все болѣе надъ животнымъ полюсомъ, все болѣе очищающійся отъ грубаго эгоизма.

Но прежде чѣмъ сознаніе большинства поднимется на высшую ступень и признаетъ безнравственнымъ то, что на предыдущей ступени было нормой поведенія, передовая волна человѣчества, всегда сильно опережающая остальныхъ, должна дать примѣръ, проложить новые пути, выработать высшія нормы поведенія. Когда эти высшія нормы переходятъ въ сознаніе большинства, начинается процессъ приспособленія, и такая переходная эпоха производитъ всегда впечатлѣніе кажущагося регресса. Это происходитъ отъ того, что установившееся равновѣсіе расшатывается, психологія человѣка усложняется, и пока она приспособляется къ болѣе высокимъ требованіямъ жизни, всѣ ея внѣшнія проявленія становятся болѣе хаотичными, сошедшими съ прежнихъ устоевъ, выбитыми изъ сложившихся нравственныхъ нормъ.

Для наблюдателя, не считающагося съ общимъ ходомъ эволюціи, съ тѣмъ скрытымъ смысломъ всего переживаемаго, которое связано съ прошлымъ и будущимъ въ одинъ цѣльный историческій процессъ, хотя и чрезвычайно сложный въ своихъ частяхъ, но внутренно спаянный единой общей цѣлью, — очень трудно оторваться отъ временныхъ явленій мучительнаго настоящаго. Принимая все совершающееся за окончательное проявленіе человѣческой природы, наблюдатель приходитъ къ невѣрному выводу, что человѣческая нравственность не подвинулась, а скорѣй пошла назадъ. То же самое явленіе наблюдается и въ низшихъ царствахъ природы на всѣхъ переходныхъ ступеняхъ: происходитъ видимый регрессъ, напр., при переходѣ изъ расти-

тельнаго царства въ царство животное, когда появляются организмы, съ внѣшней стороны менѣе совершенные, всѣ внутреннія силы которыхъ направлены на приспособленіе къ новымъ функціямъ жизни. То же происходило и въ человѣческомъ мірѣ при переходѣ отъ патріархальнаго къ правовому строю, отъ памятнаго еще многимъ крѣпостного права къ свободному быту. Искренніе защитники отжившихъ формъ жизни ссылаются на ихъ прочность, порядокъ, уравновѣшенность, въ противоположность расшатанности и хаотичности настоящаго времени; съ своей точки зрѣнія они правы, но они не видятъ связи явленій и грѣшатъ тѣмъ, что направляютъ свое вниманіе только на прошлое и совсѣмъ теряютъ изъ вида будущее. Да и въ прошломъ ихъ привлекаетъ лишь общій характеръ безопасности и устойчивости, а не тѣ живыя слагаемыя, изъ которыхъ постепенно возникла эта устойчивость. Мнѣ вспоминается сейчасъ поразительный примѣръ, приводимый Викторомъ Гюго изъ эпохи вандейскихъ войнъ, какъ крестьянинъ отецъ доползъ на колѣняхъ до дома своего синьора, чтобы вымолить у него прощеніе за дерзость сына, замученнаго этимъ самымъ синьоромъ. Съ точки зрѣнія феодала и его представленій о нравственности, старикъ былъ достоинъ одобренія, но даже небольшой исторической перспективы достаточно, чтобы ярко освѣтилась вся безчеловѣчность такихъ представленій о нравственности.

Каждый разъ, когда старая ступень сознанія изживается очередь наступаетъ для новой, много времени требуется для борьбы съ ранѣе пріобрѣтенными свойствами, для приспособленія къ новымъ требованіямъ жизни, для постепенной перестройки всѣхъ прежнихъ понятій, чувствъ и внутреннихъ навыковъ. На нашихъ глазахъ въ русскомъ народѣ происходитъ такое приспособленіе: вмѣсто крѣпкаго тѣломъ и духомъ помѣщика недавней крѣпостной эпохи, мы видимъ нервныхъ, мятущихся, глубоко неудовлетворенныхъ представителей современной интеллигенціи; вмѣсто преданныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, терпѣливо несшихъ свою трудную долю, появилось совсѣмъ иное поколѣніе, недовольное, строптивое, расшатанное во всѣхъ своихъ внутреннихъ устояхъ, но съ болѣе сложной психикой и съ бо́льшей впечатлительностью. По внутреннему смыслу всего совершившагося на нашихъ глазахъ, жизнь сильно двинулась впередъ, но пока будетъ продолжаться приспособленіе къ ея усложнившимся задачамъ и къ поднявшимся нравственнымъ требованіямъ, мы неизбѣжно будемъ переживать распаденіе прежнихъ устоевъ, которые—худо ли, хорошо-ли — помогали народной жизни удерживаться въ извѣст-

номъ равновѣсіи. Такой періодъ приспособленія сопровождается всегда тяжелыми явленіями и носитъ на себѣ всѣ признаки паденія нравовъ; мало того, онъ можетъ растянуться на чрезвычайно долгій срокъ, если господствующіе классы не только не помогаютъ поступательному движенію жизни, но и тормозятъ его искусственными преградами.

И все же, не смотря на всѣ тяжелыя видимости, внутреннее творчество народнаго сознанія продолжаетъ свою невидимую работу и готовитъ будущее съ болѣе справедливыми и болѣе совершенными нормами общественнаго строя.

Здѣсь мы подходимъ къ явленію чрезвычайной важности: европейская матеріалистическая наука считается только съ внѣшними воздѣйствіями на человѣка; теософія, или наука духа, имѣетъ дѣло съ его внутреннимъ творчествомъ, съ постепеннымъ раскрытіемъ высшихъ свойствъ человѣческой души; и здѣсь мы сталкиваемся уже не съ экономическими и соціальными факторами, а съ проблемами духа, съ усовершенствованіемъ всей психики человѣческой, съ раскрытіемъ въ ней новыхъ началъ, съ поднятіемъ мысли, чувства, совѣсти и воли человѣка на высшую ступень сознанія.

Въ совершающемся историческомъ процессѣ различныя ступени сознанія не раздѣляются рѣзкими гранями, онѣ сливаются въ многоцвѣтной ткани жизни, изъ которой состоитъ текущая дѣйствительность: рядомъ съ людьми, уже успѣвшими подняться на высшую ступень, дѣйствуютъ и сильно отставшіе, и догоняющіе, и тормозящіе—сознательно или безсознательно—движеніе впередъ. Принимающимъ участіе въ этомъ пестромъ жизненномъ творчествѣ трудно разобраться въ истинномъ направленіи всѣхъ его перепутанныхъ нитей. Чтобы вѣрно судить о его внутреннемъ направленіи, нужно подняться *надъ* временнымъ явленіемъ борющихся классовъ, отвлечься отъ партійныхъ симпатій и антипатій и постараться уловить *положительныя* стороны всего совершающагося на нашихъ глазахъ. Ибо наблюдатель никогда не сдѣлаетъ вѣрнаго вывода, если будетъ смотрѣть лишь на одни отрицательныя явленія, на одно зло, которое всегда ярче бьетъ въ глаза, на одни острые углы, которые всегда выступаютъ яснѣе наружу. И никогда не пойметъ онъ *всего* процесса жизни во всей его полнотѣ, если вниманіе его будетъ устремлено на одну лишь поверхность, гдѣ въ бурныя переходныя эпохи скопляется столько грязной пѣны и выплываетъ такъ много всякихъ отбросовъ. Чтобы не ошибиться въ выводахъ, нужно проникнуть въ то, что создается

въ глубинѣ, что еще не вылилось наружу и не мечется въ глаза, какъ выброшенные на поверхность отбросы.

Если направить вниманіе на внутреннюю суть совершающагося, мы увидимъ, что въ то время, какъ на поверхности, закристализовавшейся въ отживающихъ формахъ общественнаго быта, идетъ борьба классовъ, эгоистическая и безпощадная, въ глубинѣ общественной совѣсти зарождаются новыя представленія, складывается новая потребность болѣе справедливаго строя, зажигаются новые идеалы. Несомнѣнно, что наши нервы истерзаны той тучей вражды, которая закрываетъ отъ насъ на время солнце Истины, и эти тучи дѣлаютъ иллюзію, что міръ погибаетъ. Но это не такъ.

Возьмемъ любое современное явленіе изъ самыхъ несимпатичныхъ, хотя бы тягу крестьянскаго молодого поколѣнія изъ деревенскаго приволья въ душные фабричные города, неразборчивую жадность этого поколѣнія къ внѣшнимъ развлеченіямъ. Но развѣ эта тяга и эта жадность исходятъ изъ однихъ дурныхъ источниковъ? Деревня застыла въ своемъ патріархальномъ строѣ, она не поспѣваетъ за движущимся потокомъ жизни, она не удовлетворяетъ растущую любознательность, не даетъ пищи для усложнившейся души народа, вотъ почему изъ нея бѣгутъ. Но это—явленіе временное. Сейчасъ городъ даетъ гораздо болѣе впечатлѣній, но большая часть этихъ впечатлѣній безконечно ниже тѣхъ, что даетъ здоровая жизнь среди природы, и когда деревня перенесетъ къ себѣ то цѣнное, чѣмъ обладаетъ культурный городъ: хорошую книгу, образованныхъ учителей, удобныя жилища, хорошую музыку, и т. д., тогда лучшій элементъ изъ народа снова потянется въ деревню, разочарованный въ отрицательныхъ сторонахъ тѣсной городской жизни. Или возьмемъ явленіе декаденства. Можно согласиться, что декаденты внесли въ литературу и искусство элементъ вычурности, что рѣчь ихъ вымученная и образы ихъ лишены ясности, но рядомъ съ этимъ нельзя не видѣть, что ихъ психологія несравненно сложнѣе, чѣмъ у средняго человѣка нашего времени, и что всѣ чувства ихъ сильно утончились и готовятся къ воспріятію болѣе тонкихъ, пока еще мало для кого доступныхъ впечатлѣній. Или обратимся къ современнымъ дѣтямъ. Они въ общемъ труднѣе и своевольнѣе дѣтей прежнихъ поколѣній, но они представляютъ изъ себя болѣе воспріимчивый матеріалъ, на которомъ легче запечатлѣваются высшія понятія растущаго нравственнаго сознанія.

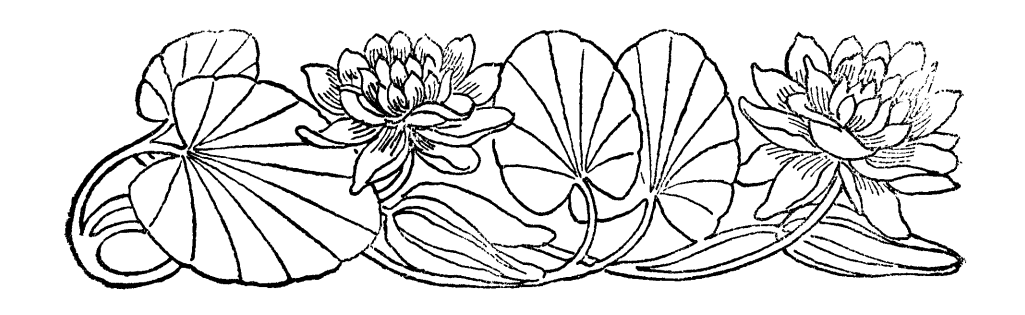
Не далѣе какъ на дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ одной изъ знакомыхъ мнѣ матерей, которая удивлялась, на-

сколько душевное настроеніе ея дѣтей разнится отъ ея собственныхъ дѣтскихъ переживаній. Она жаловалась, что съ трудомъ можетъ найти книги, которыя бы удовлетворяли ея дѣтей; ея маленькая семилѣтняя дочка такъ огорчалась при чтеніи священной исторіи, находя въ ней многое жестокимъ и несправедливымъ, а разсказы изъ русской исторіи такъ возмущали ее своей грубостью, что пришлось отложить обѣ книги въ сторону. А когда мать взяла басни Крылова, надѣясь, что хоть онѣ то окажутся по вкусу ея дѣвочкѣ, и стала читать „Стрекоза и Муравей", которую особенно любила въ дѣтствѣ, дочка ея и тутъ проявила свою собственную тонкую критику. Она нашла, что „муравей гораздо хуже стрекозы, потому что—жадный, думаетъ только о себѣ, а стрекоза гораздо лучше, потому что пѣла не для одной себя, а для всѣхъ". „Лучше бы она обратилась къ пчелкѣ", прибавила дѣвочка, „та бы ей не отказала, потому что она собираетъ медъ тоже для всѣхъ, а не для себя одной".

Въ будущемъ письмѣ мы остановимся на самомъ процессѣ внутренняго развитія, и я постараюсь, чтобы въ моихъ „письмахъ къ читателямъ" не было перерывовъ, какъ въ прошломъ году. Если кто-либо вздумаетъ поставить вопросы на затронутую тему, эти вопросы будутъ передаваться мнѣ Редакціей и дадутъ мнѣ возможность вступить въ болѣе живое общеніе съ моими читателями.

Другъ читателя.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

* *
*

To see the Sign
And hear the Call...
Сѣется въ уничиженіи, возстаетъ во славѣ.

На зарѣ человѣчества юный Египетъ создалъ Колоссы Мемнона, ожидавшіе среди царственнаго молчанія пустыни у Нила... знакъ „Знаменія“—перваго луча новаго Дня, чтобы чуднымъ звукомъ пробудить жизнь... И выскальзывавшіе, первые лучи Озириса Аннефера (бога съ заячьими ушами) и алый дискъ его—Hiranyagarba Индіи—„Яйцо Міра“—охватывавшій розовымъ пламенемъ вѣчности застывшую въ Ночи Землю, слились подъ символами яйца и зайца съ символомъ Возрожденія, со днемъ Пасхи *)... Нѣмой зародышъ жизни и слабѣйшая изъ тварей—символъ величайшаго торжества въ мірѣ, творчества побѣды надъ смертью...

---

*) „Озирисъ-Аннеферъ — заячій богъ“. Озирисъ, наравнѣ съ Ра и Горусомъ былъ солнечнымъ божествомъ. Заяцъ былъ однимъ изъ его символовъ потому, что его длинныя торчащія уши напоминали два первыхъ, расходящихся луча, видимыхъ при восходѣ солнца. Яйцо же было у индусовъ символомъ „Хираньягарба“, мірового яйца, которое есть ни что иное, какъ аура солнечнаго Логоса, символизируемаго пылающимъ дискомъ, вышедшаго надъ горизонтомъ солнца. Такимъ образомъ, изображенія яйца и зайца, въ наше время такъ часто красующіяся рядомъ на пасхальныхъ поздравительныхъ открыткахъ, указываютъ тому, кто знакомъ со всемірнымъ языкомъ символовъ, на тѣсную связь христіанскихъ обрядовъ съ эзотеризмомъ древнихъ религій Египта и Индіи. Символы утренней зари восшедшаго надъ горизонтомъ солнца напоминаютъ о возрожденіи весной жизни всей природы и о духовномъ воскресеніи возрожденнаго человѣка, равно какъ и о грядущей окончательной побѣдѣ жизни надъ смертью, которая будетъ одержана, когда всѣ люди станутъ „сынами свѣта“, вступивъ на путь Христовъ.

Прим. Ред.

Нынѣ міръ ждетъ, что на безграничныхъ, какъ пустыня, поляхъ Россіи, у тихихъ ея рѣкъ, гдѣ цвѣтутъ и лотосы Нила, и бѣлые цвѣты снѣга, что среди униженной славянской расы явится „Знакъ", и для человѣчества взойдетъ новый День, въ странѣ, гдѣ Пасха, величайшій изъ дней.

Право ли это упованіе?

Вотъ двѣ души, двѣ русскія жизни: ребенка и старенькой женщины... незамѣтныхъ, какъ корни, въ русской землѣ, корни огнецвѣта.

Двѣ жизни.

I. Памяти Вѣрочки Ф**.

На юномъ челѣ полюбуйтесь лучомъ
Недоступнаго, вѣчнаго рая...
(Голенищевъ-Кутузовъ).

Отъ золотыхъ крестовъ Лавры ложатся тѣни заката—у окна, далеко за лугомъ, сидитъ дѣвочка съ длинными золотыми волосами, съ голубымъ-голубымъ яснымъ взглядомъ на худомъ, восковомъ личикѣ... За ея высокимъ стуломъ стоитъ деньщикъ и печально посматриваетъ на стѣны монастыря, осіянныя вечерней зарей.

„Петръ", говоритъ дѣвочка, „я бы рада была ослѣпнуть, чтобы вотъ тамъ, на лугу, тотъ бѣдный мальчикъ съ поводыремъ увидѣлъ Божій міръ. Ты бы развѣ не хотѣлъ?" И перебивая его безсвязное, взволнованное бормотаніе: „Хотѣлось бы, какъ великомученица Варвара, все терпѣть, терпѣть за всѣхъ. Чтобы горе отъ всѣхъ на меня шло".

И горе пришло, охватило долгими муками тѣло и мозгъ герояребенка... Была ли та страда часть бремени Міра?.. Про то знаютъ лишь глубь голубыхъ небесъ, да золотые лучи зари...

II. Памяти Екатерины Федоровны М**.

И тихъ, и міру чуждъ, и зналъ
Лишь Бога, да Его святыню...

Дѣтство въ старомъ „дворянскомъ гнѣздѣ" во времена крѣпостного права—старинные покои, гостинная за колоннами съ дѣдовскими портретами Vernet. Старый домъ, покрытый „вѣчной памятью двѣнадцатаго года", гдѣ по осеннимъ сырымъ днямъ такъ хорошо мечталось въ широкихъ аллеяхъ, у полей, о дняхъ „великаго похода", о далекихъ идеалахъ недавно минувшихъ лѣтъ... Странное, но робкое

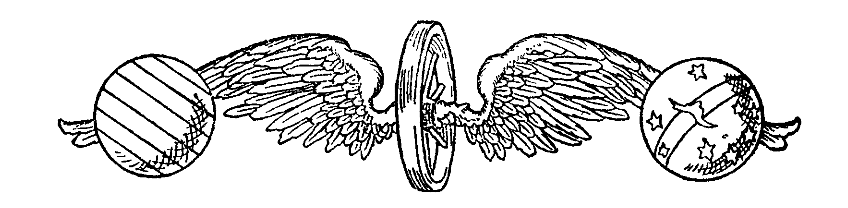
желаніе дѣвичьей души помочь защитить и спасти темный міръ рабовъ. Первая эпидемія холеры, долгія недѣли самоотверженія безвѣстнаго, глубокаго... уходъ за тяжко больными въ дымныхъ, грязныхъ избахъ—наконецъ, за заболѣвшими на работѣ, раздѣляемый съ дочерьми, отцомъ и матерью... радость ихъ спасенія.

Робкія мечты, какъ Миньона, уйти „по міру“ съ старикомъ музыкантомъ, нищимъ и водимымъ внукомъ-дитятей, дивной красоты...

Среди этой глубоко-простой, смиренной, почти монастырской жизни,—любовь, тихая, но свѣтлая, единственная... И долгіе годы брака безъ дѣтей, цѣпь тихихъ радостей и безчисленныхъ заботъ, гдѣ свое горе тонуло въ безднѣ повѣряемой скорби, въ ежечасной борьбѣ за каждую жизнь, прикасавшуюся къ ея неистощимому состраданію...

Наконецъ, пріемное материнство — и еще глубже, еще небеснѣе засіялъ пламень вѣчной любви, какъ Востока Звѣзда... Жизнь безъ „Идей“, но жизнь, готовая на ежечасную жертву за тѣхъ, кого она любила и за ихъ идею — по прозрѣнію любви — а вокругъ нея, какъ вѣтви изъ ствола, прямого и сильнаго истинной силой жизни,—росли и расцвѣтали молодыя поколѣнія... Около нея глубже становится талантъ, благороднѣе сердце, выше стремленіе, теплѣе жизнь, краше земля и небо... Уже угасла ея память и мысль, уже, казалось, слабѣла любовь подъ гнетомъ старости и болѣзни... Но когда ея вдругъ не стало—для всѣхъ въ туманѣ исчезъ маякъ...

Н. Гернетъ.

Попытка единенія (Общество Исистовъ).

Въ хороводы, въ хороводы,
О, соборуйтесь, народы!
С. Городецкій.

Среди различныхъ попытокъ содѣйствовать единенію людей между собой, слѣдуетъ отмѣтить возникшее въ 1895 году во Франціи общество „Société d'études et de correspondance internationales", правленіе котораго помѣщается въ гор. Парижѣ: Paris, 15, rue des Grands Augustins.

Въ общежитіи это общество, имѣющее цѣлью установить постоянный, взаимный обмѣнъ письмами между всѣми членами общества, называется кратко: „Le Correspondant International"; шифръ его (C. I.) для удобства произношенія переставляется (I. C.), откуда и все общество получило названіе „Общество Исистовъ", а каждый членъ его по просту называется „исистомъ". Въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ имѣется около 4000 исистовъ, которые связаны между собой готовностью въ любой моментъ оказать каждому исисту любую услугу дружескаго свойства. Нѣтъ города на земномъ шарѣ, гдѣ бы не было „исиста" и, такимъ образомъ, каждый членъ этой симпатичной организаціи является связаннымъ со всѣмъ земнымъ шаромъ и можетъ болѣе сильно и опытно чувствовать и сознавать свое единство съ человѣчествомъ.

Каждый вступающій въ это общество приглашается удовлетворить двумъ требованіямъ: 1) заполнить ad libitum вручаемый ему вопросный листокъ, и 2) внести свой вступительный членскій взносъ въ размѣрѣ 5 франковъ. Годовой членскій взносъ установленъ въ размѣрѣ 5 франковъ, причемъ за эту сумму каждый членъ получаетъ спеціальный журналъ „Concordia", издаваемый одновременно на нѣсколькихъ языкахъ: есть статьи, написанныя по французски, по нѣмецки, по англійски, по польски, на

языкѣ эсперантистовъ и т. д., въ зависимости отъ національности или желанія авторовъ статей.

Общество преслѣдуетъ цѣль способствовать, путемъ установленія обмѣна письмами, общенію тѣхъ, кто, имѣя тѣ же вкусы, влеченія и стремленія, могутъ быть полезны другъ другу.

Немедленно по вступленіи въ общество, каждый членъ его получаетъ подробный списокъ всѣхъ членовъ общества, съ подраздѣленіемъ по спеціальностямъ и по мѣстожительству, причемъ противъ каждой фамиліи даны указанія, кто въ чемъ свѣдущъ, кто въ чемъ хотѣлъ бы усовершенствоваться, и на какомъ языкѣ можетъ вести корреспонденцію.

Каждый членъ имѣетъ право вступать въ переписку съ любымъ изъ „исистовъ“, имѣетъ право голоса въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ общества, безплатно получаетъ журналъ „Concordia“ и пользуется всѣми преимуществами, присвоенными членамъ общества (какъ то скидка въ отеляхъ, при подпискѣ на журналы и т. д.).

Со своей стороны, каждый членъ принимаетъ на себя два обязательства моральнаго свойства: 1) отвѣчать возможно скорѣе на каждое обращенное къ нему письмо другого члена общества, и 2) содѣйствовать, насколько возможно, дальнѣйшему распространенію идеи общества путемъ привлеченія въ его составъ новыхъ членовъ.

Письма подписываются номеромъ своего билета, подъ которымъ исистъ былъ принятъ (вступилъ) въ общество. Никакихъ рекомендацій со стороны другихъ членовъ не требуется, но обыкновенно каждый вступающій указываетъ, черезъ какого „исиста“ онъ узналъ о существованіи общества и кѣмъ онъ привлеченъ въ его составъ.

Въ настоящее время всѣ члены разбились на 11 отдѣловъ или группъ: I. *Свѣтскія развлеченія и путешествія.* Содѣйствіе путешественникамъ при пріѣздѣ въ неизвѣстные имъ города. II. *Новые языки.* Содѣйствіе къ изученію новыхъ языковъ. III. *Литература и искусство.* Содѣйствіе къ распространенію всѣхъ образцовъ человѣческаго творчества. IV. *Коллекціонеры.* Обмѣнъ свѣдѣніями о книгахъ, монетахъ, гравюрахъ и т. п. V. *Школьный отдѣлъ,* для общенія дѣтей и учащейся молодежи между собой для развитія ихъ интеллекта и сознанія единства всего человѣчества. Вступительный и членскій взносы дѣти платятъ въ половинномъ размѣрѣ. VI. *Научный отдѣлъ.* Полученіе свѣдѣній о новыхъ работахъ и открытіяхъ въ предѣлахъ интересующихъ

каждаго отраслей знанія. VII. *Торговля и промышленность.* Облегченіе сношеній между людьми, чтобы лучше узнать и уважать другъ друга и, черезъ это, способствовать сближенію народовъ. VIII. *Воспитаніе и образованіе.* Обмѣнъ мнѣній по вопросамъ воспитанія и образованія какъ дѣтей, такъ и юношества. IX. *Юридическій отдѣлъ.* Справки по всѣмъ вопросамъ права, изысканіе способовъ къ устраненію конфликтовъ между законодательствами различныхъ государствъ и т. д. X. *Шахматный отдѣлъ* и XI. *Наука о душѣ.* Изученіе спиритуализма, спиритизма, оккультизма, мистицизма, теософіи, мартинизма, эзотерическихъ религіозныхъ традицій и т. п. родственныхъ теченій.

Какъ видно изъ этого перечня, общество обнимаетъ собою всѣ стороны жизни и въ любой моментъ можетъ открыть у себя новые отдѣлы по желанію своихъ сочленовъ, рѣшившихъ объединиться около какой-нибудь новой мысли или рода дѣятельности.

Движеніе это интересно тѣмъ, что въ немъ проведено нѣсколько идей теософическаго характера, безсознательно воспринятыхъ современнымъ человѣчествомъ: это идея всеобщаго братства, взаимопомощи и активнаго служенія всѣхъ членовъ великой человѣческой семьи.

I. С. 1187.

Вопросный листъ для желающаго вступить въ общество I. С.

1. Ваше имя, отчество, фамилія и мѣстожительство.
2. Ваше занятіе или должность.
3. По какимъ вопросамъ желали бы вы получать свѣдѣнія и справки чрезъ посредство общества I. С.?
4. Коллекціонеръ ли вы? Что вы собираете?
5. Стенографистъ ли вы? По какой методѣ?
6. На какихъ языкахъ вы можете читать?
7. На какихъ языкахъ могли бы вы вести корреспонденцію?
8. Знаете ли вы Эсперанто, Волапюкъ?
9. Въ знаніи какого языка хотѣли бы вы усовершенствоваться?
10. Какой изъ вопросовъ, изъ числа указанныхъ подъ №№ 3, 4, или 9, наилучшимъ образомъ отвѣчаетъ Вашему намѣренію вступить въ общество I. С.

Число: Подпись:

Невидимыя силы природы. С. М. Savarit. L'avenir des forces invisibles.—La Revue, le 15 octobre 1909.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парижской академіи наукъ, французскій ученый Дарже, изобрѣтатель лучей V, представилъ фотографическіе снимки печатныхъ словъ, полученные путемъ прикладыванья ко лбу, подъ тройной обложкой, чувствительныхъ пластинокъ и листковъ съ напечатанными на нихъ словами. Лучи V, т. е. издаваемыя мозгомъ излученія, проникли сквозь обложку, какъ и рентгеновскіе лучи. И что не менѣе любопытно,—на нѣкоторыхъ пластинкахъ получились негативы, а на другихъ—позитивы.

Дарже работаетъ надъ своимъ открытіемъ съ 1894 года. Онъ нашелъ, что фотографическія пластинки сквозь двойную или тройную обложку изъ красной или черной бумаги оказываются чувствительными къ прикосновенію пальцевъ или извѣстныхъ частей тѣла. Эти опыты, много разъ повторенные какъ изобрѣтателемъ, такъ и многими другими лицами, даютъ ясные отпечатки, по которымъ легко можетъ быть доказана наличность двоякаго излученія противоположнаго рода. Дарже далъ этимъ излученіямъ названіе лучей V (эманаціи живыхъ существъ—d'êtres vivants).

Лучи V, какъ видно по фотографіямъ, проникаютъ сквозь металлы и большинство жидкихъ или твердыхъ тѣлъ. Вода, дерево, слоновая кость и т. п. хорошо ихъ проводятъ, какъ доказано замѣчательными опытами физика Thore. Тотъ же ученый доказалъ, что они нечувствительны къ дѣйствію жары, свѣта, и въ особенности, магнетизма. По своимъ основнымъ свойствамъ они, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ лучамъ „gamma" радія и первичнымъ рентгеновскимъ лучамъ.

Но лучи эти, быть можетъ, очень сложные, обладаютъ еще особыми качествами. Они, съ особенной силой сказывающіеся у медіумовъ, производятся, однако, у всѣхъ людей и, быть можетъ, вообще у всѣхъ

живыхъ существъ, какъ показываютъ стенометры физика Thore и другихъ ученыхъ.

Подъ вліяніемъ лучей V эти аппараты приходятъ въ болѣе или менѣе сильное движеніе, смотря по качествамъ даннаго субъекта.

Авторъ статьи высказываетъ предположеніе, что дѣйствію лучей V слѣдуетъ приписать всѣ явленія гипноза, телепатіи, телевизіи, равно какъ и различные „инстинкты" животныхъ. Феномены, производимые лучами V, несравненно явственнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у радіактивныхъ тѣлъ. Фотографіи г. Дарже такъ же отчетливы, какъ обыкновенныя фотографіи. Аппаратъ Тора безъ всякихъ колебаній вертится слѣва направо подъ вліяніемъ лѣвой руки и, наоборотъ, подъ вліяніемъ правой. Движется онъ со скоростью 10,15 или 20 оборотовъ въ минуту, и при нѣкоторыхъ опытахъ долѣе четверти часа.

Тщательными изслѣдованіями занимавшихся этимъ вопросомъ ученыхъ, между прочимъ и Крукса, установлено, что эти явленія не могутъ быть приписываемы ни свѣту, ни жару, ни электричеству, ни магнетизму, ни какой-либо уже извѣстной энергіи.

Продолженіе работъ надъ лучами V, такимъ образомъ, представляетъ огромнѣйшій научный интересъ.

(„Россія", 18 ноября 1909 г., № 1226).

Психо-физіологическіе феномены. La Revue: Les phénomènes physiologiques.—Le 15 novembre 1909.

Психо-физіологическіе процессы, говоритъ французскій журналъ, пока еще являются мало извѣданной областью. Еще не удалось опредѣлить, что собственно происходитъ въ психо-моторныхъ центрахъ, какъ головной мозгъ, при движеніи мускуловъ, продиктованномъ волей. Шестой международный конгрессъ физіологовъ, состоявшійся въ нынѣшнемъ году въ Женевѣ, внимательно обсуждалъ этотъ вопросъ, при чемъ съ большимъ интересомъ были приняты сообщенія шведскаго профессора Альруца, извѣстнаго своими учеными трудами. Этотъ выдающійся ученый задался цѣлью опредѣлить нервную энергію, и, главнымъ образомъ, тѣ формы этой энергіи, которыя находятся въ связи съ психологическими феноменами, а также отношенія между ними и феноменами электрическими или химическими. Въ извѣстныхъ организмахъ, по словамъ Альруца, энергія выражается съ поразительной интенсивностью, Такими организмами, между прочимъ, обладаютъ всѣ медіумы. Ихъ нервная система крайне дѣятельна. О нихъ можно сказать, что они получаютъ свою энергію, какъ электрическій проводъ, теряющій энергію, когда напряженіе превышаетъ извѣстную мѣру. При этихъ условіяхъ можно предполагать, что извѣстные психическіе фак-

торы обладаютъ способностью влiять на внѣшнiй предметъ, заряженный соотвѣтственной энергiей. Если это такъ, то возможно, что это влiянiе выражается въ перемѣщенiи даннаго предмета. Такова теорiя профессора Альруца. Не ограничиваясь теоретическими выводами, шведскiй ученый пожелалъ провѣрить ихъ на практикѣ. Для этой цѣли онъ создалъ любопытный аппаратъ, описываемый имъ слѣдующимъ образомъ: „Деревянная доска, длиной въ 85 сантиметровъ, а шириной 28 сантиметровъ, при толщинѣ 6 милиметровъ, посредствомъ желобка, устроеннаго на одной трети ея длины, поставлена на острiе деревянной перекладины. Къ длинному концу доски привязана нитка, которой она прикрѣплена къ вѣсамъ такимъ образомъ, что находится въ почти горизонтальномъ положенiи. Кладя руки на короткiй конецъ доски такъ, чтобы онѣ оставались по сю сторону точки опоры, движенiями мускуловъ, произвольными или непроизвольными, невозможно достичь ничего, кромѣ опусканiя конца. Теперь надо попробовать достичь слѣдующаго: одинъ или два субъекта держатъ свои руки на короткомъ концѣ доски, съ цѣлью зарядить ее мускульной энергiей (énergie musculaire de fluide). Затѣмъ они должны „хотѣть", чтобы длинный конецъ опустился ниже своего нормальнаго положенiя. Это казалось бы невозможнымъ, ибо давленiе на другой конецъ заставляетъ *подняться* длинный конецъ. Перомъ, прикрѣпленнымъ къ вѣсамъ, на зачерненномъ цилиндрѣ отмѣчаются движенiя доски; одновременно на циферблатѣ вѣсовъ видно давленiе, соотвѣтствующее покойному состоянiю, съ указанiемъ вѣса, являющагося результатомъ болѣе значительной длины этого конца доски. Докторъ Альруцъ сдѣлалъ съ своимъ контрольнымъ аппаратомъ многочисленные эксперименты, съ цѣлью изученiя физiологическихъ феноменовъ, производимыхъ различными субъектами. Такъ, въ 1905 году, онъ достигъ продолжительнаго опусканiя длиннаго конца при экспериментахъ, сдѣланныхъ съ шведскимъ медiумомъ. Замѣчательно при этомъ, что въ то время, когда медiумъ напрягала свою волю, чтобы заставить опуститься конецъ доски, на который она устремляла свой взглядъ, она испытывала такую усталость, что засыпала глубокимъ сномъ, отъ котораго ее только съ трудомъ удавалось разбудить. Если, напротивъ, она отводила глаза отъ доски, никакiя движенiя не производились, даже когда она думала о длинномъ концѣ доски. Всѣ субъекты, надъ которыми профессоръ Альруцъ производилъ свои эксперименты, обнаруживали гораздо болѣе сильную усталость, чѣмъ при обыкновенныхъ психометрическихъ дѣйствiяхъ. Это, по его мнѣнiю, есть доказательство существованiя физической силы, дѣйствующей сверху внизъ на длинный конецъ доски. Доска ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть поднимаема давленiемъ

снизу, такъ какъ обманъ сразу былъ бы виденъ. Фактъ, по словамъ профессора Альруца, хотя пока еще и необъяснимый, является абсолютно неоспоримымъ и ждетъ объясненія, если не медіумизмомъ, то какими-нибудь физическими законами.

Е. М.

„Россія", 19 ноября 1909 г., № 1227

D-r Gustave Le Bon.—Возникновеніе и исчезновеніе матеріи. Пер. съ франц. Александръ Чайкель, съ пред. и подъ ред. проф. П. Конняева. Изд. А. С. Суворина, Харьковъ, 1909 г., ц. 40 к.

Наука, развиваясь, стремится свести совокупность отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ принципамъ, создающимъ гармонію вселенной. Наука будущаго, безъ сомнѣнія, выработаетъ, наконецъ, единое и цѣльное міровоззрѣніе, въ основу котораго будетъ положено ограниченное количество такихъ общихъ законовъ, какъ напримѣръ, законъ эволюціи, объединяющій рѣшительно всѣ явленія. Только міровоззрѣніе будущаго дастъ картину дѣйствительной гармоніи, геніальной мудрости общаго плана развитія духовной и физической природы. D-r G. Le Bon сдѣлалъ одинъ шагъ впередъ по трудному пути изслѣдованія мірозданія, создавъ и доказавъ вѣроятную правильность гипотезы о единствѣ матеріи и энергіи. Со временъ античнаго міра, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, въ наукѣ держалось предположеніе, что матерія состоитъ изъ мельчайшихъ недѣлимыхъ частицъ—атомовъ. Изслѣдованія современной физики привели къ созданію новой гипотезы: недѣлимость атома отвергнута; опыты создали предположеніе, что матеріальный атомъ созданъ стихійнымъ вихревымъ движеніемъ эфира. Видимая твердость матеріи зависитъ исключительно отъ скорости вихревого движенія и, прекратись оно хоть на одно мгновеніе, матерія превратилась бы въ эфиръ, испарилась, сдѣлалась невидимой. Если съ высоты 500 метровъ пустить по трубѣ съ діаметромъ въ 2 сантиметра струю воды подъ сильнымъ напоромъ, то сильный ударъ сабли будетъ недостаточенъ, чтобы разбить или отклонить струю: металлъ отскочитъ отъ воды, какъ отъ камня. Вообразите еще большую быстроту движенія, направленнаго не сверху внизъ, а кругооборотомъ, и вы получите представленіе о превращеніи эфира въ матерію. Равномѣрная быстрота вихревого движенія создаетъ крѣпость матеріи, постепенное ослабленіе его заставляетъ матерію старѣть и распадаться. Различныя измѣненія, которыя переживаетъ матерія, зависятъ исключительно отъ равновѣсія между заключенной въ ней энергіей (вихревое движеніе эфира) и внѣшними условіями: температура, давленіе и т. п. Малѣйшее измѣненіе этихъ условій сказывается на матеріи, и если матеріальный міръ, который насъ окружаетъ, сохраняетъ видимое однообразіе, то только

потому, что его среда измѣняется въ ограниченныхъ предѣлахъ, а наши органы недостаточно совершенны, чтобы улавливать всѣ измѣненія. Измѣненія среды, дѣйствуя на матерію, измѣняютъ первоначальное вихревое движеніе эфира, который выдѣляется изъ образованной имъ матеріи незначительными колебаніями. Но колебанія эфира, какъ это уже давно доказано опытами, производятъ то явленіе, которое мы называемъ свѣтомъ, и если бы человѣческій глазъ обладалъ болѣе тонкой организаціей, мы видѣли бы всѣ одушевленныя и неодушевленныя матеріальныя существа испускающими лучи, которые создаютъ вокругъ нихъ какъ бы ореолъ. Мы наблюдаемъ въ природѣ только незначительную часть существующихъ формъ, непрестанно измѣняющихся и представляющихъ собой, въ сущности, туманность съ быстро мѣняющимися контурами.

Итакъ, матеріальные атомы дематеріализируются, т. е. матерія превращается въ эфиръ. Такъ какъ матерія обязана своимъ существованіемъ скорости, и такъ какъ вещество, оживленное скоростью, есть также энергія, то *матерія представляетъ собой лишь особую форму энергіи*, а не нѣчто самостоятельное, чему можно было бы противопоставить энергію, какъ это полагали до сихъ поръ. Такимъ образомъ, вселенная есть продуктъ измѣненій одного и того же первичнаго эфира, переходящаго изъ одной формы въ другую, никогда не умирающаго, и никогда не возрождающагося. Уступая вліяніямъ среды, имъ же созданной, дематеріализируясь въ данномъ предметѣ, онъ превращается неизмѣнно въ свою первичную сущность; слѣдовательно продуктъ распаденія всевозможныхъ формъ матеріи будетъ всегда одинъ и тотъ же, и потому совершенно все равно на какомъ отдѣльномъ элементѣ наука будетъ изучать процессъ дематеріализаціи.

Для того, чтобы существовала матерія, необходима необычайная скорость вихревого движенія, которая можетъ быть создана лишь огромной силой. Эта сила, заключенная въ самой матеріи, незамѣтно излучается изъ нея въ очень продолжительный промежутокъ времени, но если бы мы могли произвольно сокращать процессъ дематеріализаціи, то мы обладали бы неисчислимыми источниками энергіи. Энергія, заключающаяся въ одномъ мѣдномъ сантимѣ, если ее перевести на обычную оцѣнку энергіи, добываемой паровыми машинами, стоила бы 68 тысячъ франковъ! Le Bon, открывшій эту скрытую отъ насъ энергію, далъ ей названіе *внутри-атомной*. Современная физика, откинувъ прежній взглядъ на дуализмъ матеріи и энергіи, будетъ развиваться по пути, указанномъ Le Bon'омъ, и, быть можетъ, недалеко время, когда человѣчество сдѣлается обладателемъ безконечнаго количества дешевой, внутри-атомной энергіи, а это, конечно, измѣнитъ современную культуру до полной неузнаваемости...

„Россія" **Ю. Г.**

Четвертое измѣреніе. П. Д. Успенскій. Спб., 1910 г. Цѣна 1 руб.

Предлагаемая книга есть отдѣльное изданіе той работы П. Д. Успенскаго, которая печаталась въ „Вѣстникѣ Теософіи" за минувшій годъ, и представляетъ серьезный интересъ, какъ научный опытъ изслѣдованія области неизмѣримаго.

Въ отдѣльномъ изданіи книга добавлена еще одной главой, имѣющей цѣлью познакомить публику съ теософическимъ міропониманіемъ. Центральное мѣсто въ этомъ ученіи, по мнѣнію автора, занимаетъ ученіе „о высшемъ типѣ, о сверхчеловѣкѣ и о методахъ достиженія его". Авторъ видитъ также въ теософіи попытку обосновать объективную реальность явленій невидимаго міра, раскрывающихся намъ въ сновидѣніи, телепатіи и др. Очень интересна замѣтка о мысле-образахъ. Книга очень содержательна и написана легкимъ, популярнымъ языкомъ.

По Его Стопамъ. Шельдонъ. (Перев. съ англійскаго). Спб., 1902 г. Цѣна 40 коп.

Христіане ли мы? Книга даетъ на этотъ вопросъ безусловно отрицательный отвѣтъ и рисуетъ жизнь христіанской общины, участники которой дали себѣ слово ничего не предпринимать, не задумавшись предварительно надъ вопросомъ „какъ поступилъ бы Христосъ?" (I посл. ап. Петра II, 21), если бы Онъ былъ поставленъ въ аналогичныя условія. Подъ вліяніемъ этой думы, проповѣди пастора получаютъ совершенно иной характеръ; издатель газеты отказывается помѣщать доходныя для него, но гибельныя для его ближнихъ, публикаціи; дѣвушка, обладающая дивнымъ голосомъ, отклоняетъ выгодныя предложенія пѣть въ оперѣ и идетъ служить своимъ голосомъ среди обитателей самыхъ низменныхъ кварталовъ большого города, чтобы пробудить въ душахъ людей голосъ забытаго Бога... Книга вызываетъ много глубокихъ мыслей и убѣждаетъ, какъ трудно слѣдовать за Христомъ: „Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ" (Іоанна, XII, 26). На каждомъ шагу возникаютъ конфликты между долгомъ и долгомъ и рѣшать эти конфликты приходится кровью собственнаго сердца.

Къ сожалѣнію, по условіямъ русской цензуры 1902 г., книга издана съ большими сокращеніями.

К. Кудрявцевъ.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Теософіи“ за 1909 годъ.

Статьи по теософіи.

Статьи о теософическомъ движеніи и литературѣ.

Статьи по вопросамъ, соприкасающимся съ теософіей.

Научное обозрѣніе.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Письма къ читателямъ (Другъ читателя).

Отзвуки жизни.

Отзывы о книгахъ.

Изреченія.

Стихотворенія и беллетристическія произведенія.

Мелкія статьи и замѣтки.

Спб. городская Типографія, Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.